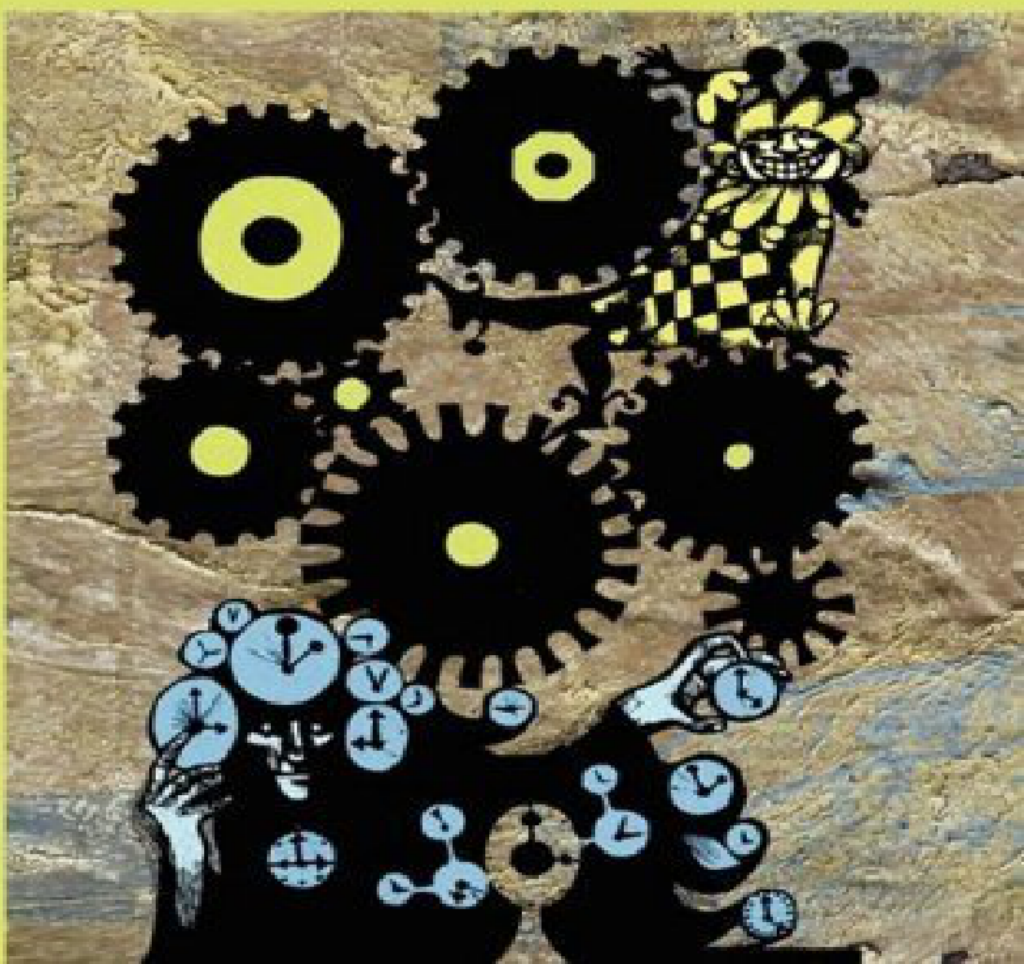
HARLAN ELLISON

TROUBLEMAKERS



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В этом сборнике содержатся восемь рассказов Эллисона ранее не переводившихся на русский язык, и два капитально отредактированных некачественных перевода. Газета Вашингтон Пост назвала Харлана Эллисона одним из величайших ныне живущих американских авторов коротких рассказов. Газета Лос-Анджелес Таймс написала: Харлану Эллисону давно пора получить титул Льюиса Кэрролла 20-го века. За свою пятидесятилетнюю карьеру он получил больше наград чем любой другой ныне живущий фантаст. Он написал или отредактировал 74 книги, более 1700 рассказов, эссе, статей и газетных колонок. Создал две дюжины телепередач и дюжину кинофильмов. Восемь раз получал премию «Хьюго», трижды — «Небьюлу», пять раз — премию Брэма Стокера, присуждаемую Ассоциацией писателей ужасов (включая премию за жизненные достижения в 1996 году), дважды — премию Эдгара Аллана По (американские писатели-мистики), дважды — премию Жоржа Мельеса за фантастический фильм, и Серебряное перо за журналистику от международного союза писателей. Он также единственный автор в Голливуде, который четыре раза получал премию Гильдии сценаристов Америки за самый выдающийся телесериал (сольную работу), последний раз за «Паладина потерянного часа», 1987. В марте 1998 года Национальный женский комитет Брандейского университета наградил его премией «Слова, остроумие и мудрость». Недавно он завершил работу над сценарием фильма «Демон со стеклянной рукой» режиссера Дэвида Туи.

- НАРУШИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ:
  - Вступление:
  - Переход
  - Много тарелок
  - Солдат
  - Дождик, дождик, перестань
  - Ночной дозор
  - Голос в раю
  - Самой тьмы мрачнее
    -
    - I
    - II
    - III
    - IV

    - Никогда не интересуйтесь, почему увядает салат
    - Разумный город
    - Спасательная капсула
    - Джинн
    - «Покайся, Арлекин!» — сказал Тиктакщик
    - Заметки о покорении
    - Бесценный дар гнома
    - Уровень мастерства выслеживания
    - Джеффти пять лет
    - Открой коробку — найдешь подарок!
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
- comments
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

НАРУШИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ: Рассказы ХАРЛАНА ЭЛЛИСОНА

Вступление:
Этот парень попадет в тюрьму!

INTRODUCTION: «THAT KID'S GONNA WIND UP IN JAIL!». Переводчик Н.И. Яньков

Притворяться бесполезно: слишком много «молодых людей» (что бы это ни значило, 4-6-летние, 10–13, 15-20-летние?) С которыми мне приходится сталкиваться в наши дни, — это, по словам Даффи Дака{1}, мароны[1]. Тупые, апатичные, угрюмые, тупоголовые, высокомерные, полуграмотные, тупые, неуважительные, не обращающие внимания на то, что происходит вокруг них, бесчестные, раздавленные давлением сверстников и телевизионной рекламой, грубые, тупые, рабы самых низких проявлений дешевой дерьмовой массовой культуры (как, например, рестлиг[2]; бой-бэнды[3]; идиотские имиджевые комиксы демонстрирующие подросткам женщин с пустыми взглядами — сплошь ноги, голые задницы, груди как дыни на уровне шеи; самодельный мош-пит{2} под наркотой; и старые военно-морские тряпки, в которых каждый из них выглядит либо как суматошная леди или безмозглый бродяга с обвисшими штанами), склонные реагировать даже на незначительные проблемы гневом или насилием, потому что им промыли мозги, заставив поверить, что всё, чего они хотят, они должны иметь, и всё должно быть дано им бесплатно, и, о да… я упоминал, что они тупые? Упоминал ли я также, что они невежественны? А это не совсем то же самое, что тупость. И разве осознание всего этого не портит вам жизнь, которая и так не очень радостна?

Но когда какой-то умник, какой-то совершенно незнакомый человек, намного старше тебя, о котором ты никогда раньше не слышал, смотрит на тебя так, что ты понимаешь — он причисляет тебя к таким «молодым людям», то это сбивает тебя с толку, и ты не можешь понять, что ты сделал не так, чтобы оправдать такое к себе отношение. Очень мило, очень круто я себя при этом чувствую.

Так что, ладно, исходя из выше сказанного, нужно говорить не обо всех детях-подростках. А только о тех, с кем приходится иметь дело каждый день. Тупоголовые, хулиганы, злобные маленькие крысы, которые смеются над тобой за твоей спиной или прямо в лицо, потому что ты слишком толстый, или слишком тощий, или слишком коротко подстрижен, или ты не можешь

контролировать пердеж, или ты все время натыкаешься на предметы, или у тебя адская эпидемия прыщей на этой неделе, или твоя мамочка странно одела тебя, или ты говоришь с акцентом, или ты хорош в спорте, но придурки думают, что ты просто большой тупой бык, или ты действительно любишь читать и получаешь приличные оценки, но качки и прочие шлюшки думают, что ты принц Королевства компьютерщиков.

Не все подростки попадают в категорию «молодые люди», но и они могут по дурости сломать себе жизнь. Я знаю это не по наслышке. Когда я был молодым, я чуть-чуть это не сделал. И у меня есть книга, которая не спасет вам жизнь, не избавит от метамфетамина, не превратит ваш академический спад в восхождение на новый уровень и даже не избавит от прыщей. Это книга о некоторых неприятностях, в которые мы все попадаем. Читайте «Громыхание». Книга предупреждений, своеобразное «га-адилу-у»![3] Чтоб вы знали — так кричат шотландцы, готовясь вылить ведро с помоями из окна. С уроками, которые нужно извлечь из моей собственной испорченной и дьявольской юности.

Беда — это мое второе имя с тех пор, как мне исполнилось два-три года. Да, в те далекие времена я был тем, кому всегда предрекали, что я закончу жизнь в тюрьме, или в канаве, и грузовики забросают мой несчастный труп мусором и грязью. Что ж, этого не случилось. У меня есть слава и деньги, и мастерство, и отличная жена — хозяйка дома. И она давно просила меня написать книгу для вас, ребята.

Итак вот, эта книга, которую ты сейчас держишь в руках, это сборник странных маленьких историй, что-то вроде современной версии басен Эзопа, только не совсем.

И вот что я тебе скажу, я вовсе не герой, я такой же фу… ну ты понимаешь, что я имею в виду, я такой же испорченный, как и ты. Так что читай истории и, если получишь удовольствие, если они заставят тебя улыбнуться, или немного напугают, то… (если у тебя в жизни все получится и, когда ты станешь взрослым, ты разбогатеешь) пришли мне немного денег.

Потому что я просто бедный старый парень, пытающийся зарабатывать на жизнь в мире, полном «молодых людей», которые умнее меня, хитрее меня, быстрее меня; и я почти на грани того, чтобы стать бомжом. Итак, когда станешь богатым и знаменитым, имей в виду, ну, ты понимаешь, возможно это случилось и благодаря тому, что ты прочел эту книгу, и… пришли мне пару баксов.

Я люблю вас, ребята, вы знаете это, не так ли? Я просто люблю вас.

Ваш приятель Харлан.

ХАРЛАН ЭЛЛИСОН, Шерман Оукс, Калифорния.

Переход

«ON THE DOWNHILL SIDE».
Переводчик Н.И. Яньков.

Вот одна из немногих истин, которые я усвоил наверняка, после того как уже в тринадцать лет познакомился с наркотой и отправился бродяжничать (это не имело никакого отношения к моим родителям, они не били меня, просто я был непоседливым ребенком и хотел увидеть мир). Истина заключается в следующем: большинство причин, которые мы приводим для того, чтобы оправдать сделанное, то или иное, обычно это то, за что на нас накричали, наказали или арестовали, так вот, большинство причин, которые мы выдумываем, — чушь собачья (я бы использовал выражение покрепче, но библиотеки собираются пополнить свои фонды этой книгой). Все эти причины и отговорки — просто неубедительны, и они только раздражают людей, кричащих на вас. Так что выкинь их из головы, нечего придумывать чушь. Единственная причина, которая имеет хоть какой-то смысл, звучит так: «тогда это казалось хорошей идеей». Какой бы неубедительной она ни была, но это правда. «Зачем ты разбил то окно?» — «Тогда это казалось хорошей идеей». «Зачем ты связался с этой шлюшкой, ведь знал, что ни к чему хорошему это не приведет?» — «Тогда это казалось хорошей идеей». «Зачем ты попробовал этот чертов крэк?» — «Тогда это…». Ну, ты понял. Жаль, что парень который будет дальше рассказывать свою историю, этого не понял. Потому что истинный ответ на вопрос, который он сам себе задавал: «Почему я полюбил её, ведь она не ставит меняя ни в грош, а это такая боль?» должен был быть таков — «Тогда это казалось, что…». И нечего было ему мучиться, искать другие ответы. — «В любви всегда есть тот, кто целует, и тот, кто подставляет щеку». — Французская пословица. А вот что он рассказал:[4]

Она гуляла в благодатной прохладе кишащей тараканами

луизианской ночи и не отбрасывала тени — все ясно, свой кадр, призрак. А когда она смогла взъерошить шелковистую гриву моего единорога (мой единорог при этом заржал, наклонил голову, и она погладила спираль из слоновой кости на его роге), я понял, что она девственница. Ее звали Лизетт, и она была греческим храмом, в котором никогда не приносили жертв. Весталка из Нового Орлеана.

Этого происходило в так называемом Ирландском канале, районе Нового Орлеана, где много десятилетий назад обосновались ирландцы с кружевными занавесками; теперь их не стало, и район захватили кубинцы. Сейчас народ спал, приходя в себя после душного дня. Всем снилась либо духота прошедшего дня, либо невыносимый предстоящий день. Настало время ночных призраков. Журнальная улица потихоньку наполнялась ими, выползавшими из подворотен и переулков. Один такой призрак подошел ко мне, подзывая к себе моего единорога. По поведению единорога было ясно — она девственница. Я замер в ожидании.

Встреча на улице требует ритуала. Нужно подождать и не дышать слишком громко, если хочешь насладиться обществом ночного призрака.

Она посмотрела поверх красивой головы моего единорога и улыбнулась мне. Ее глаза были трудно определимого оттенка серого. Я поинтересовался:

— Тебе не холодновато?

— Когда мне было тринадцать, — сказала она, беря меня за руку и делая два неуверенных шага, ведя меня за собой вверх по улице, — или, возможно, мне было двенадцать, ну, неважно, когда мне было примерно столько лет, у меня была чудесная шаль из бельгийского кружева. Я могла бы заглянуть в нее и увидеть неразгаданные тайны солнца и других звезд. Я уверена, что кто-то важный и очень великодушный купил эту шаль у антиквара и щедро заплатил за нее.

Мне показалось, что это не является ответом на простой вопрос. Но она добавила:

— Королеве бала Марди Гра[5] не бывает холодно.

Я шел рядом с ней, холодная уклончивость ее руки связывала нас, в моей голове была путаница вариантов продолжения беседы, ни один из которых не был удовлетворительным.

За нами молча следовал мой единорог. Ну, не совсем бесшумно. Его платиновые копыта стучали по мостовой. Она была само совершенство. Боюсь, я почувствовал укол ревности. Как она гладила единорога. Я был покорен ею совершенно.

— Когда ты была королевой бала?

Дата, которую она мне назвала, была сто тринадцать лет назад. Должно быть, ей там, внизу, в ее каменной обители, было зверски холодно.

Есть небольшая книжка «Правила поведения в ресторанах Нового Орлеана», но, насколько я помню, в книге нет ни слова о том, как правильно вести в них призракам. И там ничего не говорится о замечательных кладбищах Западного берега Нового Орлеана и есть ли изысканные рестораны в тех местах. Человек тщетно ищет исчерпывающее руководство о том, как действовать во всех мыслимых ситуациях в этой изменчивой, непостоянной вселенной. И, потерпев неудачу в поисках, он страдает от необходимости самому находить правильное решение, впадает в уныние от того что это не просто. Находясь рядом с Лизетт, я испытывал именно это.

Мы гуляли какое-то время и узнавали друг друга, насколько это было возможно. Ключевым здесь является то, что мы редко стремимся узнавать другого достаточно глубоко. Нам не хватает для этого искреннего желания. Я не извиняюсь, это несомненный факт — большинству связей не хватает глубины. Мы оказываемся в разных местах в разное время и на короткий промежуток времени связываем свою жизнь с другими — так же, как Лизетт взяла меня под руку, — а затем, по истечении какого-то времени, мы расходимся. Иногда сквозь пелену боли; обычно сквозь завесу воспоминаний, которая цепляется, а затем проходит — иногда так, как будто мы никогда не соприкасались.

— Меня зовут Пол Ордал, — сказал я ей. — И самое ужасное, что когда-либо случалось со мной, — это моя первая жена Бернис. Я не знаю, как еще это выразить — даже если это звучит мелодраматично, то, что произошло, — она сошла с ума, после того как я развелся с ней (а, может, из-за того?), и ее мать поместила ее в частную психиатрическую клинику.

— Когда мне было восемнадцать, — сказала Лизетт (такое впечатление, как будто мои слова пролетели мимо ее ушей), — моя семья устроила вечеринку в честь моего выхода в свет. Мы жили в Гарден Дистрикт, на Притания-стрит. Дом прекрасный, белый в южном колониальном стиле — сейчас их называют довоенными — с греческими колоннами. У нас была беседка цвета хурмы в саду за домом, прямо рядом с плакучей ивой. Она была шестигранной. Восьмиугольной. Или все-таки шестиугольная? Это была самая красивая вечеринка. И пока она продолжалась, я улизнула с парнем… Я не помню его имени… и мы пошли в беседку, и я позволила ему потрогать мою грудь. Я не помню его имени…

Мы шли по Декейтер-стрит, направляясь к Французскому

кварталу; справа от нас была Миссисипи, темная, но дававшая о себе знать. Я решил тоже пропустить ее слова мимо ушей:

— Видишь ли, после того как ее мать отправила ее в больницу прошло четыре года. Я только дважды слышал о них за это время и, честно говоря, вспоминать об этом больше не хотел. Однажды, после того, как я начал прилично зарабатывать, ее мать позвонила и сообщила, что Бернис нужно перевести в государственную психушку, поскольку частную лечебницу она оплачивать больше не в состоянии. Я деньги отправил и сказал, чтобы она мне больше не звонила. Конечно, я мог бы денег выделить и побольше, но я снова женился, у моей новой жены был ребенок от предыдущего брака. Да и не хотел я больше ничего отправлять. После этого был только один телефонный звонок… это было самое ужасное, что когда-либо случалось со мной…

Мы гуляли по Джексон-скверу, глядя на очень черную траву, читая таблички, прикрученные к остроконечному забору, таблички, говорящие о том, что Новый Орлеан когда-то принадлежал французам. Мы сели на одну из скамеек.

— Фамилия моей новой жены была *Шарбонне*. — Я произнес это с хорошим французским акцентом и поинтересовался. — А ты можешь так сказать?

— Я вышла замуж за очень богатого человека. Он занимался недвижимостью. Одно время ему принадлежал целый квартал на Бурбон-стрит, теперь это *Вьё-Каррэ*. Он очень восхищался мной. Он пришел и попросил моей руки, и моей маме пришлось заключить сделку, потому что мой отец был слишком слаб, чтобы сделать это — он, как обычно, был пьян. Теперь я могу это признать. Но это не имело значения, я уже выяснила, как мой жених устроен в финансовом плане. Он не был обычным мужчиной, и красивым не был. Но он был богат, и я вышла за него замуж. Он дарил мне подарки. Я делала то, что должна была делать, играла роль жены. Но я отказалась заниматься с ним любовью после того, как он подружился с тем ужасным евреем. Моего мужа звали Данбар. Клод Данбар, возможно, вы слышали это имя? Наши вечеринки были довольно известны.

Прямого ответа на свой вопрос я вновь не получил — видимо таковы правила нашего разговора, но название Французский квартал — *Вьё-Каррэ* — прозвучало вполне по-французски.

— Не хочешь ли кофе с пончиками в Дю Монд? — Предложил я.

Она мгновение смотрела на меня, как будто хотела, чтобы я сказал что-то еще, затем кивнула и улыбнулась.

Мы прогулялись по скверу. Мой единорог ждал у обочины. Я

почесал его радужный бок, и он высек искру из бордюра правым передним копытом.

— Я знаю, — сказал я ему, — скоро переход. Но не сейчас. Потерпи. Я тебя не забуду.

Мы с Лизетт зашли в кафе Дю Монд и я заказал два кофе с теплым молоком и две порции пончиков.

От реки веяло прохладой, и я продолжил рассказ о своей жизни:

— Я был в Нью-Йорке, получал награду на съезде архитекторов. Я упоминал о том, что я был архитектором? — Да, именно им я был в то время, архитектором — и давал телевизионное интервью. Мать моей первой жены увидела мое выступление, просмотрела газеты, чтобы узнать, в каком отеле мы проводим конференцию, узнала номер моей комнаты и позвонила мне. Я довольно поздно явился в отель после банкета, на котором мне вручали награду. Сидя на краю кровати, снимал ботинки, галстук от смокинга свисал с расстегнутого воротника, я готовился просто бросить одежду на пол и завалиться спать, когда зазвонил телефон. Это была моя бывшая теща, которая, по моему мнению, была ужасным человеком, сущей ведьмой, ужасным, просто ужасным человеком. Она начала рассказывать мне о Бернис в психушке. Что держали ее в маленькой комнате, что она большую часть времени смотрела в окно. Что она впала в детство и большую часть времени даже не узнавала свою мать, но в минуты просветления говорила что-то вроде: «Не позволяй им причинять мне боль, мамочка, не позволяй им причинять мне боль». Мне надоело ее слушать, и я поинтересовался, чего она от меня хочет, нужны ли ей деньги для Бернис, или может она хочет, раз уж я все равно нахожусь в Нью-Йорке, чтобы я навестил Бернис? В ответ прозвучало испуганное: «Боже, нет»! А потом я услышал нечто ужасное. Она сказала, что в последний раз, когда она навещала Бернис, та обернулась, приложила палец к губам и прошептала:

— Тссс, мы должны вести себя очень тихо. Пол работает.

И, клянусь, змея свернулась у меня в животе. Это была самая ужасная вещь, которую я когда-либо слышал. Хотя тогда я этого полностью не осознал. У меня была уверенность, готовность поклясться Богом, что не моя вина в том, что Бернис оказалась в сумасшедшем доме, но все же оставалась маленькая частичка сомнения — а вдруг? И эти слова, просто выбили меня из колеи, но повторюсь, я тогда этого не понял. Я просто пропустил это мимо ушей, это была просто защитная реакция сознания, иначе это разрушило бы меня. Итак, рухнули эти железные стены уверенности в своей невиновности, а я просто продолжал что-то

говорить, и через некоторое время она повесила трубку.

Только два года спустя я позволил себе задуматься об этом, и тогда я заплакал; прошло много времени с тех пор, как я плакал в последний раз. О, не потому, что я верил в эту чушь о том, что мужчине не положено плакать, а просто потому, что, наверное, не было ничего настолько важного, из-за чего стоило бы плакать.

Но когда я позволил себе услышать, что она сказала, я начал плакать, и продолжал плакать, пока, наконец, не пошел и, посмотрев в зеркало в ванной, спросил свое отражение: был ли такой случай, заставил ли я ее когда-нибудь замолчать, чтобы я мог работайте над чертежами?… И когда через некоторое время я увидел, что отражение отрицательно качает головой, мне стало легче. Это было, наверное, за три года до моей смерти.

Лизетт мой рассказ не впечатлил, она слизнула сахарную пудру пончиков со своих пальцев и пустилась в длинную историю о любовнике, которого она завела. Она не помнила его имени.

Было где-то за полночь. Я думал, что полночь послужит сигналом к началу перехода, но прошел час, а мы все еще были вместе, и она, казалось, не была готова исчезнуть. Мы вышли из кафе Монд и направились к центру Квартала.

Я презираю Бурбон-стрит. Стриптиз-клубы с пирожками на сосках{4}, запах похоти, карликовые души мужчин, настроенные только на плоть. Шум.

Мы прошлись по ней, как знатоки искусства по выставке картин. Она продолжала рассказывать о своей жизни, о мужчинах, которых она знала, о том, как они любили ее, о том, как она их отвергала, и о мелочах своего прошлого существования. Я продолжал рассказывать о своих возлюбленных, о всех женщинах, которые были дороги моему сердцу, как бы долго каждая из них ни была связана со мной. Мы говорили каждый о своем, наш разговор шел под прямым углом, встречаясь только на перекрестках молчания в конце истории.

Она захотела джулеп[6], и я отвез ее в Ройял отель, мы сидели в тишине, пока она пила. Я наблюдал за ней, изучая это призрачное лицо, выискивая хотя бы малейший признак интереса ко мне в ее глазах. Но там ничего не было, и я сгорал от желания сказать правильные слова, вызвать жару, от которой таяние этих ледников все же начнется. Но она выпила и предалась воспоминаниям о вечерах с молодыми людьми в похожих отелях сто лет назад.

Мы пошли в ночной клуб, где танцор фламенко и его труппа из двух женщин выступали на сцене, их черные туфли, сверкающие звездами, вызывали во мне резонанс (танцовщицы были весьма привлекательны), который я предпочел

проигнорировать.

В клубе кроме нас были еще две пары, но чрезвычайно симпатичный танцор ни разу не посмотрел в ту сторону, и я понял, что он положил глаз на Лизетт и танцевал для нее. Он вцепился в лацканы своего пиджака-болеро и стучал каблуками по сцене, как человек, забивающий гвозди. Она наблюдала за ним, и ее язычок совершил совершенно очевидное кокетливое путешествие по краю бокала с ликером. Наливали минимум два бокала, а поскольку мне никогда не нравился вкус алкоголя, она была готова предотвратить выкидывание денег на ветер, выпив и мой, и свой собственный. Напивалась ли она или просто баловала себя, я не знаю. Это не имело значения. Я ослеп от ревности, и драконы завладели моими глазами.

Когда танцор закончил свое получасовое шоу, он подошел к нашему столику. Его костюм был облегающим цвета арктических озер. Его волосы были вьющимися и влажными после танца. Его привлекательность привела меня в бешенство. Произошла сцена. Он спросил, как ее зовут, я вставил комментарий, он попытался быть вежливым, почувствовав мое отвратительное настроение, она проигнорировала мой комментарий, он сказал что-то по-кастильски, она ответила, я встал и толкнул его, завязалась потасовка. Нас попросили уйти.

Оказавшись на улице, она отошла от меня.

Мой единорог стоял на обочине и хлебал что-то из чашки.

Я наблюдал, как она нетвердой походкой идет по улице в сторону Джексон-сквер. Я почесал шею своему единорогу, он перестал есть и долго смотрел на меня. В его гриве сверкали кристаллики льда. Понятно, волнуется, ведь приближается время перехода.

— Скоро, скоро, дружище потерпи, — сказал я.

Он вновь склонил свою элегантную голову к тарелке.

Я последовал за ней вверх по улице. Она быстро шла к парку. Я окликнул ее, но она не остановилась. Она начала водить рукой по стальным прутьям ограждения сквера. Кончики ее пальцев мягко постукивали по стойкам, и однажды я услышал щелчок наманикюренного ногтя.

— Лизетт!

Она пошла быстрее, проводя рукой по темным металлическим прутьям.

— Лизетт! Черт возьми!

Мне не хотелось бежать за ней; это было как-то ужасно унизительно. Но она уходила все дальше и дальше. В сквере были бродяги, они сидели, ссутулившись, на скамейках, вытянув руки вдоль спинок. Бродяги, парни с бородами и рюкзаками. Я вдруг

испугался за нее. Хотя обосновать это было невозможно, ведь она была мертва уже сто лет. Для этого не было никаких причин… Но я боялся за нее!

Я бросился бежать, звук моих шагов эхом разносился по площади. Я поймал ее на углу и потащил за собой. Она попыталась дать мне пощечину, и я поймал ее за руку. Она продолжала пытаться ударить меня, расцарапать мне лицо наманикюренными ногтями. Я держал ее и отталкивал от себя, кружил и кружил, до головокружения, пытаясь вывести ее из равновесия. Она дико раскачивалась, вскрикивая и что-то нечленораздельно говоря. Наконец, она споткнулась, и я притянул ее к себе и крепко прижал к своему телу.

— Прекрати это! Остановись, Лизетт! Я… Прекрати это!

Она обмякла у меня на груди, и я почувствовал, как она плачет у меня на груди. Я отвел ее в тень, мой единорог подошел к нам и встал под уличным фонарем, ожидая.

Налетели ветры несбыточной мечты. Я услышал их и понял, что мы уже в шаге от перехода, что времени остается все меньше. Я прижал ее к себе и вдохнул запах ее волос, запах древесного дыма.

— Послушай меня, — сказал я тихо, прижавшись к ней. — Послушай меня, Лизетт. Наше время почти вышло. Это наш последний шанс. Ты прожила в своей каменной обители сто лет; я слышал, как ты плачешь. Я приходил туда, к тебе, ночь за ночью, и я слышал, как ты плачешь. Видит Бог, ты заплатила достаточно. Я тоже. Мы можем это сделать. У нас есть еще один шанс, и мы сможем это сделать, если ты попытаешься. Это все, о чем я прошу. Попробуй.

Она оттолкнулась от меня, тряхнув головой, так что каштановые волосы откинулись с ее лица. Ее глаза были сухими. Призраки могут это делать. Плакать, без слез. Нам отказано в слезах и в некоторых других вещах, я не буду говорить о них здесь.

— Я солгала тебе, — сказала она.

Я прикоснулся к ее щеке, ее волосы упали мне на руку:

— Я знаю. Мой единорог никогда бы не позволил тебе прикоснуться к нему, если бы ты не была чиста. Я — нет, но у него нет выбора со мной, он приставлен ко мне. Он мой попутчик, и он терпит меня. Мы друзья.

— Нет. Ты меня не понял. Вся моя жизнь была ложью. Все, что я рассказала тебе, было ложью. У нас ничего не получится. Ты должен отпустить меня.

Я не знал точно, куда она попадет после перехода, но я знал, как это произойдет. Я спорил с ней, пытаясь убедить ее, что у нас

есть выход. Но она не могла в это поверить, у нее не было ни сил, ни воли, ни веры. Наконец, я отпустил ее.

Она обняла меня за шею и притянула мое лицо к своему, постояла так несколько мгновений. Затем поднялся ветер, в ночи послышались звуки, звуки зова, и она ушла, оставив меня там, в тени.

Я сел на бордюр и подумал о годах, прошедших с тех пор, как я умер. Годы без Музыки и Света в душе. Скитался, ничто не поддерживало меня, кроме воспоминаний и единорога. Как мне было жаль его; он был приставлен ко мне, пока я не получу свой шанс. И вот теперь это время пришло, я сделал все, что мог, и потерпел неудачу. Должна была состояться пара призраков, он и она, искренне любящая друг друга. Не состоялась. Шанс потерян. Почти потерян.

Лизетт и я были двумя сторонами одной монеты, обесценившейся, которую невозможно было потратить. Нас лишили последнего пристанища, не дали упокоиться с миром, бросили на произвол судьбы скитаться и раскаиваться в наших преступлениях, и только однажды между смертью и вечностью у нас будет шанс. Этой ночью… этой ничем не примечательной ночью… это был наш шанс.

Мой единорог подошел ко мне и потерся мордочкой о мое плечо. Я протянул руку и почесал у основания его спирального рога, его любимое место. Он издал долгий серебристый вздох, и в этом звуке я услышал приговор и ему, и мне. Наши судьбы были связаны. Связаны тем, кто предопределил шанс этой ночи. Но если я проиграю, то проиграет и мой единорог, тот, кто странствовал со мной все беззвучные, лишенные света годы.

Я встал. Я ни в коем случае не был готов к сражению, но как-то ведь нужно было потратить время этого мира оставшееся до перехода.

— Ты знаешь, где все это непосредственно будет происходить?

Мой единорог двинулся вдоль по улице.

Я последовал за ним, безнадежность боролась с разочарованием. До рассвета все должно закончится, у меня последний шанс. После полуночи начинается переход. Времени было мало, и, когда оно закончится, ни для Лизетт, ни для меня, ни для моего единорога не останется ничего, кроме времени. Навсегда.

Вскоре я понял, куда мы направляемся. Шум Квартала уже стих. Дело близилось к рассвету. Человеческие вши наконец-то заползли в свои норы, чтобы отоспаться после ночного разгула. Мне хотелось обрести силу, способную уничтожить

раковую опухоль, в которую превратились Бурбон-стрит и Квартал с его туристической грязью и кричащим неоном, вернуть ему красочный, но здоровый вид, в котором он процветал сто лет назад, много лет назад. Но я был всего лишь призраком, а не одним из богов, обладающих такой силой, и очень об этом сожалел. Не плохо было бы совершить такое под занавес. У Лизетт, наверно, таких мыслей не было, ведь она здесь выросла, привыкла.

Мой единорог свернул на темные улицы, двигаясь всегда в одном и том же направлении, и когда я увидел первые черные очертания надгробий на фоне ночного неба, светлеющего ночного неба, я понял, что был прав в своем предположении о пункте назначения.

Кладбище Сент-Луис.

О, как я жалею тех, кто никогда не видел всемирно известное кладбище Сент-Луис в Новом Орлеане. Это идеальное кладбище, само совершенство, самое прекрасное кладбище во Вселенной. (В некоторых конструкциях есть совершенство, которое полностью определяет функцию. Например, датские стулья не могут быть ничем иным, как стульями. Они настолько совершенны, что, если бы мир, каким мы его знаем, закончился, и через миллиард лет новоорлеанские тараканы заняли бы в нем место человека. То они, занявшись археологическими раскопками и найдя один из этих стульев, несомненно поняли бы, для чего предназначен этот предмет. И, исходя из этого, они могли бы воссоздать облик человека. Хотя сами они стульями не пользовались, физически не были предназначены для этого. Именно такое совершенство имеют в виду, когда говорят о всемирно известном кладбище Сент-Луис.)

Кладбище Сент-Луис древнее. Оно вздыхает тенями, удобно устроенными склепами и многие стали известными после смерти только потому, что они были похоронены на кладбище Сент-Луис. Уровень грунтовых вод находится всего на восемнадцать дюймов ниже уровня Нового Орлеана — по этой причине здесь нет могил. Тела захораниваются над землей в склепах, в усыпальницах, скелетохранилищах, мавзолеях. Надгробия разные, нет двух одинаковых, каждое из них является свидетельством искусства камнереза. Свидетельством того высокого положения, которое покойный занимал при жизни.

Ночь близилась к концу. Рассвет еще не окрасил небо на востоке, но в ночи чувствовалось потепление; это было время моего шанса. Шанса Лизетт.

Мы приблизились к кладбищу, мой единорог и я. Из глубины, в центре каменной линии горизонта за оградой, было видно

ледяное сияние пульсирующего синего света. Такой свет в рефрижераторе — холодный, плоский.

Я взобрался на своего единорога, прижался к его шее, вцепившись в гриву обеими руками, прижав колени к его шелковистым бокам, которые теперь переливались светом и красками, и издал негромкое одобрительное шипение, тихую команд «вперед».

Мой единорог перемахнул через ограду и мы оказались на всемирно известном кладбище Сент-Луис.

Я спешился и поблагодарил его. Мы начали пробираться между надгробными плитами, склепами, усыпальницами.

Голубое свечение становилось все отчетливее. И теперь я мог слышать, как ветры несбыточной мечты поднимаются, кружатся, налетают. Ветры перехода. Пульсация света, завывание ветров, умирающая ночь. Мой единорог оставался рядом. Даже мы, обитатели мира духов, знаем, когда нужно бояться.

В конце концов, я рассчитывал только на свой шанс, я не был под защитой бога. Беззащитный, даже после смерти.

За исключением некоторых случаев зимой, в Новом Орлеане нет тумана. Но сейчас вокруг нас начал формироваться туман. Я вспомнил ту ночь, когда я умер. Тогда был туман. Я покончил с собой.

От меня ушла моя третья жена. Она ушла ночью, пока я был на деловой встрече с клиентом; меня наняли проектировать церковь в Батон-Руж. В тот день я отпаривал старые обои в квартире, которую мы снимали. Это должен был быть наш первый совместный дом. Я использовал деревянную стремянку, конденсатор пара. Под потолком стояла такая ужасная жара, что я чуть не упал в обморок. Она принесла мне свежевыжатый лимонад. Затем я принял душ, переоделся и отправился на свою встречу. Когда я вернулся, ее уже не было. Была записка.

Мы с Лизетт были двумя сторонами одной монеты, лишенные после смерти покоя, если разобраться, за одно и тоже преступление. Она никогда никого не любила. Я любил слишком многих, то есть, по сути, не любил никого. Чрезмерное баловство в чем-то столь деликатном, как любовь, считается чудовищно оскорбительным в глазах Бога Любви. И наказание для таких — болтаться между смертью и вечностью, имея всего один шанс исправить этот тоскливый ужас. Сегодня это может случиться. Сегодня или никогда.

Вокруг нас образовался туман, и мой единорог подобрался поближе ко мне, какой-то маленький, почти робкий. Мы двигались в сферы, которых он не понимал, где его ограниченная магия была бесполезна. Это были сферы могущества, настолько

недоступные даже существам из зоны лимбо — таким, как мой единорог, — настолько совершенно чуждые даже странникам промежуточной зоны — Лизетт и мне, — что мы были так же беспомощны и ничего не понимали, как и те, кто живет. У нас было только одно преимущество перед живыми, дышащими, пока еще не умершими людьми: мы точно знали, что царства по ту сторону существуют.

Тот, кто дал мне шанс, дал шанс Лизетт, жил где-то в этих непостижимых сферах, и несомненно, наблюдал сейчас за нами. Туман клубился вокруг нас, холодный и вековечный, как пыль гробниц фараонов.

Мы двинулись сквозь туман, к пульсирующему центру голубого света. Там увидели Лизетт. Она лежала на алтаре из хрусталя, обнаженная и дрожащая. Вокруг нее стояли Они — высокие и прозрачные человеческие фигуры без лиц. Внутри их прозрачных форм клубился странный серебристый туман, похожий на дым от священных кадил. Там, где должны были быть глаза человека или призрака, были только тускло мерцающие отблески светлячков внутри, висящие в дыму, движущиеся, меняющие форму и положение. Глаз вообще не было. Высокие, очень высокие, они возвышались над Лизетт и алтарем.

Для меня, когда наступит рассвет без спасения, предстояла только вечность скитаний с моим единорогом в качестве единственного спутника. Призрак навеки. Благовонная несбыточная мечта, видимая как пылевой дьявол на горизонте, леденящая душу, навсегда ушедшая, невидимая, потерянная, пустая, беспомощная, блуждающая.

Но для нее, пустого сосуда, судьба была чем-то совершенно иным. Бог Любви позволил ей покидать ее каменную обитель лишь ночью, днем она была заперта в ней. Он дал ей последний шанс. И, поскольку она не смогла им воспользоваться, то была отдана этим существам… другого порядка… высшего или низшего, я понятия не имел. Но ужасным.

«Лагниаппе!»

Я выкрикнул это слово. Старое креольское слово, которое употребляют в Новом Орлеане, когда хотят чего-нибудь лишнего, какой-нибудь добавки; круассаны в придачу, еще несколько морковок, положенных в пакет для покупок, бóльшую порцию моллюсков, крабов или креветок.

— Лагниаппе! Лизетт. Попробуй… потребуй это… еще есть время… ты получишь это по заслугам… ты заплатила… Я заплатил… это наше… попробуй!

Она села, ее обнаженное тело освещалось мерцающими огнями холодного голубого холода. Она села и посмотрела на

меня, а я, раскинув руки, отчаянно пытался прорваться к ней через этот голубой свет, но он был для меня непроходим. Только девственницы могли пройти сквозь него.

И было видно, что Они не отпустят ее. — Им обещали хорошую кормежку, это было видно. Я заплакал, как плакал, когда, наконец, услышал, что сказала мать моей первой жены, и когда, вернувшись домой в пустую квартиру, увидел, что от меня ушла моя третья жена. Тогда я понял, что слишком много было в моей жизни женщин, но никто из них меня на самом деле не любил, вот разве что первая жена, и решил, что поскольку жизнь бессмысленна, то и продолжать ее не стоит.

Лизетт хотела пройти ко мне, я видел, что она хотела прийти ко мне. Но они хотели поужинать.

Затем я почувствовал морду моего единорога у своей шеи, одним махом он преодолел барьер, который был для меня непроницаем, и замер в ожидании. Лизетт спрыгнула с алтаря и подбежала ко мне. Все это произошло одновременно. Я почувствовала, как тело Лизетт прижалось к моему, и мы увидели моего единорога, стоящего там, в ожидая, когда на него заявят права, предлагая себя вместо Лизетт.

Я впервые после смерти узнал, что значит быть парализованным. Нужно было сделать выбор. Моя Лизетт, мой шанс на новую жизнь и мой единственный друг, которому поручили тяжелую работу сопровождать меня, который полюбил меня и которого полюбил я. Мой друг беззвездных ночей. Мой друг, который ходил со мной в бесконечные экскурсии.

Великие Прозрачные стояли молча, наблюдая, ожидая, словно довольные тем, что дают нам возможность принять окончательное решение. Но в воздухе чувствовалось их нетерпение, мягкое мурлыканье, похожее на кошачее.

— Вернись! Не ради меня… не делай этого ради меня!

Единорог повернул голову, посмотрел на нас, затем отвернулся и двинулся к ним. Они восприняли это как окончательное решение — окружили его, их быстрые стеклянные руки потянулись вниз, чтобы коснуться его. Первая рука коснулась его гладкого серебристого бока, и единорог издал дрожащий вздох боли. По его боку пробежала рябь. Не быстрое движение плоти, как будто он избавляется от мухи, а совершенно чуждая, неестественная дрожь, заключающая в своей стремительности всю агонию и потерю вечности. Единорог издал вздох, хотя его и не было слышно.

Все огромные Прозрачные прикасались к нему, их ледяные пальцы ласкали его теплую шкуру. А мы беспомощно наблюдали. Краски хлынули по телу моего единорога, как будто, становясь

более интенсивными, можно было отбить холодные прикосновения стеклянных рук. Пульсирующие волны радужного цвета, которые несколько мгновений жили в его шкуре, затем потускнели, снова засветились и исчезли. Затем цвета исчезали один за другим, цветность ослабевала: пурпурно-синий, марганцево-фиолетовый, кобальтово-синий — сомнение; привязанность — хром-зеленый; хром-желтый — созерцание; малиновый — ирония; серебро — суровость; сострадание — кадмиево-красный, белый…

Они опустошили его… он не сопротивлялся им… Становился все холоднее и холоднее… вспышки желтого, шепот синего, бледного, как белизна… дрожь слилась в одну непрерывную дрожь… чудесные золотистые глаза закатились в муках, стали плоскими, яркость потускнела, стали металлическими… платиновые копыта покрылись коркой ржавчины… И он стоял, не пытался убежать, отдал себя за нас… и он был опустошен. От всего. Мы могли видеть его насквозь. Пары клубились внутри прозрачной оболочки запотевшего стекла, мерцая… затем ничего. А потом пропала даже оболочка.

Холодный голубой свет померк. Прозрачные стали расплывчатыми. Дым внутри них казался гуще, двигался медленнее, видимо, они наелись, стали вялыми и собирались уйти обратно в то темное место, где они ждали, всегда ждали, пока их голод не пробудится снова. Да, мой единорог исчез. Я был наедине с Лизетт. Туман рассеялся. Прозрачные исчезли, и снова это было просто кладбище. Первые лучи утреннего солнца пробились сквозь беспорядок надгробий.

Мы стояли вместе, как одно целое, ее обнаженное тело, белое и девственное, в моих усталых объятиях; и когда солнечный свет коснулся нас, мы начали исчезать, сливаться, смешивать наши тела и наши блуждающие души друг с другом, образуя единый дух, мы воспользовались нашим шансом.

Добрый Бог предоставил нам возможность каждому родиться заново в каком-то другом человеческом облике, мужчины или женщины, мы не знали, в каком именно. О прошлом мы, конечно помнить не будем. Да это и не имеет значения. На этот раз нам повезет. Бог Любви нам поможет.

Самопожертвование из шелковистой гривы, цветов радуги, платиновых копыт и спирального рога. — Редкое явление даже в мире лимбо.

Много тарелок

«A LOT OF SAUCERS». Переводчик Н.И. Яньков

Не знаю, как вы, а я терпеть не могу, когда в рекламном ролике в кинотеатре раскрывают весь сюжет фильма, за просмотр которого они хотят, чтобы я заплатил кучу баксов на следующей неделе. А эти идиотские предупреждения «Осторожно: спойлер!» в СМИ и соцсетях перед тем как изложить содержание фильма или книги. Спойлер предоставляет человеку сведения, которые лишают фильм или книгу интриги, а человек лишается эмоций, которые испытал бы, если бы смотрел или читал без спойлера. Идиотские предупреждения — как будто у нас хватит самообладания перестать читать или смотреть спойлер. Поэтому я не хочу раскрывать суть этой следующей истории, но мне нужно прямо здесь пояснить, в чем заключается «урок» для нарушителей спокойствия. Поэтому позвольте мне быть еще более непонятным, чем обычно. Хочу только подчеркнуть. — Обратите внимание: не все в жизни такое, каким кажется. С другой стороны, психолог Зигмунд Фрейд сказал: «Иногда сигара — это просто сигара», что означает, что не все обязательно является символом чего-то другого, в данном случае фаллического символа (вы могли бы воспринять это так). Обычно мы боимся или относимся с подозрением к тому, чего не понимаем, к тому, что нам незнакомо. Итак, прежде чем вы начнете искать врагов под кроватью и думать, что тот, кто одевается, выглядит или говорит не так, как вы, представляет угрозу, вспомните старую историю о мыши (или белке, или лягушке, смотря какую версию вы слышали), которая в зимнюю полночь замерзает на дороге. Но тут появляется эта большая лошадь, и видит, что существо синеет — вот-вот умрет. Тогда лошадь поднатужившись роняет на него большую, жирную, дымящуюся, пахучую булочку. Может, там и грязно, но, по крайней мере, мышке тепло, и ее жизнь спасена. Лошадь уходит, появляется лиса, видит торчащую из говна голову крошечного зверька, вытаскивает и съедает его. Мораль такова: не каждый, кто втягивает тебя в дерьмо, является врагом; не каждый,

кто вытаскивает тебя из этого дерьма, является другом. Иногда все проще, чем кажется. Иногда все твои страхи проистекают лишь из-за твоего собственного невежества.

Это был не один аппарат, не десяток, или сотня. Их было пять тысяч. Их было ровно пять тысяч, и все возникли одновременно. Да, они появились в небе над Землей мгновенно.

Только что небо было пустым и серым, с редкими облаками… В следующее мгновение аппараты заслонили облака и отбросили на землю огромные тени.

Они были идеально круглыми, диаметром несколько миль, и не возникало сомнений — даже на секунду — что прилетели они откуда-то из космоса. Они висели в миле над Землей примерно над 30-й параллелью, над Лос-Анджелесом, пустыней Сахара, Багдадом, Канарскими островами и Шанхаем. Землю опоясало кольцо из дисков. Между краями дисков расстояние было миль десять. Каждый, кто их видел, нисколько не сомневался в их силе и угрозе которую они несут.

Они висели неподвижно. Как будто чего-то ждали.

Ожидание повисло над Землей.

— Самое удивительное в этом, генерал, то, что время от времени один из них просто щелкает и исчезает. Через некоторое время раздается щелчок и на его месте возникает другой! — С другими надписями на корпусе. Никто не может понять, что это такое.

Говорящий, капитан Альбертс, был невысок, щеголеват, мундир сидел на нем как влитой, на затылке уже намечалась лысина. Капитаном, адъютантом генерала он уже служил давно и устал ждать повышения в чине. Внимательным взглядом, проявляя должное почтение к генералу, он сложил руки на животе, закончил свою речь и откинулся на спинку стула.

Генерал сцепил свои толстые пальцы домиком и принялся молча раскачиваться взад-вперед в большом кожаном кресле, пристально глядя на своего адъютанта. Адъютант: политически правильное слово, оно звучало лучше, чем «раб», обозначающее парня, который выполняет за генерала большую часть его работы. Генерал нашел Альбертса, когда тот был младшим лейтенантом, и понял, что у него есть сокровище, когда Альбертс решил десять сложных задач за два дня. Он не собирался повышать этого капитана в чине… Капитан был нужен ему прямо здесь, чтобы служить генералу.

— Сколько времени — с точностью до часа — они уже здесь, капитан? — Тон генерала был почти обвиняющим, определенно

агрессивным.

Он молча ждал ответа, пока адъютант листал папку, сверялся с часами и закрывал глаза, подсчитывая. Наконец адъютант наклонился вперед и сказал:

— Три дня, восемь с половиной часов, генерал.

— И с ними до сих пор ничего не сделано, — лицо генерала угрожающе грозное. Это был не вопрос, а утверждение, требующее либо объяснений, либо оправданий.

— Но, генерал, что мы можем сделать? Мы не осмеливаемся поднять в воздух истребители-перехватчики. Эти твари… никто не знает, что они предпримут, если мы предпримем враждебные действия… или даже если это будет выглядеть враждебно. Мы не знаем, откуда они взялись и чего хотят. Или что у них внутри. Но если они были достаточно умны, чтобы добраться сюда, они наверняка достаточно умны, чтобы остановить любые наступательные действия, которые мы могли бы предпринять. Мы в тупике, генерал. У нас связаны руки.

Генерал наклонился вперед, и его проницательные голубые глаза словно тисками сдавили лицо адъютанта.

— Капитан, никогда не употребляйте это выражение в моем присутствии. Первое, что я усвоил, когда учился в Вест-Пойнте, это то, что руки у военно-воздушных сил Соединенных Штатов никогда не связаны. Вы это понимаете?

Капитан неловко поежился и сделал вопросительный жест рукой:

— Да, но, генерал… что…

— Я сказал «никогда не связаны», капитан Альбертс! И вам лучше выйти и сделать что-нибудь прямо сейчас.

Адъютант поспешно поднялся на ноги, отодвинул стул на дюйм и быстро отдал честь. Повернувшись на каблуках, он вышел из кабинета с застывшим на лице выражением недовольства. Впервые с тех пор, как он получил это тепленькое местечко у генерала, ему предстояла опасная работа.

Тарелки держались плотным строем. Они парили в воздухе, не опускаясь ни на дюйм. Их разделяло миль десять пустого пространства, но ясно, что они в состоянии, сбить любого, кто пролетит между ними… если захотят.

Они были огромными, без защитных оболочек или шасси, без каких-либо видимых выступов. Их обшивка была сделана из какого-то слабо отражающего металла. Это делало вероятность того, что это был какой-то сверхпрочный материал, еще более вероятной. Это были безмолвные гиганты, изменившие все мировые авиалинии. Они не двигались и не подавали признаков жизни. Они просто были там, и что тут можно было сказать?

Каждые несколько часов, через неравномерные промежутки времени (без какой-либо закономерности, которую можно было бы засечь или вычислить), исчезал один из кораблей. Над пустынными песками Сахары, или над многолюдными улицами Шанхая, или высоко над неоновыми огнями Лас-Вегаса один из кораблей на мгновение покачивался, как будто на какой-то невидимой волне, а затем щелкал! и исчезал. Вскоре после этого — иногда почти сразу; иногда проходил час или два, и на месте исчезнувшего появлялся другой корабль. Это был другой корабль, потому что у этого нового корабля была другая раскраска, но размеры у него были точно такими.

Над кораблями сгустились грозовые тучи и пошел дождь. Вода струилась по их гладким металлическим поверхностям и стекала вниз, пропитывая землю на милю ниже.

Они не предпринимали никаких действий и не проявляли враждебности, но, как сказал торговец скобяными изделиями из Сан-Франциско: «Боже мой, эти твари могут взорвать нас в любую секунду!» А, представитель берберского племени, разговаривая со своими товарищами на верблюдах промолви: «Да, они молчат, но они откуда-то появляются, и мне страшно, очень страшно».

Так продолжалось целую неделю, ужас сковал землян по всему миру. Это не было какой-то катастрофой, произошедшей в штате Миссисипи, чтобы жители Коннектикута могли прочитать об этом и покачать головами, а потом больше не беспокоиться. Это затронуло всех, и мысли значительной части населения Земли были только об этих изящных металлических транспортных средствах с какой-то далекой звезды.

Это было воплощением всеобщего ужаса.

С каждым днем морально-психологическая атмосфера на Земле становилась все хуже и хуже.

Адъютант чувствовал, что его глубокая злость и отвращение к этому напыщенному генералу быстро растут. Он проработал адъютантом генерала уже три года и был вполне доволен должностью. Генерал был важной персоной, и было удивительно, сколько решений принималось им без предварительной проверки и перепроверки подчиненными, решений самого высокого уровня.

Капитан знал, что генерал им гордится, «Хороший человек этот Альбертс» отзывается генерал о своем адъютанте в офицерском клубе. Ну еще бы: адъютант принимал большинство решений, а генералу оставалось только отдавать приказы. Ему даже не приходило в голову, что почти всю его работу выполняет адъютант.

Но этот кризис с тарелками коренным образом отличался от всего, чем ему приходилось заниматься прежде. Решения этой

проблемы от генерала ожидали как вышестоящие, так и его подчиненные, да и вообще вся общественность. И впервые в жизни его грубые черты лица, военная выправка и доброе имя не могли ничем ему помочь. А он даже не мог себе представить с какого боку подступиться к проблеме. Это делало его нервным, раздражительным и все это отражалось на адъютанте, которому становилась жить совсем невмоготу.

— Черт возьми, Альбертс! Это не какая-то мелочь, которую можно решить не напрягаясь! Это чрезвычайная ситуация по всей стране, и все повисло у меня на шее! Видит Бог, я делаю все, что в моих силах, но мне нужна небольшая помощь, я пытался донести до тебя всю серьезность ситуации, то что с этим нужно покончить немедленно. Ведь это привело весь мир в смятение. А ты совсем мышей не ловишь, парень! Это начинает попахивать нарушением субординации, Альбертс… может ты это нарочно?

Адъютант наблюдал за происходящим, сжав губы в тонкую линию. Впервые генерал разговаривал с ним на «ты» и в такой унизительной манере. Ему это не понравилось, очень не понравилось. Но это был всего лишь еще один признак того, что старик потерял былую уверенность в себе.

Генерал происходил из семьи состоятельных военных, учился в Вест-Пойнте и окончил его с отличием. Он поступил на службу в Военно-воздушные силы, когда сухопутные войска и военно-воздушные корпуса были одним целым, и остался там после разделения. Он служил в авиации и поднялся по служебной лестнице со скоростью недоступной глазу. В основном благодаря связям своего отца. Почести, служебные привилегии, медали… все это благодаря статусу.

Этот человек был состоятельным, обеспеченным, но нерешительным, и адъютант принимал решения за него в течение трех лет. Альбертс задался вопросом, что произойдет, когда в следующем году в соответствии с планом ротации он будет переведен на другую работу. Освоится ли новый адъютант так же быстро? Или генерал, используя свои связи, сделает все, чтобы Альбертс остался на своем посту?

Но все это было в будущем, а решение о летающих тарелках генерал должен был принять сам. В этом он ему не помощник. И плохо, что генерал совсем расклеился. Очень плохо.

— А теперь отправляйся и сделай хоть что-нибудь! — крикнул генерал, хлопнув ладонью по пустому столу. Его лицо пошло пятнами от разочарования и досады.

Альбертс отдал честь, развернулся и вышел, думая: «Чтоб он обосрался. Надеюсь, Пентагон всыпет ему по первое число за его бездеятельность. Лично я буду только рад».

Одна тарелка отличалась от остальных. На ней были видны повреждения в том месте, где «тарелка», видимо, столкнулась с метеоритным роем. Маркировка на ней была неряшливой, на корпусе виднелись очевидные заплаты.

Она казалось бедным родственником этих ярких, сверкающих, удивительно замысловато раскрашенных товарок. И этот бедный родственник никогда-никогда не исчезал, в отличие от остальных, висел себе где-то над пустыней в Неваде.

Однажды гражданский пилот из Лас-Вегаса, проигнорировав запреты, подлетел очень близко к этой тарелке. Пилот несколько раз облетел ее, описывая круг за кругом, описывая огромные размашистые дуги. К тому времени, когда он совершил свой четырнадцатый облет и решил приземлиться на вершину тарелки, просто так, шутки ради, перехватчики, базировавшиеся неподалеку, получили сигнал сигнал к действию, и в считанные минуты сбили его.

Когда судьба мира висит на волоске, не время уговоров всяких сумасшедших. Он повел себя неразумно, пренебрег приказами оставаться на земле и не высовываться, и поэтому попал под действие военного положения, которое было введено в стране на следующий день после появления пяти тысяч кораблей пришельцев.

Радиосвязь с кораблями установить не удавалось. Телевизионные передачи были столь же бесполезны.

Единственный раз была надежда на установление контакта, это когда были наняты филолог и лингвист для трансляции полного курса английского языка. Луч был направлен сначала на один корабль, затем на другой — они его просто отражали. И, наконец, когда он был направлен на «бедного родственника», луч был поглощен. Это было хоть каким-то признаки контакта. Телепередача продолжалась в течение тридцати шести часов подряд, затем коренастый, краснолицый, со шмыгающий носом лингвист, отодвинул стул, подобрал свой кашемировый свитер, валявшийся в углу, и сказал, что это все бесполезно.

Ответа не последовало. Если существа, которые летали на этих тарелках, были достаточно разумны, чтобы добраться сюда, они, несомненно, были достаточно разумны, чтобы выучить английский за это время. Но ответа не последовало, и настроение у всех снова упало.

Служебные записки по каналам связи лихорадочно передавались от президента по цепочке: помощнику, министру обороны, заместителю министра, начальнику штаба, генералу, и, в конце концов, попадали к Альбертсу для исполнения. В результате получилось вот что:

— Послушайте, пилот, я хочу, чтобы вы пролетели над этим «бедным родственником» — сказал адъютант.

— Прошу разрешения, капитан, вопрос — бросил молодой пилот, широко раскрыв глаза, и, дождавшись кивка Альбертса, продолжил. — А разрешение? Последний человек, который попробовал это сделать, сэр, плохо кончил. Я имею в виду, сэр, что мы находимся в пределах досягаемости, и если у нас не будет допуска, то мои приятели свернут нам на шею. — Он говорил с легким техасским акцентом, который с легкостью срывался с его тонких губ.

Адъютант почувствовал, как в крови бурлит адреналин. Он три недели терпел оскорбления от генерала, а теперь вынужден был лететь сам, прямо в пасть смерти (как он выражался про себя), чтобы оценить ситуацию… Ему не нравилась бледность появившаяся на лице летчика. Нет, это явно не Флойд Беннет.[7]

Альбертс махнул рукой и направился к вертолету:

— Не беспокойтесь. — Он облизал губы и добавил. — Все согласовано, и единственное, о чем нам нужно беспокоиться, — это о том, как к нам отнесутся тарелки.

Диски поднимались из вечерней невадской дымки. Облака опустились, а туман поднялся, они смешались, придавая колеблющийся, нечеткий вид металлической линии тарелок, уходящей за горизонт.

Вертолет спасателей «Сикорский» подлетел к тарелке, его роторы хлопали — хлоп-хлоп-хлоп-хлоп — над головой.

Адъютант почувствовал, как от приступа страха волосы у него на затылке встают дыбом.

Тарелка внезапно вынырнула из тумана, и они оказались достаточно близко, чтобы разглядеть, что на тусклой металлической поверхности корабля были полосы пыли и грязи. «Вероятно, от одного из этих ураганов в Неваде» — подумал адъютант.

Они снизились и зависли в двух футах над пустой металлической поверхностью диска.

— Видите что-нибудь? — спросил адъютант.

Пилот огляделся по сторонам, затем включил поисковый луч. Луч света скользнул по гладкому корпусу тарелки и ничего не высветил. Ни заклепок, ни единого отверстия в конструкции. Ничего, кроме грязи, оспин и того, что можно было бы принять за заплаты, будь это обычный корабль.

— Ничего, сэр.

— Доставьте нас туда, прямо вон туда, видите? — Адъютант указал на более светлое место на корпусе корабля. — Мне кажется, что там какой-то другой оттенок хромирования.

«Сикорский» приподнялся на пару футов, повернулся и направился к указанному месту. Там они внимательно осмотрели его.

— Мало того, что это более светлый оттенок, но и… это может быть что-то, вроде… — начал Альбертс. Но прежде чем он смог закончить фразу прямо перед «Сикорским» из корпуса корабля начала расти колонна. — Прозрачный, почти как стекло, материал, на вершине металлический диск. Она поднималась и поднималась, пока не стала возвышаться над ними.

— Х-х-х… — адъютант говорил с трудом. — Ходу!

Это было скорее рычание, чем команда. Но прежде чем они успели улететь, внутри колонны появился человек и уставился на них.

Он был, должно быть, тридцати футов ростом и полностью покрыт рыжевато-коричневой шерстью. Его уши были заострены и посажены почти на макушке. Глаза были скрыты глубокими зарослями спутанных волос, а нос представлял собой пару прорезей для дыхания. Его руки свисали далеко ниже пояса, и на них было по восемь пальцев. Каждый палец представлял собой щупальце, которое жило своей собственной жизнью. Он был одет в просторную, мятую, грязную тогу, залатанную и покрытую пятнами.

Он уставился на них, не мигая. Потому что у него не было век.

— Боже Всемогущий! — вскрикнул пилот и какое-то мгновение вслепую возился с рычагами управления, не в силах оторвать глаз от существа, стоявшего перед ними. Наконец его руки справились с рычагами управления, и вертолет унесся прочь со скоростью звука.

Столб, возвышавшийся над тарелкой, оставался поднятым в течение нескольких минут, затем медленно опустился обратно в корабль.

На том месте, где он поднимался, не осталось никаких следов.

Каким-то образом информация об этом инопланетяне просочилась наружу. И с тех пор подзорные трубы всего мира были направлены на непрерывную цепочку дисков, вращающихся вокруг Земли. Наблюдали за происходящим посменно, чтобы ничего пропустить, но результат был нулевой. Больше никто не появлялся. По радио тоже никто на связь не выходил. Не было никаких признаков жизни во всей цепочке дисков. Шла восьмая неделя, и о них было известно столько же, как и в день их прибытия.

Ни одно правительство не отваживалось направить

исследовательскую экспедицию, боялись что малейший намек на неверный шаг может вызвать гнев «тарелок».

На Земле разразился экономический кризис. Производство катастрофически сократилось. Никто не хотел работать, ведь в любой момент мог разразиться апокалипсис. Население перебиралось в леса, болота и глухие уголки планеты. Возможно летающие тарелки собирались затопить города огнем и смертью, никто не хотел бы быть там, когда это произойдет.

Они не проявляли враждебности, именно это оставляло миру надежду, но они были чужаками, они были со звезд! И это делало их ужасными и опасными.

По всему миру в отношении десятков высокопоставленных лиц были возбуждены дела о невыполнении своих служебных обязанностей. Ситуация ухудшалась с каждой минутой. На десятой неделе слухи о служебных и судебных заморочках прекратились, и появились слухи о военном трибунале. И расстрельной команде.

— Надо что-то делать, Альбертс. Надо что-то делать!

Адъютант наблюдал с чем-то похожим на печаль за тем, как его начальник теряет самообладание. Вот и пропала его тепленькая работенка.

— Но что, генерал? — Он говорил тихо и размеренно. Нет смысла доводить старика до очередной истерики.

— Я-я хочу подняться туда… посмотреть, как он выглядит… посмотреть, что я могу с-сделать…

Час спустя «Сикорский» доставил генерала к линии Мажино[8], состоящей из безмолвных тарелок.

Двадцать минут спустя он вернулся, весь в поту и белый, как рыбье брюхо:

— Ужасно. Весь в волосах и глаза. Ужасный. Ужасно. — Он прохрипел еще несколько слов и опустился на стул.

— Вызовите арсенал, — задыхаясь, выдохнул он. — Пусть подготовят ракету. С атомной боеголовкой. Сейчас же!

Истребитель с ракетой был готов к взлету. Офицер прежде дать команду на взлет позвонил в штаб за подтверждением. Ведь это был не просто испытательный полет, это была атомная ракета, и какими бы ни были последствия, офицер хотел, чтобы они обрушились на голову генерала, а не на его собственную.

В штабе адъютант, отвечая на звонок, попросил офицера подождать, и, положив телефонную трубку на рычаг, спросил дрожащего начальника.

— Что сказали в Вашингтоне, генерал?

— Они сказали, что ситуация полностью в моим контролем, и

я волен поступать так, как считаю нужным. Президента невозможно найти. Они думают, что он и его кабинет были тайно вывезены куда-то на Запад, в горы.

Произнося эти слова, генерал не смотрел на своего адъютанта. Он уставился на свои сжатые и трясущиеся руки.

— Скажите им, чтобы наносили удар. Мы посмотрим это по телевизору.

Адъютант поднял телефонную трубку, дважды щелкнул кнопками подключения, быстро и тихо проговорил в микрофон:

— Приступайте.

Через полторы минуты они услышали грохот. — Реактивный самолет, находящийся на взлетно-посадочной полосе где-то с полмили от них, набрал обороты и, взлетев, расколол огнем вечернее небо.

Затем генерал с адъютантом пошли в телевизионную комнату и посмотрели на ряды экранов. На одном из них они увидели безмолвный пояс тарелок. На другом была тарелка и над ней надпись «ЦЕЛЬ». На третьем экране была показана траектория истребителя.

— Вон он! — закричал один из техников, указывая на огненный след реактивного самолета, который несся к скоплению тарелок. Они молча наблюдали, как самолет набрал высоту, спикировал, и увидели, как ракета покинула его брюхо и устремилась вперед. Самолет взмыл вверх, сделал вираж и полетел назад, а ракета понеслась к на цели.

Затаив дыхание, они наблюдали, как маленькая атомная ракета врезалась в тарелку, и вздрогнули, в момент удара.

Ослепительная вспышка на мгновение осветила все экраны, и через несколько секунд они услышали взрыв. Ударная волна вывела из строя восемнадцать из тридцати телеметрических камер.

Но на одном из них они отчетливо разглядели тарелку. Грибовидное облако поднималось, поднималось, поднималось из наклонной верхней части блюдца. Блюдцу это нисколько не повредило. Но нет, на верхней поверхности блюдца была видна трещина. И из нее вытекло пузырящееся белое вещество. Вещество пенилось и растеклось по поверхности блюдца. Затем, на их глазах, из корабля поднялся прозрачный столб… …и пришелец появился внутри.

Его лицо выражало ярость и ненависть. Он бил кулаками по поверхности колонны и ревел, это все было видно но не слышно — звуки не покидали пределы корабля. Он сплюнул, и на прозрачном материале колонны появились кроваво-красные пятна. Его рот широко раскрывался при крике, были видны

длинные острые зубы. Он погрозил кулаком всему окружающему, и колонна опустилась внутрь корабля.

Минуту спустя, впервые с тех пор, как она появилась над Землей, тарелка щелкнула! и исчезла.

— Возможно, это был неверный шаг, генерал…

Генерал, взгляд которого был прикован к экрану телевизора какой-то невидимой цепью, сердито повернулся к своему адъютанту:

— Об этом должен беспокоиться я, капитан Альбертс. Я говорил вам, что военный разум может решать проблемы прямым методом, простым методом, в то время как эти ученые бездельничают и беспомощно рисуют каракули.

Он говорил громко, почти истерично, и адъютант уловил облегчение в его голосе.

— Они бегут, — крикнул генерал, широко улыбаясь. — Бегут, клянусь Богом! А теперь, давай, Альбертс, отправимся с несколькими зенитными батареями в пустыню и уничтожим остальные тарелки в этом районе. Подождите, скоро президент услышит об этом!

Они были в пустыне, шесть отдельных батарей зениток пялились в небо, обстреливая ракетами тарелки. Они были поглощены своим делом, уверенные, что находящиеся на других кораблях (и почему у адъютанта все время возникало ощущение, что на других кораблях никого нет?) тоже подожмут хвост и исчезнут так же быстро, как это сделала та тарелка час с четвертью назад.

Они только что угодили пятью ракетами в белоснежное блюдце с фиолетовыми отметинами, как «бедный родственник» появился снова.

Щелчок!

Он вернулся, этот волосатый инопланетянин в грязной, заляпанной пятнами тоге. Тарелка снова оказалась на том же месте, которое покинула, почти прямо над батареями генерала.

Поднялась колонна, и генерал ошеломленно наблюдал, как металлическая крышка соскользнула с колонны, и инопланетянин вышел наружу.

Он стоял на крыше своего корабля, и они увидели, что рана в корпусе заделана. Она была заделана каким-то черным липким веществом, которое прилипало к когтистым лапам инопланетянина, когда он шел по поверхности тарелки. В руках он держал толстый предмет, похожий на автомат, прижимая его к массивной груди.

Затем он прокричал что-то голосом, похожим на раскаты

грома, на своем гортанном языке. Затем, перейдя на ломанный английский, снова закричал.

Генерал напряг слух. У него не хватало мозгов понять смысл услышанного, но адъютант понял, и с ужасом, прыгнул в сторону от зенитки, перекатился через голову и бросился бежать в пустыню.

Генерал колебался лишь мгновение, прежде чем последовать за ним, но это промедление оказалось для него фатальным.

Пришелец направил предмет, похожий на автомат, на батарею, раздался взрыв, и куски металла с визгом взмыли в небо. Тела людей разлетелись во все стороны, на месте батареи образовался тридцатифутовый кратер.

Генерал почувствовал, как его подняли, ударили и бросили. Он упал на землю и закричал — боль в левом боку была невыносимой, его рука отлетела в сторону на расстояние футов в пять. Он кричал не переставая. Через мгновение Альбертс оказался рядом с ним, оттаскивая его подальше от воронки.

Инопланетянин стоял, широко расставив ноги, на вершине своей машины и стрелял, стрелял, поливая Землю голубым огнем, затем шагнул в колонну, которая снова опустилась в корабль. Через несколько секунд корабль дернулся! исчез и материализовался в небе в десяти милях, над авиабазой.

Раздались новые взрывы. Небо стало бледно-голубым от его стрельбы на целых полчаса.

Затем тарелка дернулась! и исчезла. Несколько мгновений спустя голубоватое свечение — еще более слабое, но все время усиливающееся — стало видно в двадцати милях дальше, там стал страдать Лас-Вегас.

Щелчок! Щелчок! Щелчок! — Тут материализовалась еще дюжина тарелок, подобных этому «бедному родственнику», таких же обшарпанных, они на мгновение замерли, словно пытаясь сориентироваться, а затем щелкнули! прочь.

В течение следующих часов небо было затянуто бледной синевой, и было легко заметить, что чистка систематически перемещается по планете. Инопланетяне работали не покладая рук.

Голова генерала покоилась на коленях его адъютанта. Он умирал, надежды не было никакой. Весь его левый бок был обожжен и разорван. Он лежал, глядя в лицо некогда щеголеватому адъютанту, и его глаза едва могли сфокусироваться. Язык вывалился у него изо рта. Затем он произнес несколько слов. Запинаясь:

— Я… не смог расслышать… что он с-сказал, Альбертс. Ч-что… он… сказал?

Глаза генерала закрылись, но грудь все еще вздымалась. Адъютант почувствовал, что вся ненависть, которую он питал к этому человеку, улетучилась. Хотя этот хвастливый дурак стал причиной гибели целого мира, он все равно умирал, и не было смысла позволять ему нести эту вину на себе.

— Ничего, генерал. Совсем ничего. Вы сделали все, что могли, сэр.

Затем он понял, что последнее «сэр» было произнесено напрасно. Генерал был мертв.

— Вы сделали все, что могли, сэр, — обратился адъютант к ночи. — Но ваша ошибка коснулась всех нас. Все, что сказал пришелец, это то, что на этой стоянке такси завелись вредители, и он является одним из тех, кто собирается очистить от них стоянку, даже если ему придется работать сверхурочно в течение столетия.

Слова растаяли в ночи, и в ней осталась только синяя бледность. Растущая, сверкающая. Неужели она не угаснет никогда? Неужели никогда?

Солдат

«SOLDIER». Переводчики Н. Штуцер, Вл. Ковалевский

Если эта следующая история и покажется вам немного знакомой, то возможно потому, что вы видели по телевизору в 1965 году фильм «За гранью возможного» сценарий которого был написан мной по этому рассказу. Или вы смотрели фильм под названием «Терминатор» в 1984 году, там один из эпизодов имеет поразительное сходство с фильмом «За гранью возможного». Кинорежиссер просто напросто совершил кражу. Я подал в суд на кинокомпанию и выиграл его. Возьмите напрокат видеокассету или DVD с «Терминатором» и посмотрите в конце, в титрах вы увидите мое имя, как соавтора сценария, оно появилось по решению суда.

Итак, в этой истории есть два хороших урока для «нарушителей спокойствия». Первый из них настолько очевиден, что мне даже неловко его излагать: Если насилие становится твоим образом жизни, если ты думаешь, что удар в челюсть действительно решает какие-то проблемы, то очень скоро это становится для тебя единственным способом справиться с проблемой, большой или маленькой. И, наконец, в один прекрасный день, когда ты решаешь таким способом очередную проблему, кто-то гасит твой свет навсегда.

Быть умным — это лучше, чем быть сильным. Решать умом — это лучше, чем бить кого-то. Обдумайте проблему, не позволяйте ей становиться действительно вашей проблемой.

Другой урок — тот, который должен был усвоить режиссер, удостоенный премии «Оскар» (а может быть, он даже еще не усвоил его): Не позволяй своему эго разгуляться настолько, чтобы считать, что тебе позволено все, что ты можешь совершать любые неэтичные действия, потому что ты такой крутой и никто не посмеет тебя тронуть. Не думай, что остальной мир так глуп, как тебе хотелось. Парниша, знай: Всегда есть оружие, которое действует быстрее твоего, и есть люди, которых ты просто не сможешь победить, как бы ты не старался.

Карло скрючился на дне своей укрепточки и, готовясь к уже близкому броску, еще плотнее закутался в плащ. Даже тройная подбивка плаща не защищала его от пронизывающего холода, царившего на поле боя, и, несмотря на то что один из слоев подбивки состоял из освинцованного материала, Карло все равно ощущал легкую щекотку радиоактивности, уже принявшейся разъедать ткани его тела. По коже непрерывно бежала ледяная дрожь. Главный удар наносился южнее, и Карло оставалось лишь терпеливо ждать, прислушиваясь, не прозвучит ли телепатическая команда его старшего офицера.

Карло ощупал пальцами бортик укрепточки и заметил, что недостаточно укрепил его с помощью уплотнителя материи. Тогда он вытащил из сумки этот крошечный приборчик, производящий сжатие молекулярных промежутков, и внимательно осмотрел. Калибратор оказался сдвинутым на одно деление — теперь понятно, почему жидкая грязь укрепточки не затвердела так, как того требовала обстановка.

Ночной воздух вдруг вспороло оглушительное шипение восьмидесятижильного боевого луча, и солдат сунул уплотнитель на место. Паутинный узор лучей скользнул по небу, нашаривая предположительное местонахождение оперативного центра, бросая по пути кроваво-красные отблески на гранитные черты лица Карло.

Оперативный центр проследил направление многожильного луча до его источника и ответил ослепляющими вспышками собственных батарей. Залп, затем второй, третий… Восьмидесятижильный луч снова вспыхнул, но уже гораздо слабее, чем раньше, а потом угас окончательно. Через мгновение эхо взрыва встряхнуло землю там, где находился Карло, с такой силой, что ливнем посыпались комки недостаточно уплотненной грязи и мелкие камни. Еще мгновение, и последовал град шрапнели.

Карло вжался в землю, беззвучно моля сохранить этот жалкий комочек жизни, затерявшейся во всепоглощающем разливе смерти. Он прекрасно знал, что его шансы на возвращение назад бесконечно малы… Да возвращались ли хоть трое из каждой тысячи? Так что иллюзии у Карло в этом вопросе начисто отсутствовали. Он был простым пехотинцем и понимал, что его жизнь в ходе седьмой мировой войны обречена на уничтожение.

И как будто взрыв установки восьмидесятижильного луча явился сигналом, во всю мочь заговорили орудия подразделения самого Карло. Яркие вспышки вспарывали черноту неба над

головой, образуя сложнейшие хитросплетения нитей, возникавших и пропадавших, ежесекундно изменявшихся, проходивших всю гамму цветов солнечного спектра и образующих полосы таких оттенков, которые Карло затруднился бы даже определить словами. Карло сжался в несчастный комочек на дне заполненной вязкой жижей укрепточки. Ему оставалось только одно — ждать.

Карло был хорошим солдатом. Он отлично знал свои обязанности. Пока эти металлические и энергетические чудища злобно грызлись между собой, бедному одинокому пехотинцу делать было решительно нечего — он мог разве что умереть. Карло выжидал, зная, что его время еще придет… к сожалению, придет даже слишком быстро. Независимо от того, какими свирепыми, смертоносными и какими механизированными до полного автоматизма стали современные войны, конечный исход их все равно решался пехтурой. А как же иначе? Ведь между собой продолжали драться все равно те же люди.

Мозг Карло вяло трепыхался где-то на грани полной отключки и обостренного бодрствования. Подобное состояние хорошо известно всем бойцам в тех случаях, когда ночь вокруг них до предела насыщена тяжелым громыханием мощных орудий.

Даже звезды — и те, казалось, куда-то попрятались.

Внезапно вырубились многожильные лучи, в мгновение ока погасли их цветные узоры, и на землю снова пала глухая тишина. Теперь Карло будто подменили — он был готов действовать. Наконец-то настал долгожданный момент. Сейчас мозг Карло был целиком настроен на поиск одного-единственного звука. Мозгу предстояло сформировать команду, в строгом соответствии с которой Карло будет действовать в дальнейшем. Эта команда формируется, конечно, отнюдь не под влиянием собственного волевого усилия солдата. Стратеги и психологи немало потрудились над этим делом: сигнал к ее появлению был запечатлен в мозгу каждого бойца. Он был как бы наложен на мозг, отпечатан на нем, погружен в его глубины. Команда постоянно присутствовала там, и стоило командиру полка послать свой телепатический приказ, как превращенный в марионетку Карло должен был выскочить из укрепточки и броситься в заранее определенном направлении.

Но когда приказ прозвучал, Карло к тому времени уже предвосхитил его, будто он за секунду до того, как возникло мозговое напряжение и слово «Вперед!» взорвалось в его мозгу, услышал сигнал и принял к сведению, что момент действия настал.

На какую-то секунду раньше, чем следовало, он вскочил на

ноги и выпрыгнул из укрепточки, прижимая к груди свой брандельмейер, ощущая на животе, спине и бедрах привычную тяжесть патронташей и сумки. Именно из-за этого незначительного опережения команды и произошло то, что случилось в дальнейшем. Никакие другие случайные совпадения не смогли бы привести к подобному результату, но эти — могли и привели.

Когда первые залпы хорошо пристрелянных батарей противника встретились с комбинацией лучей столь же тщательно пристрелянного оружия солдат подразделения Карло, то они столкнулись в точке, где вообще-то ничего не должно было находиться. Однако так как Карло выпрыгнул из укрепточки чуть раньше, чем следовало, то в фокусе столкнувшихся лучей случайно оказался именно он.

Три сотни хорошо различимых лучей образовали пространственную решетчатую структуру, состоящую из сверкающих радуг и выбрасывающую на пятьсот футов вверх потоки отрицательных частиц. Последовало короткое замыкание… и солдат исчез из пространства и времени поля битвы.

Инфаркт у Натана Швахтера произошел прямо на платформе подземки. Солдат материализовался непосредственно перед его глазами — он возник ниоткуда, грязный, свирепый, со странным оружием, прижатым к груди… возник в тот момент, когда старик собирался опустить пенни в автомат со сластями.

На Карло был все тот же длинный плащ — дематериализация и последующее восстановление не оставили на нем никаких следов. Потрясенный, солдат уставился на худощавую физиономию неизвестно откуда появившегося перед ним человека и весь затрясся, когда эта физиономия издала пронзительный крик.

С растущим изумлением и ужасом Карло наблюдал, как худое лицо исказилось судорогой. Старик рухнул на замусоренную платформу, схватился за грудь, попытался набрать в легкие побольше воздуха. Его ноги судорожно согнулись и разогнулись, а рот дико и широко открылся. Так он и умер — с открытым ртом и глазами, уставившимися в потолок.

Карло равнодушно оглядел тело — неужели эта смерть имеет хоть какое-то значение, когда ежедневно во время войны убивают около десяти тысяч человек… и смерть их куда более страшна. Какое ему дело…

Внезапный, заполнивший, казалось, всю Вселенную вопль приближающегося к платформе поезда поглотил все внимание

солдата. Темный туннель, в который внезапно преобразовался его переполненный войной мир, мгновенно затопило ржавым воплем невидимого монстра, несущегося к нему из глубокой тьмы.

Боец, прочно засевший в Карло, непроизвольно заставил его спину изогнуться, а ноги — принять боевую стойку. Опираясь на пятки, он мгновенно направил ствол оружия в направлении нараставшего грохота.

Из толпы, сгрудившейся на платформе, раздался крик, на какое-то время заглушивший даже гром приближающегося поезда.

— Это он! Это он! Это он застрелил старика!.. Он сумасшедший!

Лица повернулись в сторону Карло. Низенький человек в грязной фуфайке, лысая голова которого поблескивала в свете потолочных ламп, дрожащим пальцем тыкал в сторону Карло.

Было похоже, что в толпе образовались два течения. Люди как бы отхлынули назад и в то же время надвинулись на Карло. И тут поезд, на высокой скорости вырвавшись из-за поворота, заполнил даже самые потаенные уголки сознания солдата своим диким воем. Рот Карло раскрылся в безумном вопле, и, скорее под влиянием рефлекса, нежели осознанного намерения, брандельмейер внезапно ожил в его руках. Тройное волокно холодного голубого луча с шипением вырвалось из похожего на колокольчик надульника, пересекло туннель и ударило в головной вагон поезда.

Передняя стенка мгновенно расплавилась, мотор вышел из строя, и поезд остановился как вкопанный. Металл тек с той же легкостью, с какой низкосортная пластмасса течет в топке мусоросжигателя. Там, где он спекся в рыхлые комья, металл ярко и жирно светился, больше всего похожий на оксидированное серебро.

Карло от всей души пожалел, что открыл огонь сразу же, как ощутил в ладонях вибрацию брандельмейера. Ведь он находился вовсе не там, где должен был находиться. Вопрос — где же он находится, приобрел первостепенную важность. К тому же Карло знал, что ему угрожает опасность. Каждое его движение должно было быть взвешено самым тщательным образом, а похоже, что старт с самого начала сделан совершенно неверно. Но этот рев…

Он давно притерпелся к воплям на полях сражений, однако громовое эхо поезда, многократно умноженное в замкнутом пространстве, явилось для него источником неописуемого ужаса.

Пока Карло тупо взирал на дело своих рук, толпа за его спиной бросилась к нему как один человек.

Трое здоровенных мужчин, по виду принадлежащих к администрации, в угольно-черных мундирах, с кейсами, которые они побросали, кинувшись на Карло, до одурения похожие на плохие копии одного и того же образца, крепко схватили его за локти, за талию и за шею.

Солдат, проорав что-то непонятное, отшвырнул наглецов прочь. Один из них, пролетев через всю платформу, скользя на собственной заднице, закончил путь, с силой врезавшись физиономией в покрытую кафельными плитками стену. Другой, закрутившись волчком и беспомощно размахивая руками, влетел в гущу толпы. Третий попытался было повиснуть на шее Карло, но солдат оторвал его от земли, поднял извивающееся тело над головой, заставив тем самым разжать руки, и с силой шваркнул о колонну. Служащий, ударившись об острый край, соскользнул на землю и лежал теперь совершенно неподвижно со страшно выгнутой спиной.

Толпа, испуганно крича, вновь отступила. Несколько женщин, стоявших в первых рядах, увидели кровь, текущую по лицу одного из служащих, и незаметно для всех рухнули в обморок на грязную платформу. Толпа продолжала вопить. Крики как две капли воды были похожи на визг теперь уже мертвого поездного состава. И все же, будучи в конечном счете единым существом, толпа продолжала оттеснять солдата к краю платформы. На какое-то время Карло совсем позабыл, что он по-прежнему держит в руках брандельмейер. Теперь он взял его на изготовку, и то существо, которым стала толпа, колыхаясь, отступило назад.

Кошмар! Для Карло все происходящее выглядело как какой-то странный и бесформенный кошмар. Все вокруг совсем не напоминало ту войну, где уничтожаешь каждого, кого увидишь. Здесь ситуация была совсем иной, и в ней он чувствовал себя потерянным. Что же с ним случилось?

Карло попятился к стене; кожу на спине пощипывали струйки пота, обильно выдавленные страхом. Да, он был готов погибнуть в бою, но ведь то, что произошло с ним, не имеет ничего общего с этим естественным и столь ожидаемым событием.

Он оказался здесь, а не там — где бы ни было это здесь и куда бы ни девалось это там. Эти люди безоружны и, по-видимому, штатские. Впрочем, их все равно нужно уничтожить… И все же — что произошло? И куда девалось поле боя?

Его отступление к стене вскоре остановилось — пришлось осторожно, боком огибать колонну… Карло знал, что сзади тоже стоят люди, точно такие же, как эти бледные особи, что толпятся перед ним, и в нем зрело понимание, что отсюда ему уже не выбраться.

В мыслях царила такая неразбериха и так близок был этот простой солдат к истерическому припадку, что его мозг решительно отказывался признать хотя бы даже возможность внезапного переноса из войны в эту и во многих отношениях более страшную действительность. Все мысли Карло, как и подобает настоящему солдату, сосредоточились на одном: надо поскорее уносить отсюда ноги!

Он скользнул вдоль стены; толпа расступилась перед ним, уступая дорогу, и тут же сомкнулась за его спиной. Карло круто развернулся, заставив толпу отхлынуть, направляя на нее черный зев колокольчатого надульника брандельмейера. И снова (сам не зная почему) воздержался от стрельбы по людям.

А ведь он чувствовал, что это враги, хоть и безоружные. Впрочем, последнее обстоятельство раньше его никогда не останавливало. Например, в той деревушке в Тетраомской области, где-то за Волгой… Там тоже были безоружные, но, поскольку те штатские запрудили всю площадь, он, ни минуты не мешкая, сжег их всех без остатка. Так почему же он колеблется сейчас?

Так или иначе, его брандельмейер молчал. Карло заметил нарастание беспокойства в задних рядах, явно превышавшего уровень нервозности, присущий данной толпе. Какое-то движение. Там явно что-то происходило. Он вжался спиной в стену, и в ту же минуту сквозь толпу прорвался человек в синем мундире с бронзовыми пуговицами.

Этому человеку достаточно было бросить один взгляд в немигающее черное око брандельмейера, чтобы, обернувшись к толпе, жестами приказать ей расходиться. Потом он стал орать во всю мощь своих легких, так что на висках у него набухли веревки вен.

— Расходитесь к такой-то матери! Не видите — перед вами псих! Кого-нибудь обязательно пришьет. Мотайте отсюда, не задерживайтесь!

В дальнейших уговорах толпа не нуждалась. Она развалилась прямо по центру и потекла в сторону лестниц.

Карло обернулся, ища другой выход, но обе ближайшие лестницы теперь были забиты дерущимися пассажирами, безжалостно топчущими друг друга, чтобы поскорее унести ноги. Деться некуда.

Коп возился со своей кобурой. Карло краешком глаза уловил лишь намек на это движение. Инстинктивно он понял, что оно означало: сейчас появится готовое к действию оружие. Он мгновенно повернулся в ту сторону, одновременно опуская свой брандельмейер. Коп отпрыгнул за колонну, как раз когда солдат

нажал на спуск.

Трехжильный ярко-голубой энергетический луч вырвался из колокольчатого надульника. Луч прошел над толпой, аккуратно расплавив пятифутовый сегмент стены, служившей опорой для одной из лестниц. Ступени затрещали, и визг металла, мучительно пытающегося приспособиться к исчезновению опоры и к людской перегрузке, разнесся по всему туннелю. Коп с испугом взглянул на потолок, увидел, как гнутся и оседают балки, и дважды выстрелил из-под прикрытия колонны. Гулкое эхо выстрелов пошло колотиться в замкнутом пространстве туннеля.

Вторая пуля попала в левую руку солдата чуть повыше кисти. Брандельмейер, теперь уже бесполезный, выскользнул из здоровой руки, как только первые капли крови окропили одежду Карло. Он с изумлением глянул на свою раздробленную руку. Можно сказать, его удивление было безмерным.

Что за оружие пустил в ход синемундирник? Не лучевое, это точно. Ничего подобного Карло еще никогда видеть не приходилось. В любом случае это не луч — тот зажарил бы Карло прямо на месте. Какая-то сила, которая выбрасывает нечто… нечто такое, что разорвало ему ткани тела. Карло тупо смотрел, как кровь струится из его руки.

Коп, теперь уже несколько поостывший к идее честного боя с этим парнем в странной одежке и с ни на что не похожей винтовкой, осторожно выглянул из-за своего укрытия и, прокравшись по краю платформы, попробовал подобраться к Карло поближе, чтобы всадить в него еще одну пулю, если тот вздумает сопротивляться дальше. Но солдат стоял, по-прежнему расставив широко ноги, с удивлением рассматривая свою руку. Он явно не понимал, ни где находится, ни что с ним произошло. Он был оглушен пронзительными свистками проносящихся мимо поездов и совершенно обескуражен варварской тактикой своего синемундирного противника.

Коп продвигался не спеша, боясь, что солдат придет в себя и бросится бежать. Но раненый стоял, будто уже успел пустить корни. Коп напряг мышцы и одним прыжком преодолел разделявшее их пространство.

Он свирепо обрушил рукоять своего пистолета на шею Карло, попав как раз чуточку пониже уха. Солдат медленно развернулся к нему лицом, продолжая стоять как прикованный, и в течение нескольких секунд, казалось, с глубоким изумлением рассматривал своего обидчика.

Затем глаза солдата остекленели, и он бревном рухнул на платформу. И когда серый густой туман уже почти полностью

окутал его мозг, откуда-то из глубин сознания выплыла последняя, удивительно не соответствующая ситуации мысль: «Он ударил меня… Физический контакт? Не верю, этого не может быть! Куда меня занесло?!»

Слабый свет еле-еле просачивался неизвестно откуда. Тени ползли и раскачивались, неохотно превращаясь в объемные предметы.

— Эй, Мак! Огонька не дашь?

Тени закрывали обзор Карло, но он понимал, что лежит на спине, глядя прямо вверх. Солдат повернул лицо, и тут же перед ним сфокусировалась стена, причем почти у самого носа. Тогда он повернул голову в другую сторону. Снова возникла стена, но уже в футах трех от него — сплошное собрание серых бесформенных пятен. Внезапно он ощутил сильную боль в затылке. Попробовал пошевелиться, пытаясь покрутить головой, но боль не исчезла. Тут он обнаружил еще, что лежит на какой-то твердой металлической штуковине, и попробовал сесть. Боль переместилась выше, вызвав тошноту и на считанные секунды вновь затуманив зрение.

Когда все пришло в норму, Карло попытался медленно сесть. Перекинул ноги через острый край какого-то мелкого металлического корыта. Корытом оказалась безматрасная койка с дном, продавленным сотнями мужских тел, лежавших на ней до него. Он находился в камере.

— Эй! Я спросил, не разживусь ли у тебя огоньком?

Карло отвернулся от голой задней стены камеры и глянул сквозь прутья решетки. К металлу прижалась чья-то рожа с носом, ни дать ни взять похожим на луковицу. Человек был невысок и одет в грязные тряпки, вонь от которых ударила по ноздрям Карло с чудовищной силой. Глаза незнакомца налились кровью, а нос был испещрен сетью голубых и красных сосудов. Застарелая форма алкоголизма — такая болезнь, казалось, сочилась из каждой поры этого чучела; аспе гозасеа[9] превратила его нос в жуткий нарост, покрытый рытвинами и буграми.

Карло понимал, что его засадили в тюрягу, а по внешнему виду и даже по запаху своего нового приятеля тут же установил, что тюрьма не военная. Алкаш продолжал пялиться на него с немым удивлением.

— Спичка, Чарли? Спичек у тебя не найдется?

Бродяга выдвинул вперед свои распухшие влажные губы, дав возможность появиться изо рта на свет божий небольшому обсосанному со всех сторон окурку.

Карло тупо уставился на бродягу — он ни слова не мог

понять из того, что тот сказал. Хотя алкаш разговаривал вроде бы медленно и довольно отчетливо, но смысл как-то не улавливался. Однако Карло знал, как следует отвечать.

— Куарло Клобрегнни, рьявой, шестпятодиннулдвадвадьветь, — механически отчеканил солдат без запинки, сливая слова в нечто подобное злобному ворчанию.

— Чего бесишься, дружище? Я, что ль, тебя сюда запузырил? — урезонивал его любитель спичек. — Мне надо всего-то огоньку вот для этого огрызка. — Он поднял вверх два дюйма обмусоленного окурка. — А как прикажешь понимать, что тебя как фрайера держат в клетке, не пускают шляться в натуре по этой долбаной каталажке? — Он ткнул большим пальцем через плечо, и Карло впервые обнаружил, что в тюрьме есть и другие люди.

— А, да пошел ты на хрен, — пробормотал алкаш. Он еще раз выругался себе под нос и отвернулся. Затем, пройдясь меж рядов пустых коек, уселся рядом с четырьмя другими узниками, чем-то схожими по выражению лиц; они лениво кейфовали вокруг грубо сколоченной комбинации стола и скамеек. Этот гибрид, несколько напоминавший всем известную меблировку пикника, был наглухо привинчен к полу.

— Псих долбаный, — объявил алкаш остальным, кивнув лысиной в сторону солдата в длинном плаще и металлическом, тесно облегающем панцире. Затем взял со стола измятые ошметки древнего журнала и принялся листать их с видом человека, знающего наизусть каждую строчку текста и каждую женскую фотографию.

Карло оглядел камеру. В маленьком помещении стояли раковина с краном, который приводился в действие нажимом пальца и снабжал узника холодной водой, а также стульчак без сиденья и бумаги, цельнометаллический, рассчитанный на человека среднего роста и накрепко привинченный к стене. Слабенькая, забранная в решетку лампочка тускло светилась на потолке. Три стены сделаны из прочного металла; такие же пол и потолок, склепанные по швам воедино. Четвертую стену заменяла дверь из толстых металлических прутьев.

Уплотнитель мог бы разрушить эту сталь, подумал Карло, инстинктивно потянувшись к сумке. Он впервые случайно вспомнил о ней, но стоило ему дотронуться до сумки, как тут же стало понятно, что ее внушительный вес значительно уменьшился. Исчезли патронташи. И брандельмейер, разумеется. Равно как и сапоги. Хотели, видимо, стащить и плащ, но он являлся неотъемлемой частью обтягивающего как кожа костюма, сотканного из металлических нитей, и у неизвестных посягателей

ничего не вышло.

Потеря сумки была самым тяжелым ударом. Все, что пока произошло с Карло, случилось так быстро, так внезапно и в таком калейдоскопическом беспорядке, что солдат впал в ступор и им овладело ощущение безнадежности и бессмысленности всего происходящего. Он снова сел на койку, острый металлический край которой тут же болезненно врезался в ягодицы. Голова все еще раскалывалась по причине объединенного воздействия удара, нанесенного полицейским, и голого металла койки, на которой Карло пришлось валяться. Дрожащими пальцами он провел по затылку, привычно ощутив жалкую поросль коротких каштановых волос, коротко остриженных по военной моде.

И тут же заметил, что его левая рука забинтована, причем явно не новичком в этом деле. Рана практически не ощущалась. Бинт на руке с предельной ясностью восстановил в памяти Карло все, что с ним произошло, и мысль о войне вытеснила из головы все остальное… Телепатическая команда… прыжок из окопа… оружие на изготовку… затем оглушительное шипение — и Вселенная вдруг взорвалась на миллиарды крошечных Новых, полыхающих бесконечным разнообразием цветов радуги. А потом внезапно — почти так же внезапно, как он выскочил на поле битвы седьмой мировой войны, чтобы принять участие в наступлении на гнусные орды русско-китайцев, — он вдруг очутился не там.

Он очутился здесь, в туннеле, и жуткое чудище, ревя, мчалось на него из тьмы, а человек в синем мундире стрелял в него, после чего оглушил ударом по голове. Фактически этот человек дотронулся до него! Без противорадиационных рукавиц! Как мог он знать, что Карло не является радиационной миной замедленного действия? Ведь этому идиоту могла угрожать мгновенная гибель!

Так где же он теперь? Невольным участником какой войны он стал? И куда подевались русско-китайцы, а вместе с ними и его собственные однополчане — воины Трех Континентов? Сплошные вопросы, и ничто не предвещало, что он получит хоть какое-то объяснение случившегося.

И тогда ему в голову пришла еще более важная мысль. Раз он захвачен в плен, то его неизбежно подвергнут допросу. А в этом деле на победу рассчитывать не приходится. Карло попытался нащупать тот фальшивый зуб, что торчал где-то в самой глубине рта. Язык по очереди коснулся каждого зуба, пока не достиг правого нижнего зуба мудрости. Дупло зуба оказалось пустым.

Капсула с ядом исчезла! «Наверняка выпала, когда синемундирник трахнул меня по голове».

Карло понял, что теперь полностью в их власти; а вот кто они такие — это вопрос, который следовало обдумать со всех сторон. Потеряв капсулу, он ничем не мог помешать извлечению имевшейся у него информации. Это было просто ужасно. Согласно той психологической обработке, которой его подвергли, — хуже некуда. Враг мог воспользоваться щупами или диоксилскопалином, или гипнозом, или применить любой другой из сотни подобных методов, каждый из которых откроет и численность его роты, и расположение батарей, и дальность действия орудий, и личность и спектр мозговых излучений каждого офицера…

Он стал Очень Ценным Пленным. Ему просто необходимо удержаться и не расколоться.

«А, собственно, почему?»

Эта мысль выскочила откуда-то издалека и тут же пропала. Но она оставила после себя острое чувство: «я ненавижу войну, ненавижу все войны вообще и особенно эту!» Затем и это ощущение исчезло, и Карло опять остался наедине с ситуацией, где нужно было напрягаться изо всех сил и думать о том, что же такое с ним случилось…

Какое секретное оружие использовано для его пленения… и могут ли эти тупые дикари, применяющие метательное оружие, могут ли они и в самом деле извлечь из его мозга хранящуюся там информацию?

«Клянусь, что они не получат от меня ничего, кроме моего имени, звания и личного номера», — божился Карло в приступе отчаяния.

Он бормотал эти слова вслух, как заклинание. «М’е имя Куарло Клобрегнни, рьявой, шестпятодиннулдвадвадьветь»…

Когда его голос донесся до стола, вокруг которого сидели пьяницы, они недоуменно глянули в его сторону. Человек с красным угреватым носом растер грязными ладонями мощные жировые складки подбородка и выразил свой философский взгляд на сущность этого странного типа, сидевшего в зарешеченной клетке, словами:

— Псих недодолбанный!

Карло мог бы сидеть в тюрьме вечно, почитаемый всеми за психа в натуре или за пехотинца, у которого поехала крыша. Но дежурный сержант, поставивший его на учет после того, как солдату была оказана медицинская помощь, заинтересовался оружием, имевшим столь странную форму.

Укладывая вещи в камеру хранения, он испытал брандельмейер, не имея ни малейшего представления, какая кнопка или шишечка приводят оружие в действие, и уж совсем не

предполагая, каково будет это самое действие. В результате одна из стен бронированной комнаты оказалась расплавленной. Трехдюймовый стальной лист сначала расплавился до голубого свечения, а потом застыл в ноздреватый комок.

Сержант позвонил капитану, капитан — в ФБР, ФБР связалось с Управлением Национальной Безопасности, а в Управлении Национальной Безопасности сказали: «Быть того не может!» — и начали собственную проверку.

Когда брандельмейер был всесторонне испытан — конечно, с учетом того, что означало в данном случае слово «всесторонне», ибо ружье не имело ни швов, ни видимых источников энергии и отличалось потрясающей дальнобойностью, — они наконец поверили увиденному. Было приказано изъять солдата из его камеры и вместе с сумкой и филологом по фамилии Соумс доставить в штаб-квартиру УНБ в Вашингтоне. Брандельмейер был переадресован туда же с помощью курьера на реактивном самолете, а солдата перебросили на вертолете, усыпив его сильным наркотиком.

Что касается филолога по фамилии Соумс, чья грива отличалась длиной и немытостью, а лицо напоминало страдающего хроническим недоеданием художника, и чей темперамент мог сравниться лишь с темпераментом святого, то его доставили в Вашингтон специальным чартерным рейсом чуть ли не прямо из Колумбийского университета. Сумку Карло перевезли на запломбированном пикапчике до аэропорта, а там под мощной охраной погрузили в почтовый самолет. Все вышеуказанные объекты прибыли с десятиминутными интервалами и были прямиком доставлены на один из подземных этажей здания УНБ.

Когда к Карло вернулось сознание, он снова пребывал в камере, только совершенно не похожей на первую. Никаких решеток, но стены вполне способны предотвратить побег, хотя и обиты чем-то мягким. Карло несколько раз прошелся по камере, надеясь обнаружить в стенах хоть щелочку, однако нашел только то, что могло быть дверью. Его пальцам так и не удалось проникнуть под обивку, так что попытка открыть дверь к успеху не привела.

Он сел прямо на пол с таким же мягким покрытием и, находясь в полном изумлении, принялся чесать свою колючую макушку. Неужели ему не узнать о том, что же с ним произошло? И когда удастся избавиться от странного ощущения, что за ним все время наблюдают?

Сверху, сквозь панель из стекла с односторонней видимостью, замаскированной под вентиляционную решетку, за

солдатом действительно велось наблюдение.

Лайл Симс и его секретарша вместе с филологом Соумсом стояли на коленях вокруг вделанного в пол окошка. Если филолога можно было принять за вечно голодного бездомного, то Лайл Симс выделялся изяществом, образованностью и деловитостью. Он был специальным советником в не имевшем официального названия дочернем отделении Управления Национальной Безопасности и уже пять лет занимался всеми странными и нетрадиционными проблемами, слишком экзотичными для обычных методов расследования. Эти годы закалили его, воспитав удивительное качество: он очень быстро улавливал истинность проблемы, но еще быстрее определял ее фальшь.

Стоило Симсу бросить лишь один взгляд на солдата, как его обостренные инстинкты моментально сообщили, что сидящий в камере нижнего этажа человек — личность явно не ординарная. Причем на его неординарность невозможно было наклеить рутинную этикетку — «алкоголик», «иностранец», «психопат»… И все же он явно чем-то отличался, явно был настолько другим, что Симс долго не мог прийти в себя.

— Шесть футов три дюйма, — сказал он девушке, стоявшей на коленях рядом с ним. Она сделала пометку в блокноте, и Лайл продолжил диктовку подмеченных им характерных черт солдата, сидевшего в камере ниже этажом. — Шатен, волосы острижены коротко, так что кожа на голове просвечивает. Глаза карие… нет, скорее черные. Шрамы: один начинается под левым глазом и тянется до середины левой щеки, другой на переносице, еще три параллельных шрама на правой стороне подбородка. Последний из тех, что мне видны, начинается за левым ухом и скрывается волосах. Одет в нечто тесно облегающее, похожее на закрытый комбинезон… ох нет, как там называются пижамы для малышей?., те, у которых разрез на попке, через который продеваются ножки?..

Девушка тихонько подсказала:

— Вы говорите о «ползунках»?

Лайл кивнул, при этом без всяких на то оснований смутился и тут же продолжил:

— М-м… да, именно так. Что-то похожее. Этот костюм охватывает ступни ног и, по-видимому, составляет одно целое с плащом, закрывая все тело до шеи. Ткань костюма, как мне кажется, металлическая. И вот еще что… Может, это и ничего не значит, но, с другой стороны… — Он пожевал губами, а затем постарался как можно тщательнее сформулировать свои наблюдения: — Его голова имеет какую-то странную форму. Лоб

занимает гораздо больше половины лица, он как-то выдвинут вперед, будто получил здоровенную плюху и распух. Ну вот, пожалуй, и все.

Симс сел на корточки, порылся в боковом кармане и выудил оттуда маленькую курительную трубку, которую тут же, не раскуривая, сунул в рот и задумчиво посасывал в течение нескольких секунд. Потом встал, все еще не сводя глаз с прорезанного в полу окошка. Что-то пробормотал себе под нос, а когда Соумс спросил, что он говорит, Специальный советник ответил:

— Думаю, мы поймали за хвост медведя, которого будет нелегко удержать.

Соумс утвердительно хмыкнул и махнул в сторону окошка:

— Вам еще не удалось понять что-либо из того, что он говорит?

Симс покачал головой:

— Не удалось. Вот потому-то вы и находитесь тут. Кажется, он все время повторяет одно и то же, снова и снова, но слова совершенно непонятны.

— Не терпится мне приняться за него, — сказал Соумс с мягкой улыбкой.

Одной из главных черт характера филолога было то, что процесс преодоления трудностей доставлял ему удовлетворение сам по себе, тогда как решенная задача порождала лишь нервозность и настойчивое желание найти новую, еще более трудную проблему.

Симс, соглашаясь, кивнул, но его глаза, казалось, затянула плотная пленка, а рот сжался в тонкую линию.

— Вы поосторожнее с ним, Соумс. У меня предчувствие, что мы столкнулись с чем-то совершенно новым, таким, до понимания чего еще не доросли.

Соумс опять улыбнулся, на этот раз снисходительно:

— Ну-ну, мистер Симс. В конце-то концов обычный чужак… все, что нам надо сделать, — это определить, из какой он страны.

— Вы еще не слышали, как он говорит?

Соумс покачал головой.

— Тогда не торопитесь записывать его просто в иностранцы. Термин «чужак» может быть куда более емким, чем вы думаете, и не обязательно в том плане, как вам это представляется.

На лице у Соумса выразилось смущение. Он слегка пожал плечами, как будто не мог постичь значения слов Лайла Симса… и в общем, не так чтобы очень ими интересовался. Филолог снисходительно похлопал Симса по спине, что вызвало появление

недовольной гримасы на лице советника, и тот еще крепче сжал зубами мундштук трубки.

Вниз они спустились вместе. Секретарша покинула их, чтобы перепечатать свои заметки, и Симс провел филолога в обитую войлоком комнату, еще раз предупредив его, что с заключенным следует быть очень осторожным.

— Не забывайте, — внушал Симс, — мы не знаем, откуда он, и достаточно одного резкого движения, чтобы вызвать жесткую реакцию. Наверху сидит охранник, а за дверью буду я еще с одним человеком, но все равно вам никогда не следует расслабляться.

Соумс удивился:

— Вы говорите так, будто он дикарь, а между тем обладание таким костюмом свидетельствует о высоком уровне развития. Вы, видно, еще что-то подозреваете, не так ли?

Симс развел руками:

— То, о чем я сейчас думаю, слишком невероятно, чтобы об этом стоило рассказывать. Просто будьте осторожны… А главное, постарайтесь понять, что он говорит и откуда к нам заявился.

Симс еще раньше решил, что пока лучше хранить тайну брандельмейера поближе к сердцу. Но он был почти уверен, что это оружие не произведено промышленностью какой-либо иностранной державы. Испытания, проведенные на опытном полигоне, заставили его разинуть рот и прикусить язык.

Он открыл дверь, и Соумс, чувствуя себя не слишком уверенно, вошел в камеру.

Симс краем глаза успел заметить выражение, скользнувшее по лицу чужака, когда к нему вошел посетитель. Оно было еще более тревожным, чем у Соумса.

Похоже было, что ждать придется долго.

Соумс был белее мела. Его лицо осунулось, самоуверенности, которой он щеголял с момента прибытия в Вашингтон, явно поубавилось. Филолог сел напротив Симса и дрогнувшим голосом попросил у него сигарету. Советник покопался в ящике письменного стола, отыскал там смятую пачку и небрежно подтолкнул ее к Соумсу. Филолог вытряс сигарету, сунул в рот, а затем, как будто за прошедшие секунды начисто забыл о желании курить, вынул ее и в продолжение всего дальнейшего разговора просто вертел в пальцах.

У него был тон человека до смерти чем-то пораженного:

— Да знаете ли вы, кого мы держим в этой камере?

Симс промолчал, уверенный, что ничто из того, что последует дальше, все равно его не удивит. Он и так ожидал

информации совершенно фантастической.

— …Этот парень… знаете вы, откуда он… Этот солдат… клянусь Богом, Симс, он… он явился из… из… только не думайте, будто я спятил… ему просто удалось убедить меня… Он явился из будущего!

Симс плотно сжал губы. Несмотря на то что он был в какой-то степени подготовлен, удар оказался слишком силен. Симс знал: это правда. Это должно быть правдой, ибо только так можно было объяснить все имевшиеся у них факты.

— Что еще вы желаете мне сказать? — спросил он у филолога.

— В общем, сначала я попытался решить проблему установления взаимопонимания, задавая ему простейшие вопросы: ткнул себя в грудь и сказал «Соумс», а потом ткнул в него и вопросительно посмотрел ему в глаза, однако в ответ получил все ту же непонятную идиотскую фразу. На протяжении нескольких часов я пытался соотнести его произношение и фразеологию с диалектами и говорами каждого известного мне языка, но это ни к чему толковому не привело — уж очень невнятно он произносил слова. А потом внезапно я прозрел. Я попросил его написать свою бредятину на бумажке… разумеется, я ничего не понял, но запись дала мне нужный ключ… затем заставил многократно повторить ту же фразу. Вы можете себе представить, на каком языке он говорит?

Симс покачал головой. Лингвист произнес почти шепотом:

— Он говорит по-английски. Все очень просто. Это английский. Но английский исковерканный, где слова сливаются воедино и произносятся столь невнятно, что фразы превращаются в непонятный набор звуков. Вероятно, такова тенденция будущего развития языка. Нечто вроде экстраполяции уличного жаргона, доведенного до абсурда. Во всяком случае своего я добился — выудил-таки у него.

Симс наклонился вперед, безжалостно стиснув зубами мундштук погасшей трубки.

— Что?

Соумс прочел то, что еще раньше записал на бумажке:

— Меня зовут Карло Клобрегнни. Рядовой. Номер 6510229.

Симс удивленно пробормотал:

— Боже мой… имя, звание и…

Соумс закончил за него:

— …и личный номер. Да, именно это он и талдычил мне в течение трех часов. Затем я задал ему несколько совершенно безобидных вопросов, ну, откуда он и каковы его впечатления об увиденном здесь. — Филолог сделал рукой неопределенный

жест. — К тому времени я уже понимал, с кем имею дело, хотя и не знал, откуда он появился. Но когда он начал рассказывать мне о войне — о войне, в которой он участвовал в ту самую секунду, когда вдруг очутился у нас, — я тут же понял, что он или из какого-то другого мира — что уж чересчур отдавало фантастикой — либо… либо… Господи… все это слишком невероятно!

Симс понимающе кивнул:

— Из какого же времени, вы думаете, он появился?

Соумс пожал плечами:

— Понятия не имею. Он говорит, что год, в котором он живет — по-видимому, бедняга еще не понял, что об этом годе сейчас нельзя говорить в настоящем времени, — К=79. Не имеет понятия, когда исчезла современная система отсчета. Насколько известно нашему солдату, литера «К» появилась очень давно, хотя ему приходилось слышать о событиях, случившихся во времена, которые они датируют символом «QV». Все это бессмыслица, но я готов биться об заклад, что у них с нашей эпохи прошло больше тысяч лет, нежели мы способны себе представить.

Симс нервно запустил в волосы всю пятерню. Проблема оказалась в действительности даже сложнее, чем он воображал.

— Послушайте, профессор Соумс, я хочу, чтобы вы остались с ним и обучили его современному английскому. Надеюсь, вам удастся извлечь из него дополнительную информацию и внушить, что мы отнюдь не собираемся причинять ему неприятности. Хотя, видит Бог, — добавил Специальный советник с дрожью в голосе, — он может причинить куда больше неудобств нам, чем мы ему. Какими же знаниями он должен обладать!

Соумс, соглашаясь, кивнул:

— Ваши планы не нарушатся, если я сосну пару часиков? Я ведь пробыл с ним почти полсуток кряду и уверен, что он нуждается в отдыхе не меньше моего.

Симс тоже кивнул, и филолог прямиком отправился в выделенную для него спальню. Но когда советник минут через двадцать глянул сквозь окошко в полу, то увидел, что солдат все еще бодрствует и ведет себя крайне нервно. Казалось, сон ему совершенно не нужен.

Симс очень волновался, и шифрованная телеграмма, которую он получил от президента в ответ на свою, отнюдь не содействовала успокоению. На руках оказалась проблема, которая имела тенденцию все больше и больше осложняться. Вполне возможно, что она была даже смертельно опасной.

Советник отправился в другую спальню, дабы последовать примеру Соумса. Похоже, в дальнейшем им будет не до сна.

Проблема: человек из будущего. Простой человек, без особых талантов, без большого запаса знаний. Эквивалент современного «человека с улицы». Человек, обладающий фантастически малым прибором, который превращает песок в скалу, более твердую, чем сталь, но который не имеет ни малейшего представления о том, как этот прибор работает, или о том, как подступиться к его изучению. Человек, чье знание истории туманно и отрывочно, как и у каждого обывателя. Солдат. И никаких других способностей, кроме тех, что необходимы для боя. Что делать с таким человеком?

Решение: черт его знает.

Лайл Симс резко отодвинул кофейную чашку. Если ему хоть когда-нибудь снова попадется на глаза чашка этого осточертевшего напитка, его просто стошнит. Три бессонных дня и столько же бессонных ночей, следовавших друг за другом без перерыва; он продержался только на декседрине и обжигающе-горячем черном кофе, что содействовало появлению гораздо большей, чем обычно, нервозности. Симс рычал на подчиненных и на секретарш, а также начисто изгрыз пять трубочных мундштуков. Он ощущал себя на редкость тупым, и к тому же у него болел живот. А решение все равно не приходило.

Ведь нельзя же сказать: «Ладно, у нас тут сидит человек из будущего. Ну и что? Давайте отпустим его на все четыре стороны, пусть зарабатывает себе пропитание как сумеет, раз уж мы не можем вернуть этого типа в его время».

Такое невозможно по целому ряду причин. Во-первых: а что, если он не сумеет адаптироваться? Тогда возникнет вечная угроза неизвестной потенциальной опасности. Во-вторых: что, если какая-нибудь враждебная сила (а одному Богу известно, сколько тут обретается неизвестных сил, готовых зацапать такое секретное оружие, как Карло) завладеет им и каким-то образом разнюхает теорию, на основе которой созданы и ружье, и уплотнитель, и моноатомное противогравитационное приспособление, хранящееся в сумке? Что тогда? И в-третьих: этот парень привык к войне, знает только войну и неизбежно будет искать войну. Или даже организует ее.

Были еще десятки других причин, которые только начинали проявляться. Нет, с чужаком надо что-то делать. Посадить его в тюрьму?

А за что? Ведь этот человек никому не принес вреда. То, что на платформе погиб другой человек, произошло вовсе не по его вине. Он испугался поезда. На него набросились служащие, один из которых сломал себе шею, но остался в живых. Нет, солдат был всего лишь «пугливым чужаком в мирах, которых он не

сотворил», как с ужасающей четкостью сформулировал Хаусман. [10]

Убить? По тем же причинам несправедливо и жестоко… Не говоря уже о том, что… неэкономично. Найти ему нишу в обществе? И что он в ней будет делать?

Симс шевелил извилинами, ворошил мысли так и сяк, пытаясь отыскать новые точки зрения. Проблема не решалась. А всего-то жалкий пехотинец, который в жизни не имеет другого призвания, как быть солдатом! (Но кто может поручиться, что с его знанием приемов будущей тактики и будущего оружия он не превратится в нового Гитлера или, на худой конец, в Чингисхана?) Нет, оставив его среди солдатни, можно только обострить проблему. Не было бы ни минуты покоя, если б Карло оказался в положении, где он в состоянии что-то организовать.

А если отвести ему роль тактика? Вот тут вроде начинает что-то вытанцовываться…

Симс согнулся над столом, нажал клавишу интеркома и приказал секретарше:

— Дайте-ка мне генерала Мейнуоринга, генерала По́лка и министра обороны.

А ведь, пожалуй, может что-то получиться. Если удастся заставить Карло разрабатывать планы операций, то теперь, когда он знает, где находится и что люди, которые держат его, не являются врагами и даже имеют союзные отношения с русско-китайцами (а какое обширное поле для разного рода спекуляций открывало это словосочетание!), план мог бы и сработать.

Впрочем, Симс почему-то очень сомневался в этом.

Мейнуоринг остался, чтобы довести до сведения Симса их мнение, тогда как Полк и министр обороны уже удалились туда, куда призывали их повседневные обязанности. Генерал был крупным мужчиной с весьма мягким лицом и еще более мягким брюхом; кроме того, он щеголял залихватскими седыми усами. Мейнуоринг грустно покачал головой с видом, будто у него прямо из-под носа увели Розеттский камень[11] в тот самый момент, когда генерал готовился приступить к важнейшему эксперименту.

— Прошу прощения, Симс, этот парень для нас не подходит. Великолепное понимание военной тактики, но лишь в том случае, если в операции участвует то, что он именует «восьмидесятижильными лучами» и телепатическим контактом.

Известно ли вам, что тамошние войны ведутся в той же мере психокинетическими методами, как и физическими? Он никогда не слыхивал о танках и мортирах, но истории, которые он

рассказывает насчет выжигания мозгов или «спор смерти», могут заставить вас блевать без передыху. Их методы ведения войны не слишком аппетитны, знаете ли. Слава Богу, меня там не будет, чтобы любоваться подобными штучками-дрючками. Я думал, что наши войны — дело грязное и не слишком приятное. Но они оставили нас далеко за бортом по части жестокости и массовых убийств. И вот такая странная история… этот парень — Карло… он ведь ненавидит все это! На какой-то момент, когда он расписывал нам все эти дела, мне захотелось послать к чертям свою карьеру, отправиться на площадь и начать лупить в барабан во главе демонстрантов, требующих разоружения!

Согласно заключению генерала, Карло был полностью забракован как тактик. Его натренировали лишь на один способ ведения войны, и целой жизни не хватит, чтобы адаптировать его и сделать хоть частично пригодным для другой тактики.

Впрочем, это уже не имело ни малейшего значения, поскольку Симс был убежден, что генерал, сам того не зная, открыл ему, как можно решить проблему солдата.

Конечно, Симсу придется объяснить все это службе безопасности и президенту. И потребуется огромная работа со стороны средств массовой информации: надо убедить людей, что существование Карло — непреложный факт и что он действительно прибыл к нам из будущего. Но если дело выгорит, то Карло Клобрегнни — солдат с ног до головы и только солдат — может оказаться самым великим человеком, которого когда-либо рождало Время.

И Симс тут же принялся за дело, смущенно улыбаясь собственной глупости, — вот уж не думал он, что станет заправским идеалистом.

Десять солдат вжимались в ледяную грязь. Их уплотнители материи зашкалило так, что песок и вода в укрепточке смогли превратиться всего лишь в ледяную кашицу. Холод просачивался сквозь одежду, а зашкаленные уплотнители излучали жесткую радиацию. Один из солдат вдруг взвыл, когда радиация столь глубоко въелась в его кишки; он ощутил, как они растворяются и превращаются в жидкость. Солдат вскочил, ртом шла кровь и слизь… Но в ту же секунду его хлестнул по лицу трехжильный луч. Лицо испарилось, и почти обезглавленное тело рухнуло обратно в окоп, прямо на одного из однополчан убитого.

Тот небрежно оттолкнул труп в сторону, ибо был погружен в воспоминания о своих четверых детях, навеки для него потерянных во время русско-китайского рейда на Герматополис, когда их всех погнали на работы в болота. В мозгу солдата возник

отчетливый образ трех девочек и маленького мальчика с длинными-длинными ресницами; дети волокли через зловонные болота привязанные к шеям минеральные мешки, собирая для врага куски органической горной породы, которая могла использоваться в качестве топлива. Солдат тихонько всхлипнул. Этот звук и телепатема плачущего были уловлены русско-китайским психокинетиком, укрывавшимся где-то за линией передовой, и не успел солдат поставить мозговой блок, как телепат уже овладел им.

Пехотинец поднялся в окопе во весь рост, странно хватаясь за голову согнутыми руками. Он начал дико рвать ногтями лицо, громко и пронзительно крича, пока вражеский телепат выжигал ему мозг. Через несколько секунд глаза солдата были пусты, словно створки раковины, и он рухнул в окоп рядом со своим товарищем, тело которого начало уже разлагаться.

Над головами провыл тридцатишестижильный луч, и восемь оставшихся в живых солдат увидели боевое колесо, катящееся с оглушительным грохотом. Раскаленная шрапнель накрыла поле боя; тонкий, хрупкий, острый как нож осколок пронесся над бортиком окопа и погрузился в голову одного из солдат. Осколок вошел наискось, пробив мочку правого уха, а его другой конец вышел наружу, разорвав солдату язык и наполовину высунувшись изо рта. Сбоку же осколок смотрелся, как будто пехотинец носил в ухе какую-то странную серьгу. Солдат умирал в судорогах, на что ушло немало времени. Наконец судороги и хлюпающие звуки, издаваемые умирающим, стали настолько невыносимы, что один из его друзей воспользовался прикладом своего брандельмейера, нанеся удар прямо в переносицу. Раздробленные кости проникли глубоко в мозг, прикончив несчастного почти мгновенно.

А затем пришел сигнал атаки. В каждом мозгу прозвучал пронзительный вопль, гнавший солдат вперед, и они выскочили из укрепточки — все семеро, — повторяя про себя одну и ту же каждодневную молитву и зная, что она им ничем не поможет. Они бежали по болотной жиже, а над головами слышалось жужжание бомб-пиявок, нацеленных на лучевые батареи врага.

Непроглядная тьма вокруг озарялась многоцветными заревами взрывов, сначала вспыхивающих точками, а потом распухающих во всех направлениях на манер фейерверка, чтобы затем погаснуть и погрузить местность в еще более густую темь.

Один из бойцов «поймал» луч прямо в живот; его отшвырнуло в сторону футов на десять, где он приземлился кучей мокрого тряпья. Живот солдата был распорот, а внутренности светились и влажно пульсировали под влиянием заряда, несомого жилой. Чья-то голова высунулась из окопа непосредственно впереди, и трое

из оставшихся в живых шести солдат выстрелили в нее одновременно. Однако враг оказался солдатом-ловушкой, которая срабатывала автоматически, наводясь по излучению ненависти противника и одновременно передавая эту информацию телепату. Поэтому, хотя тело солдата-ловушки и распалось на клочья под их совместным огнем, каждый из стрелявших вдруг воспламенился. Языки огня вырывались из их ртов, из каждой поры тел и из тех мгновенно обуглившихся впадин, где только что были глаза. Пиротелепат сработал что надо.

Трое оставшихся полностью отключились психически, понимая, что их мысли могут быть засечены противником. Положение простой пехтуры было просто кошмарным в сравнении с положением телепатов, притаившихся за передовой. Никакого другого исхода, кроме смертельного, для них не предвиделось.

Песья мина проползла по земле, ткнулась в ноги одного из солдат и, взорвавшись, оторвала их напрочь. Солдат повалился, хватаясь руками за измочаленные обрубки, ощущая, как его кровь смешивается с жидкой грязью, пока наконец не потерял сознание. Умер он быстро.

Один из двух оставшихся прыжком преодолел проволочное заграждение и взорвал дзот с тридцатишестижильной лучевой установкой и гарнизоном из двенадцати бойцов. Правда, у него самого тут же срезало верхушку головы. Пальцы солдата еще успели слегка прикоснуться к свернувшемуся липкому веществу, бывшему его мозгом всего лишь за секунду до того, как он рухнул на землю. Лопнувший пополам череп странно светился в ночи, но у этого зрелища зрителей уже не оказалось.

Последний солдат увернулся от шипящего луча, прорвавшего тьму ночи, и упал на локти. Он быстро перекатился на бок, ощутил острый край воронки, вырытой бомбой-пиявкой, и бросился в нее очертя голову.

Луч проследил этот маневр, и ему не хватило лишь одного-единственного дюйма, чтобы сжечь солдата. Тот затаился в воронке, чувствуя, как ледяной холод поля боя пронизывает его насквозь, заставляя плотнее закутываться в плащ.

Этим солдатом был Карло. Он закончил рассказ и сел прямо на пол эстрады. Аудитория ошеломленно молчала.

Симс натянул пальто и порылся в кармане, отыскивая свою давно остывшую трубку. Зола высыпалась, и пальцы Симса погрузились в пепел, перемешанный с крошками табака, собравшимися на дне кармана. Аудитория расходилась очень медленно, почти все хранили молчание, но каждый тревожно

вглядывался в лица соседей. Казалось, все внезапно осознали, что с ними случилось нечто важное, и теперь лихорадочно искали решения, как быть дальше.

Симс как раз проходил мимо одного из таких решений. Вот они — петиции, прикнопленные к большому стенду — дубликату бесчисленных стендов, развешанных по всему городу. В глаза Симса, когда он проходил вестибюль, невольно лезли крупные черные буквы:

Подписывайтесь под этой петицией!

Необходимо предотвратить то,

о чем вы слышали сегодня.

Люди толпились возле стенда, но Симс знал: все это лишь символический жест. Утром Закон был принят:

НИКАКИХ ВОЙН! Ни при каких условиях!

Разведка донесла, что долгоиграющие диски, кабельное телевидение и радиофицированные фургоны отлично завершили свою работу. Аналогичные законы готовились и принимались по всему миру.

Похоже, что Карло чуть ли не в одиночку добился успеха.

Симс остановился, чтобы раскурить трубку, и увидел рядом с наружной дверью большой плакат с черным крупным текстом:

СЛУШАЙТЕ КАРЛО — Солдата из будущего!

Встретьтесь с человеком из завтрашнего дня

и выслушайте, что он рассказывает о

ПОРАЗИТЕЛЬНОМ МИРЕ БУДУЩЕГО.

БЕСПЛАТНО!

НИКАКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ с вашей стороны!

ТОРОПИТЕСЬ!!!

Реклама оказалась в высшей степени результативной. Это была образцово проведенная кампания. Карло сыграл куда более важную роль, чем мог бы сыграть, будь он мировым стратегом. Простой пехотинец, ненавидящий войну, показал всем ее мерзкую морду и безграничную жестокость, и еще — невероятно отчетливое чувство опустошенности и бессилия, порожденное знанием, что Будущее станет вот таким, каким его описывает Карло. Именно оно заставляло вас жаждать, чтоб Время остановилось, заставляло орать во весь голос: «Нет! Будущее не станет таким! Мы запретим войну!»

Конечно, пришлось пройти немалый путь в нужном направлении. Правительства все же оказались на их стороне; тех, кто цеплялся за прошлое, и тех, кому было выгодно разжигание ненависти, сметали с дороги чуть ли не каждый божий день.

Да, Карло неплохо справился со своим делом! И все же одна мысль продолжала мучить Специального советника Лайла Симса.

Солдат появился здесь из будущего и теперь находится среди них. Это общеизвестно и неоспоримо. Но тревога грызла мозг Симса, заставляя его возносить к небу молитвы, которые он вряд ли мог бы произнести прежде. Она толкала его на продолжение борьбы за то, чтоб Карло услыхал каждый человек на этой планете.

Изменимо ли будущее? Или же оно неизменно? Не неизбежно ли появление мира Карло? Не впустую ли вся проделанная работа? Нет, не может быть того! Мы просто не позволим произойти такому!

Симс снова вернулся в вестибюль и встал в очередь тех, кто подписывал петицию; делал это он уже в пятнадцатый раз.

Дождик, дождик, перестань

«RAIN, RAIN, GO AWAY». Редакция текста Н.И. Яньков.

У меня был приятель, когда мне было лет пятнадцать или около того. Он все еще жив, я не вижу причин проявлять к нему неуважение и поэтому буду называть его Дэнди, хотя это не его имя. История его жизни, может преподать урок «нарушителям спокойствия».

Дэнди был талантлив, очень умен, был лицом нашей группы странных любителей учиться, но, в отличие от почти всех остальных наших, ладил с баскетбольной командой, общественными деятелями и даже с копами. Был привлекателен и мог с легкостью общаться с девушками. Он был одним из нас, любил читать, и у него был талант к писательству, мало того, он разбирался в естественных науках, математике и тому подобном, как всесторонне развитый старшеклассник эпохи Возрождения. Так что мы все думали, что именно он станет знаменитым и богатым, и у него будут самые красивые девушки. (Помните, я был тем, кто должен был оказаться в канаве или в тюрьме). И вскоре после того, как мы все закончили среднюю школу, Дэнди написал рассказ, который приняли к публикации в одном из самых престижных журналов того времени, он получил полную стипендию в университете атомной энергетики, был принят в одно из лучших студенческих обществ.

Но книга так и не была опубликована, его выгнали из университета — слишком много пил. Он стал писать тексты для какого-то каталога «товары почтой», провел в скитаниях около десяти лет, и последнее что я о нем слышал, — он кое-как устроился и живет не очень плохо. Сейчас ему уже под семьдесят. А ведь у него был огромный потенциал, он мог многого достичь, но это так и не случилось. А почему? — Он все тянул резину, откладывал на потом то, что должен был сделать сегодня. Все надо делать своевременно.

Об этом и предлагаемый к прочтению рассказа… довольно глупый, по общему мнению. Я написал его в начале своей карьеры.

— Дождик, дождик, уходи, завтра, завтра приходи…

«Порой мне кажется, что хочется быть уткой», — думал Хуберт Краузе.

Он стоял у стола, глядя в окно на воду, которую темные небеса начали проливать на землю, и его мысли неслись потому же кругу, который был проделан ими много лет назад.

— Дожди, дождик, перестань, я поеду… — запел он вполголоса.

— Краузе! Отойдите от окна и займитесь анализом сводок погоды, иначе я отправлю вас прогуляться на улицу, чтобы не любовались понапрасну!

Голосу были присущи все атрибуты наждачной бумаги, и он царапнул по чувствам Хуберта ничуть не хуже, чем настоящий наждак. Хуберт невольно вздохнул и повернулся. Мистер Бейген стоял, багровый и раздраженный, обрамленный массивным косяком двери из орехового дерева, ведущей в его кабинет.

— Я только взглянул на дождь, сэр. Как видите, мои прогнозы оказались верными. Начался период затяжных дождей… — начал Хуберт.

— Чепуха! — проревел мистер Бейген. — Чушь, и ничего больше! Я не раз говорил вам, Краузе, оставьте предсказания тем, кто получает деньги за такую работу, заботьтесь о своих бумажках, а умственной деятельностью пусть занимаются люди, располагающие оборудованием. Затяжные дожди, надо же! Все поступившие ко мне бумаги говорят о ясной погоде. И давайте, чтобы я в последний раз видел, что в рабочее время вы занимаетесь чем-то еще, кроме своих непосредственных обязанностей, Краузе. А рабочее время — с восьми тридцати до пяти, шесть дней в неделю!

Быстро окинув взглядом помещение, заставив всех служащих окаменеть или зайтись мелкой дрожью, Бейген скрылся в своем кабинете. Дверь громко захлопнулась за ним.

Хуберту показалось, что он уловил часть предложения, прозвучавшего до того, как дверь закрылась окончательно. Ему показалось, что он разобрал слово «идиот», но он не был в этом уверен.

Хуберту не понравился тон, каким мистер Бейген заявил, что в последний раз желает видеть его где-либо, кроме рабочего места. Это прозвучало скорее как последнее предупреждение, а не обычное требование.

Размеренный шум дождя за окном позади него заставил Хуберта раздраженно пожевать губами. Даже если его работа

состояла только в том, чтобы сверять прогнозы погоды, поступающие из отделов на верхних этажах, с сообщениями, принимаемыми девицами по телетайпу, он проработал в этом бюро достаточно долго, чтобы самому научиться прекрасно предсказывать погоду.

Даже если мистер Бейген был крупнейшей величиной в сфере оптовой торговли сельскохозяйственными продуктами, а Хуберт одним из самых незаметных звеньев в производственной цепочке, объединявшей много сотен людей, Бейген все же не имел права так орать на него.

Хуберта этот вопрос беспокоил добрых три минуты, пока он не заметил, что груда документов увеличилась — пришли очередные сообщения, полученные по телетайпу из Гловерсвилля, Лос-Анджелеса и Топахи. Он принялся лихорадочно наверстывать упущенное. Порой ему казалось, что это вряд ли когда-нибудь удастся.

* * *

Он возвращался домой под дождем, воротник был поднят, шляпа надвинута чуть ли не на уши, носки ботинок начали из-за воды терять свой блеск, а мысли Хуберта стали принимать консистенцию, очень напоминающую раздраженное небо над его головой.

Восемь лет, проведенных в фирме не дали ему ничего, за исключением вручаемых еженедельно шестидесяти восьми долларов пятидесяти пяти центов. Работа была рассчитана на идиота, и хотя Хуберт никогда не кончал колледжа, это занятие было значительно ниже его способностей.

В фирме Хуберт работал в отделе, который был одним из тех небольших служб, что оказывают помощь фермерам. — Долгосрочные прогнозы погоды для всех районов страны расхватывались каждую неделю тысячами подписчиков.

Раскаты грома прервали размышления Хуберта, заставив его в полной мере прочувствовать мерзость погоды. Дождь промочил его от верхушки шляпы до подметок ботинок, умудрился пробраться даже под поднятый воротник и теперь стекал по спине отвратительно холодными ручейками. Хуберт представил, как ждут его дома с газетой (та, что он купил на углу, совсем размокла), с домашними туфлями наготове, но он знал, что это лишь мечты, поскольку, никогда не был женат. И все лишь потому, как говорил он сам себе, что никак не может найти девушку, которая бы ему подходила. По сути дела, последнее любовное приключение, о котором он мог вспомнить, имело место пять лет назад, когда он две недели отдыхал на горнолыжном курорте Медвежья Гора. Она была телеграфисткой

из «Вестерн Юнион», звали ее Алиса, и она обладала на удивление шелковистыми каштановыми волосами. Хуберт даже подумал тогда: «Возможно, это она». Но потом он вернулся в Нью-Йорк, а она в Трентон, штат Нью-Джерси, даже не попрощавшись хотя бы ради приличия, и Хуберт отчаялся когда-либо отыскать свою Единственную.

Он прошел по Пятьдесят Второй Восточной до Седьмой Авеню, волоча ноги, злясь на лужи, которые подворачивались на пути, причем так, что он не мог перейти через них, не промочив ноги. На Пятидесятой он сел в подземку и всю дорогу просидел, погруженный в размышления.

«Кем себя возомнил Бейген?» — Возмущался мысленно Хуберт. — «Я проработал в этой фирме восемь лет, три месяца и… ладно, не будем уточнять число дней. С делами справлялся не плохо. Нет, кем он себя считает, что так себя ведет, и не только со мной? Может я и незначительная величина, но будь я проклят» — Ему показалось, что последние слова были произнесены вслух, он смущенно огляделся и закончил тираду шепотом — «будь я проклят, если стану выносить подобное обращение. Уволюсь, вот что я сделаю! Посмотрим, как он тогда запрыгает. Кого он еще найдет на эту работу, чтобы делать ее так же тщательно, как я?»

Но даже произнося это, Хуберт видел объявление в «Геральд Трибьюн», которое мог бы повторить даже спросонья:

ТРЕБУЕТСЯ клерк, 18–20 лет, без опыта работы, в будущем до сорока долларов в неделю. Обращаться: Пятьдесят Вторая Восточная улица, 229, «Хэвлок, Бейген и Эльсессер».

Он так отчетливо мысленно видел это объявление по той причине, что сам откликнулся на него восемь лет, три месяца и сколько-то дней назад.

Отшибавший мысли грохот трамвая, пронесшегося над линией подземки, обрушился на Хуберта и, как время от времени случается с каждым, все его мысли суммировались, суммировались восемь лет, суммировалась вся его жизнь:

— Я — неудачник.

Он произнес это вслух громко и все вокруг повернули головы и посмотрели на него, но он не обратил на это внимания.

Он повторил сказанное мысленно, но еще более отчетливо, потому что это была правда, и он знал об этом: «Я — неудачник… Я никогда не побываю в Пуэрто-Рико, в Индии или даже в Треноне, штат Нью-Джерси», — подумал он. — «Самое отдаленное место, куда я уезжал из этого города — Медвежья Гора, да и то я там пробыл всего две недели. Я никогда никого по-настоящему не любил, кроме матери, но матушка уже тринадцать

лет как скончалась. И никто никогда по-настоящему не любил меня».

Когда нить его размышлений прервалась, Хуберт осмотрелся затуманенными глазами и обнаружил, что проехал свою станцию. Он поднялся наверх, перешел на противоположную сторону и сел в трамвай, идущий к Сто Десятой Восточной.

В его комнатушке, заваленной книгами и периодическими изданиями до такой степени, что свободного места почти не оставалось, Хуберт скинул мокрую шляпу, пиджак, повесил их поближе к батарее и уселся на кровать, которая служила ему и диваном.

«Я бы хотел, чтобы со мной произошло что-нибудь поистине необыкновенное» — думал Хуберт. — «Я бы хотел, чтобы произошло что-нибудь настолько захватывающее, что все на улице оборачивались бы мне вслед и говорили: Смотрите, вон идет Хуберт Краузе! Вот это человек! И чтобы при этом все испытывали благоговейный трепет, чтобы поражались мне».

— Каждый человек хоть единожды в жизни удостаивается славы!

Он произнес эти слова с силой, так как верил в них. Но ничего не случилось, и в ту ночь Хуберт отправился спать под аккомпанемент ветра, завывающего между блоками жилых домов, и дождя, барабанившего по стеклу.

«Возможно, теперь смоет хоть немного грязи снаружи» — подумал Хуберт об окне, которое не мылось с тех пор, как он переехал сюда, но ведь это был пятый этаж и управляющий не хотел нанимать мойщика стекол — лишние расходы, а Хуберту было страшно высовываться наружу.

Сон начал наваливаться на него. Чувство уверенности смывало все тревоги, все страхи прошедшего дня. Чувство уверенности, что слава его не минует. Однозначно.

Почти как заклинание он пробормотал стишок, запомнившийся еще с детства, который с тех пор бормотал тысячи раз:

Дождик, дождик, перестань,
Я поеду в Аристань.
Дождик, дождик, уходи,
Завтра, завтра приходи.

Он захотел произнести его еще раз, но заснул на полуслове.

* * *

Дождь лил всю неделю, и когда в воскресенье утром Хуберт появился из утробы своего каменного коричневого дома, земля возле единственного дерева, косо росшего на наклонном тротуаре Сто Десятой, казалась мягкой и жидковатой. Сточные канавки

бурлили от низринувшихся потоков. Хуберт взглянул на темное небо, выглядевшее темным даже сейчас, в одиннадцать утра. На нем не было ни намека на солнце.

Раздосадованный, он снова забормотал свою чепуховину «Дождик, дождик, уходи, завтра, завтра приходи…» и устало поплелся вверх по улице на угол Бродвея, где всегда завтракал.

В крохотном ресторанчике, опустив зад на табуретку, слишком маленькую для его грушеобразных очертаний, Хуберт послал традиционный плотоядный взгляд Флоренс, рыжеволосой красотке за стойкой, и привычно заказал:

— Флоренс! Два вкрутую, бутерброд с ветчиной, кофе, сливки.

Поглощая яйца, Хуберт снова вернулся к тоскливым мечтаниям нескольких предшествовавших вечеров:

— Флоренс, вы бы хотели, чтобы с вами произошло что-нибудь необыкновенное? — Ему пришлось проглотить солидный кусок бутерброда, чтобы произнести эту фразу внятно.

Флоренс взглянула на него, оторвавшись от своих обязанностей: она выкладывала на бумажные тарелочки твердые, как камень, квадратики масла.

— Ага, я всегда хотела, чтобы со мной что-нибудь приключилось. — Она отбросила за спину перетянутый пучок рыжих волос. — Но никогда ничего не случалось. — Она пожала плечами.

— И что бы вы хотели? — заинтересовался Хуберт.

— Ах, вы же знаете, разные глупости. Ну, например, чтобы сюда зашел Марлон Брандо и полез обниматься. И все такое прочее… Или чтобы я выиграла миллион в Ирландском Тотализаторе, заявилась сюда как-то утром в норковом боа и обмакнула его кончик в пойло этой поганки Эрмы Геллер. Да вы же знаете!

Она опять занялась своим маслом.

Хуберт знал. У него самого возникали аналогичные желания, подробности которых легко заменяли одна другую. Там были и Джина Лоллобрижида, и чесучовый костюм ценой в двести пятьдесят долларов вроде того, что носил мистер Бейген. Все это было в его мечтах.

Он покончил с яйцами, подобрав последние крошки яичного желтка, выцедил кофе и, промокнув рот бумажной салфеткой, сказал:

— Ну, до завтра, Флоренс.

Она приняла протянутый им счет, заметила под тарелкой обычные пятнадцать центов, и спросила:

— Обедать сегодня придете?

Хуберт заважничал, изображая утомленность и отрешение.

— Нет, думаю погулять сегодня по городу, заглянуть вечерком на какое-нибудь шоу, может, перекушу в Латинском Квартале или у Линди, с фазаном под колпаком, с икоркой и какой-нибудь из девчушек-толстушек, которыми Линди так славится. Решу, когда буду на месте.

Он пошел к выходу, изображая походкой веселье.

— Ах, ну у вас и характер! — хихикнула позади него Флоренс.

Дождь продолжался. Хуберт прошел несколько кварталов по Бродвею. — Дождь усилился и прогнал с тротуаров всех людей кроме тех, что покупали воскресные выпуски.

— Паршивый день, — пробормотал сам себе Хуберт.

«Такой же, как и вся неделя» — мысленно заметил он. — «Может, это покажет крикуну Бейгену то, что я могу предсказывать погоду не хуже высокооплачиваемых мальчиков с верхних этажей. Может, теперь он станет прислушиваться ко мне?»

Хуберт буквально видел, как мистер Бейген подходит к его столу, мгновение колеблется, потом, положив руку Хуберту на плечо — что Хуберт старательно игнорирует, — говорит, что он жутко виноват, что больше никогда не повысит голос, и пусть Хуберт простит его за грубость, и вот ему пятнадцать долларов надбавки, и вот ему работа наверху, в аналитическом отделе.

Эту идиллию прервало ощущение промокших ног. Проклятый дождь. И Хуберт решил убить время, зайти в кино. Демонстрировался фильм с Барбарой Стэйнвик, и хотя Хуберт ее презирал, но куда еще деваться толстому сорокашестилетнему мужчине в Нью-Йорке, когда нет близких друзей, а все имеющиеся книги и журналы прочитаны.

Хуберт профыркал весь фильм, раздраженный примитивным сюжетом. Он даже подумал, что, предоставься ему возможность исполнения одного желания, он пожелал бы Барбаре больше не сняться ни в одном фильме.

Когда он вышел оттуда три часа спустя, был уже полдень, и дождь хлестал по нише билетной кассы, промочив его еще до того, как он успел выйти на улицу. Дождь был холодный, самый студеный из всех, какие мог вспомнить Хуберт, и такой частый, что, казалось, между каплями совсем не оставалось промежутков, словно Господь обрушил на Землю всю влагу небес сразу.

Хуберт шел по улице, бормоча про себя детский стишок по дождик. Он попытался прикинуть, сколько раз им был уже произнесен этот набор слов. Но не смог, поскольку это тянулось с самого раннего детства. Каждый раз, как начинался дождь, он

обращался к нему с одной и той же просьбой: «Дождик, дождик, перестань…». И теперь он с удивлением осознал, что это каким-то сверхъестественным образом срабатывало, причем неоднократно.

Он вспомнил один летний день — ему было тогда двенадцать, — когда они всей семьей собирались на пикник, но внезапно потемнело, начало накрапывать, а ведь еще минута, и они бы поехали.

Хуберт вспомнил, как прижимался к стеклам окон в гостиной и снова и снова яростно твердил эту фразу. Стекла были холодным, нос начал болеть от того, что все время расплющивался. Но через несколько минут это сработало, дождь прекратился, небо чудесным образом очистилось, и они поехали в Хантингтонский Лес на пикник. Пикник получился так себе, но это не важно. Важно то, что он прекратил дождь при помощи заклинания.

Спустя много лет Хуберт продолжал в это верить и обращался к стишку про дождик как можно чаще, то есть крайне часто. Порой, казалось, просьба не срабатывала, в других случаях помогала, но, где бы он ни находился, стоило произнести эти слова, и дождь никогда не продолжал идти особенно долго.

В голове Хуберта бурлили мысли: «Может ли желание в самом деле становиться реальностью? Может для этого надо держаться за него и постоянно его повторять? Может, в этом секрет? Может, потому отдельные люди рано или поздно получают то, к чему стремятся, что без конца твердят о своем желании, пока оно каким-то образом не реализуется? Возможно, мы все обладаем даром воплощать наши мечты в действительность, но должны быть упорны в своих намерениях, потому что вера и сила нашей убежденности — могучее средство. Если бы у меня было только одно желание, что бы я выбрал? Я бы выбрал…»

В это время Хуберт увидел, как река Гудзон начинает выходить из берегов, затапливая Прибрежное Шоссе, поднимаясь все выше и выше, поглощая маленький парк возле дороги. Только теперь он понял, что натворил.

— О, Господи! — воскликнул Хуберт и со всех ног помчался домой.

* * *

— Дождик, дождик, уходи, в другой раз к нам приходи… — «Да, только так. Нельзя говорить завтра», думал Хуберт.

Произнеся это, Хуберт смочил горло и сделал еще одну пометку на здоровенной доске, уже полной таких пометок. Он повторил заклинание еще раз и опять сделал пометку.

Это было странно. Вчера дождь прекратился, но сегодня

опять начался. Хоберт, в буквальном смысле слова, был на грани срыва. Видимо его слова, повторяемые с детства «завтра, завтра приходи» накопились и не давали проходу заклинанию «в другой раз к нам приходи». Он произносил «завтра» почти сорок лет и, видимо, существовал лишь один способ прекратить этот ливень — заговаривать дождь, повторять слова в «другой раз к нам приходи» снова и снова, пока их число не превысит то, что было произнесено им за всю его жизнь. Да, только так, только так.

Вода перехлестывала через карниз его дома, и Хуберт еще глубже вжался в свою резиновую лодку на крыше, подтягивая к себе большую доску, повторяя фразу, делая пометки и прочищая горло. Он просидел целый день, повторяя стишок, пока не прекратил дождь, но теперь другое опасение не давало Хуберту покоя.

Хотя дождь прекратился, и Хуберт был в относительной безопасности на крыше своего дома, его волновало то, что в сырую погоду он всегда подхватывал ларингит.

Ночной дозор

«NIGHT VIGIL». Перевод Т. Гринько.

Урок из этой «космической оперы» должен быть очевиден. Если вас наняли для выполнения какой-то работы, ВЫПОЛНЯЙТЕ ЕЕ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ! Всегда есть банальные причины, которые вы можете придумать: «Мне платят недостаточно», или «Они заставляют меня слишком много работать», или «Как так получилось, что он/она выполняет ту же работу, что и я, но получает в два раза больше», или «Они меня не уважают». Предполагается, что ты должен получать удовольствие от работы, которую выполняешь, но если обстоятельства вынуждают тебя, и тебе приходится делать это ради денег, и ты ненавидишь свою работу, что ж, это ужасно. Но ты согласился выполнять работу, и тебе за это платят, так что ДЕЛАЙ ЭТУ ЧЕРТОВУ РАБОТУ! Или увольняйся. При этом предупреди работодателей заранее, не делай это внезапно. Увольняйся, а не устраивай погром в округе назло всем и не начинай воровать в магазинах. Но, если обстоятельства уволиться не позволяют, то просто ДЕЛАЙ СВОЮ ЧЕРТОВУ РАБОТУ! Вот как это делают те, у кого есть внутренняя сила. Не скули, не ссы и не ной, не морочь всем голову, просто держись столько, сколько это этически необходимо, а потом убирайся восвояси. Но если ты согласился выполнять эту работу, какой бы тяжелой она ни была, ДЕЛАЙ ЭТУ ЧЕРТОВУ РАБОТУ, просто делай ее.

Темнота окутывала маленький квонсет. Она струилась из космических глубин и закручивалась вокруг жилища Феррено. Тихий шепот непрерывно вращающихся автоматических сканеров действовал успокаивающе на нервы старика — в подсознании сидела уверенность, что они, сканеры, всегда начеку.

Он нагнулся и снял с ковра соринку. Это была единственная чужеродная частица на ворсе, что свидетельствовало о хронической чистоплотности и почти фанатичной аккуратности старика.

Коробки книжных кассет выстроились на полках корешок к корешку; постель была заправлена по-военному туго — так, что

от нее отскочила бы монета не менее трех раз; на стенах, вытираемых дочиста дважды в день, — ни следа от прикосновений пальцев. Ни на чем в однокомнатном домике нельзя было обнаружить ни пятнышка, ни пылинки.

Отправив щелчком в мусоросжигательную печь одинокую соринку, Феррено восстановил непорочную чистоту своего жилища.

Это было следствием двадцати четырех лет бдения, ожидания и одиночества. Одиночества на краю Вечности, ожидания чего-то такого, что, возможно, никогда не придет. Бесчувственные, безгласные машины, которые он обслуживал, могли сказать, что «нечто появилось», добавив, однако: «мы не знаем, что именно».

Феррено вернулся к своему пневмокреслу, тяжело опустился в него и прищурился; глубоко посаженные серые глаза старика, казалось, что-то искали в дальнем закругленном углу потолка. Но там не было ничего такого, чего бы еще он не знал. Не знал слишком хорошо.

Он находился на этом астероиде, на этой точке, затерянной во тьме, в течение двадцати четырех лет.

И в течение двадцати четырех лет ничего не происходило. Не было ни тепла, ни женщин, ни чувств за почти двадцать из тех двадцати четырех лет, только краткий порыв эмоций.

Феррено был молодым человеком, когда его высадили на Камень. Ему указали вдаль и сказали:

— За самой дальней точкой, которую ты можешь видеть, — островная вселенная. В этой островной вселенной есть враг, Феррено. Однажды ему надоест свой дом и он явится за нашим.

И они ушли прежде, чем он успел спросить.

Спросить: кто эти враги? Откуда они должны явиться и почему он здесь, один, должен остановить их? Что ему делать, если они придут? Что это за огромные молчащие машины нелепо громоздятся за домиком? Вернется ли он когда-нибудь домой?

Все, что ему было известно, — мудреная процедура настройки на гиперпространственную связь. Требующий ловкости пальцев способ пересылки через Галактику закодированных сообщений. Их ждал мозг Марка LXXXII — ждал только этих отчаянных импульсов.

И все: процесс набора и тот факт, что он в дозоре. В дозоре за тем-не-знаю-чем!

Поначалу Феррено думал, что сойдет с ума. От однообразия. Однообразие разрослось до размеров паники.

Тяжкое бремя — наблюдать, наблюдать, наблюдать. Сон, питание саморазрастающейся протеиновой массой из бака, чтение, снова сон, перечитывание книжных кассет, пока их

футляры не стали трескаться и затрепываться. Затем он их переплетал — и перечитывал.

Ужас знания наизусть любого места в книге.

Он мог читать наизусть из «Красного и черного» Стендаля, из «Смерти после полудня» Хемингуэя, из «Моби Дика» Мелвилла до тех пор, пока каждое слово не теряло смысл, не звучало странно и неправдоподобно в его ушах.

Ему было вздумалось жить в грязи и швырять чем ни попадя в закругленные стены и потолки. Вещи делались с тем расчетом, чтобы сгибаться и отскакивать — но не ломаться. Стены амортизировали удар брошенного бокала или остервенелого кулака. Потом пришла предельная аккуратность, потом умеренность и наконец опять-таки аккуратность, сухая нервическая кропотливость старика, который в любой момент желает знать, где что лежит.

Никаких женщин. Долгое время это было нескончаемой мукой. Нарастающая боль в паху и животе властно будила по ночам, заставляя обливаться потом, сводя болью рот и тело. Феррено преодолел это не сразу, даже порывался себя кастрировать. Разумеется, ничто не помогло, беда миновала только вместе с молодостью.

Он принимался разговаривать сам с собой. Отвечал на собственные вопросы. Не безумие — лишь страх, что дар речи может быть утрачен.

Безумие вздымалось не раз на протяжении ранних лет. Слепая грызущая тяга выйти вон! Выйти вон в безвоздушные просторы Камня. Наконец умереть, покончить с этим никчемным существованием.

Но квонсет соорудили без дверей. Те, кто его сюда доставил, вышли через щель, которую за ними намертво затянуло пластальо, и выхода там не было.

Безумие приходило часто.

Однако выбор пал на него далеко не случайно. Он цеплялся, за свое здравомыслие, знал, что в нем его единственное спасение. Сознавал, что было бы гораздо ужаснее закончить свои дни в этом квонсете беспомощным маньяком, нежели сохранить здравый ум.

Феррено не переступил критическую черту и вскоре стал все больше удовлетворяться своим миром в скорлупе. Он ждал, поскольку делать ему было больше нечего; и в ожидании умиротворенность сменилась бешеным нетерпением. Он стал считать это тюрьмой, потом гробом, потом — окончательной чернотой Последней Дыры. Он просыпался в безжалостной ночи, задыхаясь от горловых спазм, руки яростно когтили губчатую резину кушетки.

Время ушло. Миновала грань, за которой он уже не мог сказать, как оно ушло. Жизнь стала сухой, как пыль, и временами Феррено сомневался, действительно ли он все еще живет. Не будь у него автоматического календаря, он вряд ли знал бы, что прошли годы.

И всегда, всегда, всегда огромное тусклое сонное око сигнала тревоги. Пристально глядящее ему в спину, скрытое в потолке.

Оно соединялось со сканерами — теми, что громоздились за квонсетом. Сканеры, в свою очередь, взаимодействовали с плотной сетью межпространственных лучей, смыкающихся в самой дальней точке горизонта, какую только Феррено мог себе представить.

В свою очередь, узлы сети были связаны со сторожевыми установками — их металлические и пластиковые умы тоже выжидали, наблюдали за беспощадными враждебными чужаками, которые могут однажды явиться.

Враг уже приходил, о нем знали: были обнаружены следы причиненных им разрушений. Остатки великих и могучих цивилизаций, превратившихся в микроскопическую пыль после вторжения страшного захватчика.

Те, кто забросил сюда Феррено, не отваживались странствовать по Вселенной, пока где-то существуют Другие. Где-то… выжидают. Установили межпространственную сеть, соединенную со сторожевыми установками. Вся система замыкалась на сканерах, к которым был подключен большой тусклый «глаз» в потолке квонсета.

Затем Феррено поставили здесь часовым.

Поначалу он нес службу ревностно. Ожидая, был уверен: то, что должно явиться, произведет громоподобный шум, нарушит вечное молчание его мыльного пузыря. Он ждал кровавых отблесков, фантастических теней, пляшущих по комнате и мебели. Он даже провел пять месяцев в размышлениях: какую форму примут эти тени, когда час пробьет.

Затем Феррено вступил в период неврастении. Беспричинно вскакивал и таращился на «глаз». Галлюцинации: звон в ушах, мерцание. Бессонница: может свершиться, а он и не услышит.

С течением времени Феррено все больше отстранялся от «глаза», надолго забывая о его существовании. Покуда окончательно не понял: она была безотлучно с ним, эта муторная штука, о которой то и дело забываешь, такая же его часть, как собственные уши, собственные глаза. Он выявил это в глубинах памяти но это было там всегда.

Всегда там, всегда начеку, всегда готовое вырваться.

Феррено никогда не забывал, почему он здесь. Он никогда не

забывал, по какой причине его забрали.

И день, когда за ним пришли.

Вечер был бледен и полон звуков. Флаеры стрекотали в воздухе над городом, на траве играли в крикет, шум голографа доносился из гостиной дома.

Крепко обнимая свою девушку, он сидел на веранде, на скрипучей качалке, которая чмокала стенку каждый раз, когда они чересчур откидывались назад. Он как раз отхлебнул лимонада — запомнился его освежающе-кислый вкус, — когда трое мужчин шагнули из сумерек на веранду.

— Вы Чарльз Джексон Феррено, девятнадцати лет, шатен, карие глаза, рост — пять футов десять дюймов, вес — 158 фунтов, шрам на правом запястье?

— Д-да… а что? — пробормотал он.

Вторжение этих незнакомцев, да еще в самые интимные мгновения, повергло Феррено в замешательство.

Затем они схватили его.

— Что вы делаете? Отпустите его! — вскричала Мари.

Перед ней мелькнуло светящееся удостоверение, и она испуганно умолкла, подавленная их властью. Затем они поволокли его, воющего, во флаер, черный и безмолвный, и вихрем понеслись в пустыню Невада, к пласталевому зданию, где размещалась штаб-квартира Центральной Космической Службы.

Методом гипноза его обучили обслуживанию межпространетвенной связи. Навыки, которые он сам не обрел бы и за двести лет — перебор миллиона вариантов подключения, — внедрили в него механически.

Затем его подготовили к полету.

— Зачем вы так со мной поступаете? Зачем вы меня забрали? — кричал он, в отчаянии пытаясь разодрать шнуровку герметического костюма.

Ему объяснили. Марк LXXXII сквозь платиновое нутро просеял сорок семь тысяч перфокарт, и лучшим среди всех был признан Феррено. Выбор пал на него. Безукоризненно точная машина сообщила, что он наименее подвержен сумасшествию, унынию, срывам. Он был лучшим, и служба нуждалась в нем.

Потом — корабль.

Нос чудища был нацелен прямо в безоблачное небо, самое голубое и ясное, какое Феррено когда-либо видел. Затем — грохот, рев и перегрузка, когда корабль ринулся в космос. И почти неощутимая тряска, когда судно заскользило через гиперпространство. Странствие сквозь млечную розоватость непространства. Затем опять тряска и — там! Направо-налево-недоходя-упрешься — вот он, голый маленький астероид с

пупырышком квонсета.

Когда ему поведали о враге, он бросился на них, но его втолкнули обратно в пузырь, заблокировали герметический шлюз и вернулись на корабль. После этого они покинули Камень. Рванули вверх и, описав дугу, скрылись из виду в космическом пространстве.

Руками, покрытыми кровоподтеками, он колотил по упругой пластали гермошлюза и смотровым окошкам.

Он никогда не забывал, зачем он здесь.

Он пытался вообразить врагов. Были они отвратительными, похожими на слизняков тварями с некой темной звезды, от которых кольцами распространялись вязкие ядовитые флюиды, проникая в земную атмосферу; были они паукообразными вампирами со щупальцами; возможно, были они тихими, благовоспитанными существами, сводящими на нет все человеческие порывы и амбиции; были они…

Феррено продолжал в том же духе, пока это совершенно не перестало занимать его. Потом он забыл о времени. Но помнил, что он здесь для того, чтобы наблюдать. Наблюдать и ждать. Часовой у врат Вечности, дожидающийся неведомого врага, который может налететь ниоткуда, чтобы погубить Землю. А может, этот враг бесследно исчез тысячелетия назад оставив его здесь в бессмысленном дозоре, обреченного на пустую жизнь.

В нем проснулась ненависть. Ненависть к людям, похоронившим его заживо. Ненависть к людям, доставившим его сюда на корабле. Он ненавидел людей, которым пришла в голову идея о часовом. Он ненавидел компьютер по имени Марк, который выдал:

— Возьмите Чарльза Джексона Феррено, и только его!

Он ненавидел их всех. Но больше всего он ненавидел враждебных чужаков. Жестокого врага, вселившего страх в сердца людей.

Феррено ненавидел их всех жгучей ненавистью, доходившей до безумия. Затем наваждение прошло. Даже это прошло.

И вот теперь он старик. Годы избороздили кожу рук, лица и шеи. Глаза глубоко запали, окруженные складками плоти, брови стали белыми, как звезды. Отросшие спутанные волосы были обкорнаны ультрабезопасным бритвенным прибором, который невозможно было бы использовать для самоубийства. Борода нечесана и кое-как подровнена. Сутулая фигура, со временем идеально приспособившаяся к пневмокреслу.

Мысли перескакивали с одного на другое. Феррено думал. Впервые за последние восемь лет — с тех пор как прекратились галлюцинации действительно думал. Он сидел сгорбившись в

пневмокресле, которое давным-давно приняло форму, соответствующую его позе. Немые мотивы какой-то хорошо знакомой записи музыкальной пьесы нестройно звучали над головой. Было ли то кошмарное повторение Вивальди или кошмарное повторение Монтеверди? Загнанный кошмарным повторением туда, где так долго жила эта музыка, он пошарил в закоулках памяти.

Его мысли изменили направление прежде, чем он нашел ответ. Это не имело значения. Ничего не имело значения, кроме дозора.

Капли пота выступили над верхней губой, жидкие волосы прилипли к вискам, обозначив дуги залысин.

Что, если они никогда не придут?

Что, если они уже прошли и из-за какой-нибудь неполадки в приборах он проморгал их? Даже необъяснимое упорство вращающихся работяг-сканеров не внушало достаточной уверенности. Впервые за много лет Феррено вновь прислушивался к сканерам — исправны ли они? Нет ли каких-нибудь… неполадок?

Они звучали с перебоями! Боже мой, все эти годы и сейчас они не работали! Феррено не мог починить их, не мог выбраться наружу, он был обречен лежать здесь, пока не умрет — жизнь потеряла цель! О Боже! Все эти годы прошли зря, и юность прошла, и прекратилось всякое движение, и поломались эти проклятые штуковины, и враги проскользнули незамеченными, и с Землей все кончено, и мне скверно здесь, и все было напрасно, и Мари, и все…

Феррено! Боже милостивый, человече! Остановись!

Резким усилием воли он взял себя в руки. Машины были совершенны. Они работали на основной субстанции гиперпространства. Они не могли выйти из строя, однажды запущенные согласно программе.

Но ощущение бесполезности осталось.

Он уронил голову на трясущиеся руки. Почувствовал, как слезы брызнули из глаз. Что способен сделать один тщедушный человек здесь, вдалеке ото всех и всего? Ему открыли достаточно, чтобы один человек стал более чем опасен. Да пусть они без устали убивают друг друга. Без разбора — мужчины и женщины. Лишь один человек сумеет сохранить самообладание, забавляясь путаницей предостережений по гиперпространственному коммуникатору.

Он вспомнил, что ему говорили о смене дозорного.

Ее не будет. Изолированный, человек начинал борьбу с самим собой. Если они заберут его и заменят другим, возрастет

вероятность просчета — и провал. Избрав наилучшего кандидата при помощи непогрешимого компьютера, они положили все яйца в одну корзину — но свели риск до нуля.

Он снова вспомнил, что ему говорили о замене его роботом.

Невозможно. Кибернетический мозг, оборудованный для выполнения столь сложной задачи, как распознавание угрожающих факторов, а также передачи их на гиперпространственные коммуникаторы — включая всевозможные разветвления, которые могут возникнуть за пятьдесят лет, — был бы фантастически огромен. В длину миль эдак пятисот, в ширину — трехсот. С лентами, дублирующими системами, преобразователями и перфокартами, которые, если их выложить в одну линию, покрыли бы половину расстояния от Камня до Земли.

Феррено знал, что он необходим, и это, наряду с другими соображениями, двадцать четыре года удерживало его от того, чтобы, исхитрившись, свести с собой счеты.

Самоубийство все еще казалось ему слишком жалким, слишком никому не нужным исходом. Наверняка пузырь-квонсет передаст информацию, если он умрет или окажется в беспомощном состоянии. Тогда последует еще попытка.

Он был необходим, если…

Если враг приближался. Если враг уже не обошел его. Если враг не погиб давным-давно. Если, если, если!

Феррено почувствовал, как вновь пробуждается безумие, подобно некоему безобразному монстру рассудка.

Он оттеснил его беспристрастным доводом.

В глубине души Феррено знал, что он не что иное, как символ. Знак отчаяния. Знак выживания для людей Земли. Они хотели жить. Но разве они не принесли его в жертву ради своего выживания?

Он не мог ответить себе на этот вопрос.

Может, это было неизбежно. А может — нет. В любом случае так уж вышло, он был человеком.

Здесь — в этом скрещении галактик, в этом пункте особой важности, на этом рифе среди баталии, которая должна разыграться.

А что, если его бросили? Что, если сюда никогда не придут? Что, если врага вообще не существует? Всего лишь предположение, принятое за истину. Тайное давление на душу и жизнь человеческого существа!

Боже! Какая ужасная мысль! Что, если…

Тихий звонок и мощный красный свет из «глаза» в потолке включились одновременно.

Раскрыв рот, Феррено оцепенел. Он не мог смотреть вверх, на сам «глаз». Он уставился на кровавую дымку, застилавшую стены и пол квонсета. Это была минута, которой он ждал двадцать четыре года!

Та самая минута? Никаких резких звуков, никаких красных сигнальных мигалок. Только ровный сильный свет и тихий звонок.

И все же он знал, что так для него было гораздо лучше. Это предотвратило смерть от сердечного приступа.

Затем он попытался пошевелиться. Попытался нащупать сорок три клавиши гиперпространственного коммуникатора на подлокотниках пневмокресла. Попытался передать сообщение тем способом, который запечатлелся в подкорке, тем способом, который он никогда не смог бы воспроизвести сознательно.

Он словно примерз к сиденью.

Тело сковал паралич. Руки не слушались отчаянных приказов мозга. Клавиши, лежавшие на подлокотниках кресла, хранили молчание, предупреждение оставалось неотправленным. Он был абсолютно ни на что не способен. Что, если это ложная тревога? Что, если машины вышли из строя после двадцати четырех лет безостановочной работы? Двадцати четырех лет — а сколько людей побывало здесь до него? Что, если это была просто еще одна галлюцинация? Что, если он напоследок сошел с ума?

Он упускал момент. Парализованный страхом рассудок сковал движения. Он не имел права сплоховать и послать ошибочное сообщение.

Потом он увидел нечто и понял, что тревога была не ложная.

Вдали, в чернейшей черноте космического пространства над Камнем, он различил расширяющуюся световую точку, пронзающую деготь пустоты. И понял. Спокойствие наполнило его.

Теперь он знал: все было не напрасно. Наступила кульминация долгих лет ожидания. Лишений, невыносимого одиночества, мучительной скуки. Стоило вынести все это.

Он обмяк и закрыл глаза, предоставив свободу действий гипнотически усвоенному навыку. Его пальцы запорхали над клавиатурой.

Дело сделано. Успокоившись, он позволил своим мыслям отдохнуть на тихой ряби сознания. Через смотровое окошко он видел все больше и больше световых точек — это была армада, безостановочно надвигавшаяся на Землю.

Он был удовлетворен. Пусть смерть близка, и его служба скоро окончится. Все годы были искуплены. Искуплены, хотя ничего хорошего ему пережить на Земле не пришлось. Однако

искуплено было все. Битву за жизнь поведут другие люди.

Его ночной дозор завершился.

Враг наконец пришел.

Голос в раю

«THE VOICE IN THE GARDEN». Перевод: Е. Доброхотовой-Майковой

Попытка вложить подтекстовую «мораль» в такой короткий рассказ, как этот, заставляет меня вспомнить замечательную цитату автора «Моби Дика», мистера Германа Мелвилла. Он как-то сказал: «О блохах никогда не будет написана великая книга, которую будут долго помнить, хотя многие пытались это сделать». (Но, замечательный Дон Маркиз[12] написал целую книгу о таракане по имени Арчи и его непоседливом друге, кошке-шлюхе Мехитабель, и хотя таракан, безусловно, стоит на эволюционной лестнице выше, чем блоха. Но все же, это говорит нам о том, что, возможно, мистер Герман Мелвилл не совсем прав). Этот короткий рассказ, по сути, написан умником, который так и не повзрослел. Но, «нарушители спокойствия», хотя мой урок никоим образом не вытекает из этого рассказа, из этой блохи, вы, бездельники, должны к нему прислушаться:

Если ты считаешь, что остроты и шутки, которые ты отпускаешь в кинозале, это кладезь остроумия и вызывают у всех восхищение, то, присмотрись внимательнее на всех вокруг, на тех, на кого ты хочешь произвести впечатление. И тогда ты, возможно, поймешь, что на самом деле они считают тебя из-за твоих шуточек дебилом. А, возможно, ты им и не являешься.

Последний мужчина на Земле брел по развалинам Кливленда, что в штате Огайо. Город и прежде не отличался весельем или живописностью, а теперь, подобно Детройту, Рангуну, Минску и Иокогаме, превратился в яростно развороченный конструктор из досок и кирпича, перекрученных стальных балок и оплавленного стекла.

Мужчина пробирался в обход груды камня и цемента — бывшего Памятника солдатам и матросам на бывшей Центральной площади, — когда его красные от слез по погибшему человечеству глаза различили то, чего не видели ни в Бейруте, ни в Венеции, ни в Лондоне — человеческое движение.

Он бросился бегом через рытвины уничтоженной авеню Эвклида. В голове звучали небесные хоры. Женщина!

Она его заметила, и в самом ее силуэте он угадал ту же ликующую радость. Поняла! Она протянула к нему руки, побежала. Они плыли друг к другу, словно в замедленном балете. Раз он споткнулся, но тут же вскочил. Они обежали смятые жестянки автомобилей и встретились перед искореженным остовом, который прежде — казалось, геологические эпохи назад — был зданием компании «Май».

— Я — последний мужчина! — выговорил он. Слова сами рвались наружу. — Последний, самый-самый последний. Все погибли, все, кроме нас. Я — последний мужчина, ты — последняя женщина, мы должны соединиться и продолжить человеческий род… и на этот раз у нас все будет правильно… без войн, без злобы, без нетерпимости, только доброта… у нас получится, вот увидишь… все будет хорошо, светлый новый сияющий мир на месте смерти и разрушения!

Под слоем копоти ее измученное лицо лучилось неземной красотой.

— Да, да, — сказала она. — Я люблю тебя, ведь мы только и остались, ты и я.

Он коснулся ее руки:

— Я люблю тебя. Как тебя зовут?

Она слегка покраснела.

— Ева. А тебя?

— Берни, — ответил он.

Самой тьмы мрачнее

«DEEPER THAN THE DARKNESS». Перевод: Михаил Кондратьев

У меня были неприятности из-за моих выходок с самого детства. Мой первый день в детском саду. — Не прошло и десяти минут после того, как моя мама отпустила мою руку и оставила меня в комнате, полном детей, как меня отвели в кабинет директора. Я расскажу вам эту историю в другой раз. Но вот у учительницы начальной школы (1940 год, Пейнсвилл, штат Огайо) на правой руке, держу пари, до сих пор следы от моих клыков. Так что я с самого начала знал, что мне нужно притворяться таким как все, как можно лучше, иначе из меня будут выбивать дурь на переменах и после уроков каждый день. Что ж, как и Альфу Гундерсону в следующей истории, мне удавалось скрывать свою истинную сущность… но не очень хорошо и не очень долго. Ребята, поверьте мне на слово: если вы из тех, кого мы называем «зелеными обезьянами», то другие обезьяны будут рвать вас на части каждый раз, когда учуют ваш запах. Прятаться — это искусство. Но не прячьтесь слишком хорошо, чтобы такие, как вы, смогли вас найти. И не доводите дело до того, чтобы маска, которую вы носите, не стала вашим настоящим лицом. Притворяйся, но не ассимилируйся. И никогда не развязывай сухопутную войну в Азии. Я просто подумал, что стоит добавить и это. Никогда не знаешь наверняка, что взбредет тебе в голову.

I

За Альфом Гундерсоном пришли в окружную тюрьму Пауни.

Заключенный сидел спиной к пласталевой стене камеры и крепко обнимал руками костлявые колени. На пласталевом полу лежала выпрошенная им у охранника древняя трехструнная мандолина, на которой Гундерсон этими жаркими летними днями весьма недурственно бренчал. Тощим задом он упирался в желоб койки — на ней не было даже матраса, — и койка ощутимо прогибалась. Длинный как жердь, Гундерсон заметно сутулился.

От сухопарого заключенного веяло вдобавок какой-то опустошенностью. Тусклые каштановые с проседью волосы в беспорядке висли над низким лбом. Глаза казались горошинами, вылущенными из стручков и вдавленными в мертвенно-бледное лицо.

Невыразительность их только усиливала исходящее от Гундерсона ощущение пустоты. Ни в чертах лица, ни в фигуре — ничего запоминающегося. Ничего выразительного. Казалось, этот человек давным-давно отказался от каких бы то ни было надежд.

Не просто измотанный и усталый. Эта усталость шла словно откуда-то изнутри. Гундерсон так и не отводил пустого взгляда от пласталевой двери даже когда она растворилась, пропуская двух незнакомцев.

Вошли двое мужчин. Походки — столь же схожие, как и неприметные костюмы в серую клетку — как и лица, стиравшиеся из памяти немедленно после ухода.

Вертухай — седеющий туповатый надзиратель минус восьмого разряда уставился им вслед с откровенным изумлением на бородатой физиономии.

Один из серых обернулся — и мигом подметил изумленный взгляд на лице охранника. Голос гостя был ровен и невозмутим:

— Закроешь дверь — и обратно к столу. — Слова холодные, размеренные. Никаких возражений они не встретили. И понятно. Ведь эти люди были Мудрилами.

Рев гиперпространственного корабля прервал застывшее мгновение — и вертухай закрыл дверь, приложив ладонь к замку. Потом побрел прочь из арестантского блока, поглубже засунув руки в карманы комбинезона. Шел он с опущенной головой — словно старался решить какую-то невероятно сложную задачу. Тоже понятно. Охранник изо всех сил старался спрятать свои мысли от проклятых Мудрил.

Стоило вертухаю выйти, как телепаты подобрались поближе к Альфу Гундерсону. Лица их стали плавно, едва уловимо меняться, наполняясь индивидуальностью. Потом они перекинулись встревоженными взглядами.

«Этот?» — подумал первый, слегка кивая на заключенного. Тот сидел как сидел, обхватив руками костлявые колени.

«Так в рапорте, Ральф», — подумал в ответ другой. Затем сдвинул прикрывавшую лоб пластинку и, присев на край койки-желоба, нерешительно коснулся ноги Гундерсона. «Боже милостивый! Он не думает!» — вспыхнула мысль. «Ничего не нащупать!»

Мысль так и посверкивала изумлением.

«Может, заблокирован травматическим барьером?» пришел

ответ телепата по имени Ральф.

— Вас зовут Альф Гундерсон? — вкрадчиво осведомился первый Мудрила, положив руку на плечо Гундерсону.

Выражение лица арестанта нисколько не изменилось.

Затем, однако, голова его медленно повернулась, и безжизненный взгляд остановился на сером телепате.

— Да. Я Гундерсон. — Голос ничего не выражал — ни интереса, ни тревоги.

С сомнением сморщив губы и нахмурившись, первый Мудрила перевел взгляд на своего напарника. Потом пожал плечами — словно говоря: «Кто его знает?»

И опять повернулся к Гундерсону.

А тот так и не пошевелился. Будто высечен из камня.

И нем как рыба.

— За что вы здесь, Гундерсон? — Речь Мудрилы отличалась характерной для телепата неуверенностью — будто слова ему в новинку. Да так оно, собственно, и было.

Безжизненный взгляд качнулся обратно на пласталевые стенные панели.

— Я поджег лес, — произнес Гундерсон.

От этих слов заключенного Мудрила заметно помрачнел. Именно так и указано в рапорте. В том самом рапорте, что пришел из отдаленного уголка далекой страны.

Американский Союз покрыл оба континента печатными платами, линиями связи и скоростными трассами — но оставались там и участки девственных лесов, так и не познавшие цивилизации. Человечество по-прежнему сохраняло дороги и тюрьмы, леса и озера. Из одного такого местечка и пришли в течение часа сразу три рапорта поразительного содержания. Пройдя предварительную обработку в первичных информационных блоках Капитал Сити в Буэнос-Айресе, они были загружены в компьютер и направлены в Бюро для проверки. Выяснилось странное обстоятельство. В то время как гиперпространственные корабли курсировали среди миров, а Земля вела свои межгалактические войны, здесь, в захолустном уголке американского материка, произошло нечто из ряда вон выходящее.

Полторы квадратные мили бушующего лесного пожара — и все на совести одного Альфа Гундерсона. Поэтому Бюро и направило для разбирательства двух Мудрил.

— Как это получилось, Альф?

Безжизненные глаза вмиг захлопнулись — словно от боли. Потом снова открылись, и Гундерсон ответил:

— Я хотел разогреть котелок. Пытался поджечь растопку.

Слишком сильно полыхнулся. — Тень жалости к себе и невыносимый боли набежала на его лицо и тут же исчезла. Снова опустошенный, арестант добавил: — Всегда у меня так.

Первый телепат резко выдохнул, встал и надел шляпу.

Индивидуальность исчезла с его лица. Он снова стал точной копией своего напарника. Оба они из личностей сделались просто сотрудниками Бюро умышленно и детально похожими друг на друга.

— Это он, — заключил первый телепат.

— Вставай, Альф, — сказал Мудрила по имени Ральф. — Надо идти.

Властный тон приказания оказал на Гундерсона такое же действие, как и появление Мудрил. — Заключенный как сидел, так и остался сидеть. Телепаты переглянулись.

«Что с ним такое?» — вспыхнуло у второго.

«На его месте ты сам бы стал слегка пришибленным», ответил первый.

Тогда они взяли Гундерсона под руки и, не встречая сопротивления, подняли его с койки. Вертухай явился на вызов и открыл дверь камеры, не переставая удивляться этим людям, что пришли сюда, предъявили удостоверения сотрудников Бюро, взяли с него клятву о гробовом молчании — а теперь забирали с собой бродягу-поджигателя.

Когда Мудрилы проходили мимо охранника, телепат по имени Ральф бросил на старого тюремщика пронзительный взгляд.

— Правительственное задание, мистер, — предупредил он. — Одно лишнее слово — и ты пленник в своей родной тюрьме. Все ясно?

Вертухай поспешно закивал головой.

— И прекрати так думать, — гадким тоном добавил Мудрила. — Нам очень не нравится, когда нас поминают как гнусных соглядатаев!

Белый как мел, вертухай молча наблюдал, как они выходят из вестибюля и покидают окружную тюрьму Пауни. Усердно опустошая голову, он все ждал, пока с площадки наконец не донесся жуткий вой спецкапсулы Бюро, стрелой взлетевшей в предвечернее небо.

«Интересно, какого черта понадобилось им от этого сбрендившего бродяги-поджигателя? У, Мудрилы проклятые!» — злобно подумал вертухай.

Доставив Гундерсона в Буэнос-Айрес, в самое сердце выжженной аргентинской пустыни, его направили на тестирование.

Тестирование было исчерпывающим. Хоть сам Гундерсон толком ничего и не сообщал, выяснились некоторые вещи, скрыть которые было просто невозможно.

К примеру, его способность воспламенять мыслью.

А также то, что вспышкой он управлять не мог.

А также то, что в отчаянных попытках найти себе тихое и уединенное пристанище его за последние пятнадцать лет куда только не заносило.

А также то, что странная способность его мозга принесла Гундерсону одни несчастья и вконец его измучила…

— Альф, — произнес бестелесный голос откуда-то из глубины темной аудитории. — На столе лежит сигарета. Закури ее, Альф. Без спичек.

Альф Гундерсон стоял в круге света. Переминаясь с ноги на ногу, он молча разглядывал лежащую на столе белую трубочку.

Опять его в это втянули. Опять изводят, проверяют, разглядывают. Да, он другой — отличается даже от всех известных псиоидных типов. — Опять его достанут и упекут. Так было раньше — так будет и сейчас. Нигде и никогда не найти ему покоя.

— Я не курю, — солгал Гундерсон. Вся сцена слишком напоминала бесчисленные полицейские проверки, которым он уже подвергался по всему американскому материку, по всей трассе от Земли до девятой планеты Альфы Центавр. Все это пугало и раздражало Гундерсона. И он понимал, что бежать ему некуда.

Разве что на сей раз в темноте сидели не суровые камнеликие полицейские. — Теперь там сидели суровые камнеликие сотрудники Бюро и люди из КосмоКома.

Даже сам глава КосмоКома Терренс сидел в одном из пневмокресел и внимательно наблюдал за Гундерсоном.

Сидел и мысленно призывал его действовать!

Гундерсон нерешительно взял трубочку. Потом уже было положил ее обратно.

— Да закури же ее, Альф! — отрезал из темноты необычно густой бас.

Гундерсон поднес сигарету ко рту. Все ждали.

Он явно хотел что-то сказать — возможно, возразить, но не сумел. Потом нахмурил густые брови. Его бессмысленные глаза стали — если это было возможно — еще бессмысленнее. Меж бровями пролегла глубокая морщина в форме римской пятерки. Сигарета вспыхнула. Из кончика вырвался язычок пламени. В одно мгновение он поглотил табак, бумагу и фильтр сигареты. Огонь ударил по губам Гундерсона, обжигая их, добрался до носа,

до лица. Альф Гундерсон дико вскрикнул — и, колотя себя ладонями по лицу, рухнул на пол.

Вся сцена внезапно заполнилась мечущимися фигурами в сине-черной униформе КосмоКома. Гундерсон скорчился на полу — от его лица клубами валил дым. Один из сотрудников КосмоКома сорвал головку с огнетушителя — и долговязую фигуру вмиг окутала пена.

— Унипорта сюда! Давайте же сюда этого проклятого Унипорта! Живо!

Молодой лейтенант с ежиком светлых волос, первым оказавшийся на сцене — впечатление было, будто он прятался где-то внизу, — держал голову Гундерсона в своих мускулистых руках, с ужасом дотрагиваясь до хлопьев обугленной кожи. В светло-голубых глазах лейтенанта — человека, успевшего навидаться всякой жути, — сейчас тем не менее просвечивал откровенный страх.

В считанные секунды угловатый, широкоскулый Унипорт разгладил Гундерсону лицо, выровнял каждый миллиметр — удаляя обгорелую плоть, наращивая здоровую, розовую кожу.

Еще несколько мгновений — и операция завершилась. Ожоги исчезли. Гундерсон снова был цел и невредим если не считать бросавшихся в глаза участков свежей кожи.

Все это время Гундерсон что-то бормотал. Когда Унипорт закончил свою ментальную работу и со вздохом выпрямился, слова эти разобрал молодой офицер КосмоКома. Он тут же взглянул Гундерсону в лицо, а затем обратил светло-голубые глаза к остальным.

Во взгляде офицера страх смешивался с замешательством.

А Гундерсон бормотал:

— Дайте мне умереть… пожалуйста… дайте же мне умереть… я очень хочу умереть… пожалуйста… дайте мне умереть…

II

Их корабль направлялся к Омало — солнцу системы дельгартов. В гиперпространство его ввела пилот по имени Карина Коррея. Искривив пространство корабля, женщина погрузилась в «глубокий сон» — до тех пор, пока она снова не понадобится, чтобы сделать выброс у Омало.

И теперь корабль продирался сквозь немыслимое лоскутное одеяло гиперпространства, срезая путь к звездной системе противников землян.

В одной каюте с Гундерсоном находился тот самый офицер со

светлым ежиком на голове. Весь перелет — от взлета до выброса — Пиротику предстояло оставаться в своем купе. Новейшего корабля КосмоКома Гундерсон так и не увидел. Только эта небольшая каюта — и неизменная компания офицера.

Светло-голубые глаза сотрудника КосмоКома устремлены были то на мертвенно-бледного соседа, то на переборки, защищающие их от телепортации и встроенный в одну из них сейф.

— Как думаете, зачем нас посылают так глубоко в тыл дельгартам? — закинул удочку офицер. — Ведь там их логово. Должно быть, какое-то важное задание. А вы как считаете?

Гундерсон с неохотой оторвался от созерцания носков собственных ботинок и уставился на астронавта. Потом лениво отбросил вытребованную им еще до старта губную гармошку, с которой он привык коротать мучительно долгие часы в гиперпространстве.

— Понятия не имею. А давно мы уже с дельгартами воюем?

— Вы даже не знаете, с кем и сколько воюет ваша родная планета?

— Я много лет прожил в глуши. Да и мы, кажется, всю дорогу с кем-нибудь воюем.

Офицер был явно потрясен.

— Мы воюем, только когда это необходимо для защиты мира во всех галактиках. Земля — миролюбивая…

— Да знаю, знаю, — перебил его Гундерсон. — Но сколько мы уже воюем с дельгартами? Мне казалось, они были нашими союзниками по какому-то договору.

Молодое лицо астронавта мгновенно исказилось лютой ненавистью.

— Мы были с этими скотами в союзе, пока они не захватили рудосодержащие планеты в нашем секторе. Губы его кривила откровенная злоба. — Но мы очень скоро вышвырнем оттуда этих подонков. Покажем этой сволочи, как нападать на миролюбивых землян.

От таких речей Гундерсону всегда хотелось заткнуть уши. Все то же самое он уже слышал всюду, где побывал — от Земли до девятой планеты Альфы Центавра. Кто-то без конца на кого-то нападал, кто-то все время воевал с кем-то, всегда находились скоты, которых надо было откуда-то вышвырнуть…

Корабль проскакивал сквозь мириады цветов гиперпространства, с шумом перемещаясь в этом не-пространстве на пути к чужому сектору. Гундерсон сидел в защищенной от телепортации каюте под тройными замками — и ждал. Он не имел ни малейшего представления, что от него требуется, зачем

его тестировали, подвергали предполетным проверкам — и зачем он вообще здесь. Но одно он знал твердо: покоя ему уже не будет. Никогда.

И Альф Гундерсон мысленно проклинал свою странную ментальную силу. Силу, что заставляла молекулы любого вещества ускоряться до невозможности и тереться друг о друга — вызывая таким образом возгорание. Странный дар направленной телепортации, пригодный только для зажигания огня. Он всей душой проклял этот дар. Уж лучше бы ему родиться слепым, глухим, немым и не способным к любому контакту с этим жестоким миром.

С того самого мгновения, как Гундерсон осознал свою странную способность, он стал изгоем. Ни контакта, ни понимания. Отрезанный от остального мира. И с ярлыком придурка. Он даже лишился возможности стать признанным псиоидом — подобно Мудрилам, неоценимым Пилотам, Бластерам или Унипортам, способным перемещать частички плоти по своему усмотрению. Неуправляемый псиоид. Придурок. Этот ярлык прилепили к нему безжалостно и в общем-то заслуженно. Да, он мог разжигать огонь, но не мог управлять вспышкой. Молекулы были слишком малы и изменчивы. Остановить их начавшееся движение он уже не мог. Оно прекращалось независимо от его желания — и, как правило, прекращаться не торопилось.

Когда-то Гундерсон считал себя обычным человеком, мечтал вести нормальную жизнь. Стать, к примеру, музыкантом. Но мечта эта сгорела в им же разведенном огне там же, где сгорели и все другие здравые намерения, что возникали впоследствии.

Сначала изгнание, потом охота — наконец, арест и тюремное заключение. Одно за другим. А теперь что-то новое — пока еще непонятно что. Что им от него нужно? Наверняка это как-то связано с той жестокой битвой, разразившейся меж землянами и дельгартами. Но какой им толк от его столь ненадежной силы?

Зачем он оказался на самом замечательном из всех новейших кораблей КосмоКома, следующем к главной звезде вражеского сектора? И почему он вообще должен помогать именно землянам?

Тут щелкнули замки, и сейф сам собой распахнулся — а по всему громадному нутру гиперпространственного корабля разнесся сигнал тревоги.

Стоило Гундерсону встать и направиться к сейфу, как сотрудник КосмоКома его остановил. Затем офицер нажал кнопку на подлокотнике своего пневмокресла.

— Минутку, мистер Гундерсон. Мне не сообщили, что там находится, но категорически приказали не подпускать вас к

сейфу, пока не явятся двое других.

Безнадежно разведя руками, Гундерсон плюхнулся обратно на антиперегрузочную койку. Потом швырнул гармошку на металлический пол и опустил голову на ладони:

— Что еще за двое других?

— Не знаю, сэр. Мне не сказали.

Двое других, разумеется, были псиоидами.

Когда Мудрила и Бластер прибыли, первый жестом приказал офицеру вынуть из сейфа содержимое. Явно волнуясь, тот подошел к сейфу и достал оттуда небольшой диктофон с кассетой.

— Включите, лейтенант, — приказал Мудрила.

Офицер вставил кассету — и каюту заполнило шуршание пустого отрезка в начале пленки.

— А теперь, лейтенант, вы свободны.

После того как офицер КосмоКома надежно зафиксировал за собой дверь, послышался голос. Гундерсон сразу его узнал. Говорил Терренс, глава КосмоКома. Тот самый человек, что неустанно допрашивал его в здании Бюро в Буэнос-Айресе. Терренс — герой другой войны — войны землян с кибенами, ставший теперь во главе КосмоКома. Говорил Терренс сухо, почти без модуляций — и в то же время речь его несла на себе отпечаток предельной значительности.

— Как вы уже поняли, Гундерсон, — начал он, — у нас есть для вас задание. В настоящее время корабль уже приближается через гиперпространство к ключевой точке вашего путешествия. Через двое суток по земному времени вы выскользнете из гиперпространства примерно в пяти миллионах миль от Омало, вражеского солнца. Окажетесь в глубоком тылу врага. И тем не менее мы уверены, что вам удастся успешно завершить свою миссию. Для этого в ваше распоряжение и предоставлен столь суперсовременный корабль. Он сможет противостоять любым вражеским атакам.

Нам нужно, чтобы после выполнения задания вы, Гундерсон, вернулись целым и невредимым. Ибо в наших военных начинаниях вы наиболее важная фигура, и это лишь первая ваша миссия.

Нам нужно, чтобы вы превратили звезду Омало в сверхновую.

Быть может, лишь во второй раз за все тридцать восемь лет своей серой, бесцветной жизни Гундерсон испытал подлинное потрясение. При одной мысли о задании Терренса у него похолодело в груди. Обратить солнце другой расы в пылающую газообразную бомбу невообразимой мощи, что сожжет дотла планеты своей системы и посеет повсюду смерть? Одним махом

истребить целую цивилизацию?

И его считают на это способным?

Может ли он направить свой разум на выполнение подобного задания?

Может ли он это сделать?

Должен ли?

Гундерсон внутренне затрепетал от такой возможности. Никогда он не считал себя человеком, обремененным излишними идеалами. Приходилось ему поджигать торговые склады, чтобы дать их хозяевам получить страховку. Случалось и сжигать других бродяг, которые пытались его ограбить. Он использовал свою непредсказуемую способность в самых разных ситуациях, но эта…

Ведь это же убийство целого мира!

И при всем при том Гундерсон вовсе не был уверен, что и вправду способен превратить звезду в сверхновую. С чего они взяли, что он может это выполнить? Запалить лес и поджечь гигантское красное солнце — вещи, несоизмеримо друг от друга далекие. Кошмар какой-то. Но даже если он и способен…

— А на тот случай, если задание придется вам, мистер, Гундерсон, не по вкусу, — ледяным тоном продолжал глава КосмоКома, — мы включили в состав команды Мудрилу и Бластера.

Их единственная задача — заботиться о вас, мистер Гундерсон. И приглядывать за вами. Они должны постоянно поддерживать вас в подобающем патриотическом состоянии духа. Мудриле даны указания начиная с этого момента вас прочитывать. Если же вы не проявите желания выполнить предназначенное вам… ну, думаю, способности Бластера вам хорошо известны.

Гундерсон взглянул на пустолицего телепата, что сидел на койке напротив. Этот человек явно прислушивался к каждой мысли в голове Пиротика. Но вскоре на лице Мудрилы появилось странное, встревоженное выражение. Он перевел взгляд на Бластера, затем снова принялся изучать Гундерсона.

Пиротик тоже искоса посмотрел на Бластера — и тут же отвел глаза.

Бластеры были предназначены для решения одной и только одной задачи. Бластер просто-напросто делал любого человека таким, каким тот должен был быть для успешного выполнения какого-либо задания. Выглядели они все одинаково — и теперь внешность эта вдруг показалась Гундерсону устрашающей. А ведь он уже и не думал, что его еще когда-нибудь можно будет напугать.

— Таково, Гундерсон, ваше задание. А если вы еще

колеблетесь, вспомните, что наши враги — не люди. Внешне они могут быть на вас похожи, но ментально это совершенно инородные существа, так же мало напоминающие вас, как вы — улитку. И еще помните — идет война. Выполнив свою миссию, вы спасете жизнь многим землянам. Вам, Гундерсон, дается шанс стать уважаемым человеком. Даже не просто уважаемым человеком. Героем. Вы, Гундерсон, впервые в жизни можете стать, — тут Терренс сделал паузу, словно не желая договаривать последующее, — можете стать достойным гражданином своей планеты.

Каюту заполнило шуршание закончившейся кассеты. Гундерсон хранил гробовое молчание. В голове у него все крутилась и крутилась одна фраза: «идет война, идет война, ИДЕТ ВОЙНА!». Наконец он встал и медленно побрел к двери.

— Сожалею, мистер Гундерсон, — выразительно произнес Мудрила, — но мы никак не можем позволить вам покинуть эту каюту.

Гундерсон послушно сел и поднял с пола разбитую губную гармошку. Покрутил в руках. Потом поднес к губам. Стал дуть. Дул, но не издавал ни звука.

Все дул и дул — еще и еще.

III

Они думали, что он спит. Мудрила — тощий как скелет мужчина с седеющими на висках и зализанными назад волосами, говоривший с придыханием и без конца нервно теребивший мочку уха — обратился к Бластеру:

— Знаешь, Джон, такое впечатление, что он вообще не думает!

Грубые черты лица Бластера вдруг неуловимо изменились — и причудливая озабоченная мина искривила почти безгубый рот.

— А он так может?

Мудрила даже встал, резким движением огладив свои и без того зализанные волосы.

— Может ли он? Нет, не должен! Но так получается! Ничего не понимаю… просто чудеса какие-то! Либо я потерял свои способности, либо в нем что-то принципиально новое!

— А травматический барьер?

— Перед отлетом мне так и сказали. Что он, похоже, заблокирован. Но все думали, что это явление временное и что, покинув здание Бюро, он прочистится. Но он не прочистился. Не прочистился!

Бластер заметно встревожился:

— Так, может, дело в тебе?

— Просто так ранг Мастера не дают. Уверяю тебя, Джон, — нет такого травматического барьера, сквозь который я не смог бы хоть что-нибудь нащупать. Хоть обрывок какой-нибудь белиберды. Но здесь — ничего! Совсем ничего!

— Может, дело в тебе? — все так же озабоченно повторил Бластер.

— Проклятье! Да не во мне дело! Пожалуйста! Я могу прочитать тебя. Ты натер правую ногу новыми ботинками и теперь хочешь завалиться на койку, ты… А-а, черт! Да я могу прочитать тебя, могу прочитать капитана на мостике, могу прочитать машинистов внизу — но я не могу прочитать его! Тут будто бьешься о какую-то стеклянную стенку у него в голове. Должно быть если не проникновение, то хотя бы отражение — но он, похоже, совсем непроницаем. Я, понятно, не хотел ничего говорить, пока он не заснул.

— Как думаешь, может, мне стоит малость его дернуть? Просто встряхнуть и предупредить, что нам о его игре известно?

Мудрила махнул рукой, отвергая саму мысль Бластера.

— Ты что? Боже упаси! — Он яростно жестикулировал. — Этому Гундерсону цены нет! Если наломаем с ним дров, нам головы поотрывают!

Притворяясь спящим, Гундерсон лежал на антиперегрузочной койке и слушал их разговор. Вот и еще одно откровение. Порой он подозревал, что отличается от других не только пиротической способностью своего мозга. Ведь если это как бы побочный эффект, то наверняка могут быть и другие отклонения от нормы. Мысли читать он не способен. Так, может, еще одна его особенность непроницаемость для Мудрил?

А вдруг и Бластер против него бессилен?

От всех его бед Гундерсона бы даже это не избавило.

Но так его положение стало бы более прочным, а выбор более независимым.

Был только один способ это проверить. Гундерсон понимал, что инструкции КосмоКома не дадут Бластеру серьезно его отделать. Тем не менее, если положение покажется Бластеру достаточно опасным, он наверняка не поколеблется, скажем, лишить Пиротика руки — прижжет ее так, что она просто исчезнет.

Так или иначе, Бластер представлялся Гундерсону человеком более чем усердным и ответственным. Риск непомерно велик — но проверка отчаянно требовалась.

Итак, был только один способ — и Гундерсон избрал его, впервые за последние тридцать с лишним лет обнаружив в себе

поразительную жизненную силу.

Пиротик соскочил с койки и бросился к двери, по дороге столкнув на пол Мудрилу и заехав Бластеру кулаком в челюсть. У ошарашенного столь стремительной и внезапной атакой Бластера возникла непроизвольная мысль — и противоположную переборку окатил выплеск смертоносной энергии. Аж пласталь выгнулась от удара. Этот удар направленным не был, но Гундерсон понимал: стоит Бластеру восстановить душевное равновесие, как всю свою мощь он обрушит на Пиротика.

Вот Гундерсон уже у двери и надавливает ладонью на замок — он подметил, как это, выходя из каюты, делал Бластер. А вот он уже одной ногой за порогом.

Тут-то Бластер и ударил. Переполненный гневом, он потерял всякое чувство ответственности. Этот человечишка осмелился ударить его! Его, квалифицированного псиоида! Не какого-нибудь придурка! Глаза его, казалось, совсем потемнели, а лицо напряглось. Рот вытянулся в оскале — и сила выплеснулась!

Она окружила Гундерсона.

Пиротик ощущал ее жар… видел, как его одежда вспыхивает и прямо на глазах исчезает… чувствовал, как обугливаются кончики его волос… чувствовал в воздухе страшное напряжение пси-энергии.

Но с ним самим ничего не происходило. Он оставался невредим. Неподвластен энергии Бластера. Тогда Гундерсон понял, что бежать уже ни к чему, и вернулся в каюту. Оба псиоида уставились на него с неприкрытым ужасом.

В гиперпространстве почти всегда царила ночь.

Корабль непрерывно проталкивался сквозь болото непроглядной черноты. Металл снаружи, металл внутри — и неизменный ледяной мрак по ту сторону металла. Люди ненавидели гиперпространство. Часто они предпочитали совершать многолетние путешествия в обычном космосе — только бы избежать непостижимой загадочности гиперпространства. В одно мгновение корабль могла окружать кромешная тьма — а в следующий миг он уже пробивался сквозь бездну изменчивых и мерцающих красок лоскутного одеяла. Потом снова мрак — снова свет — крапинки — вспышки — и снова мрак. Все здесь беспрестанно менялось, будто в видениях безумца. Но картины эти не вызывали интереса. Никто не стал бы смотреть на них, как смотрят в калейдоскоп. Ибо там, снаружи, происходило не просто нечто странное и удивительное. Там происходило нечто выходящее за пределы человеческого разумения, за пределы восприятия человеческого глаза.

Иллюминаторы были открыты только в служебном отсеке но и на них имелись надежные свинцовые щиты, которые при нажатии кнопки мгновенно опускались и наглухо защелкивались. И ничего тут было не поделать. Люди всегда оставались людьми, а космос был их извечным противником. По доброй воле ни один человек не стал бы вглядываться в бездну гиперпространства.

В служебном отсеке Альф Гундерсон погрузил и взгляд, и мысли в угольную черноту, поглотившую корабль. После того как Пиротик доказал свою неуязвимость для Бластера, ему было позволено разгуливать по всему кораблю. Да и куда он мог деться? Везде его могли обнаружить. А у выходных шлюзов всегда стояли часовые. Так что он как был, так и остался пленником громадного гиперпространственного корабля.

Гундерсон пристально смотрел в огромное кварцевое окно. Все щиты подняты, и тьма проникала внутрь. В отсеке царил мрак — но мрак по меньшей мере вдвое светлее той тьмы за окном.

Той тьмы — самой тьмы мрачнее.

Кто он такой? Человек или автомат, которому можно дать команду превратить звезду в сверхновую? А как быть с теми женщинами и детьми — не важно, свои они или чужие? С теми, кто ненавидит войну, — с теми, кто служит просто потому, что им приказывают, с теми, кто хочет лишь, чтобы их оставили в покое? С теми, что шли на поле боя, рыдая, в то время как их собратья с готовностью поднимали оружие? Рыдая от страха и усталости — а еще оттого, что хотели жить в мире и не хотели умирать. Как же со всеми поступить?

И вправду ли это война спасения, освобождения и справедливости, как о ней без конца долдонят в патриотических речах? Или всего-навсего очередная из бесчисленных войн за преобладание, расширение территорий, преумножение богатств? Быть может, все это лишь очередная шутка Вселенной, где людей посылают на смерть только ради того, чтобы одно правительство — ничем не лучше любого другого — могло править спокойно? Альф Гундерсон этого не знал.

Он сомневался. И ему было страшно. У него в руках оказалась могущественнейшая сила — и он вдруг почувствовал себя не бродягой и изгоем, а человеком, способным по своему желанию уничтожить целую планетную систему.

Еще не уверенный в том, что действительно способен это проделать, Гундерсон оценивал саму возможность — и она его страшила. Ноги сделались ватными, а кровь застыла в жилах. Растерянный, он неожиданно для себя оказался погружен в самую густую тьму, какую когда-либо знал. И пути наружу не было.

Тогда Гундерсон заговорил сам с собой — и слова эти даже

для него самого звучали глупо, — но он все равно продолжал говорить, понимая, что уже слишком давно избегал этого разговора:

— Могу я это сделать? Должен ли? Я так мучительно долго ждал, чтобы обрести свое место в этой жизни, — и вот теперь мне говорят, что я это место нашел. Но мое ли это место? Разве этого я искал? Ради этого жил? Да, я могу стать ценнейшим орудием войны. Могу стать человеком, к которому будут обращаться для выполнения заданий. Но какого рода заданий?

Следует ли мне это сделать? Действительно ли для меня важнее обрести покой — хотя бы такой покой — и разрушать все и вся, чем продолжить свою маету и остаться бездомным бродягой?

Альф Гундерсон вглядывался в ночь — в смутные цветовые переливы, что уже начали появляться по краям его видения, — и в голове у него прокатывались волны мыслей. За последние несколько дней он многое о себе узнал. В нем обнаружились многие таланты и идеалы, о которых он раньше и не подозревал.

Гундерсон обнаружил в себе твердый характер и понял, что вовсе он не безнадежно-придурковатый недотепа, обреченный сгинуть без всякого толку. Он понял, что у него есть будущее.

Надо только принять верное решение.

Но какое оно — верное решение?

— Омало! Выброс у Омало!

Громовой голос ревел в проходах, врывался в коридоры, заполняя весь громадный корпус корабля, — выплескивался из динамиков, оглушая спящих у сигнализаторов людей.

Корабль продирался, продирался, продирался сквозь лабиринт немыслимых красок, выскальзывал, выскальзывал неведомо откуда — и, наконец, подрагивая, выскочил. Вот оно. Солнце дельгартов. Омало. Огромное. И золотое. А планеты вокруг него — будто валуны у берега моря. Морем этим был космос — и оттуда прибыл гиперпространственный корабль. Неся смерть в своем трюме, смерть в своих трубах — и смерть, ничего, кроме смерти, была в намерениях его пассажиров.

Мудрила и Бластер сопровождали Альфа Гундерсона к капитанскому мостику. Держались позади, позволяя ему подойти к огромному кварцевому окну. К тому самому окну, у которого Пиротик провел столько часов, напряженно вглядываясь в гиперпространство. Позволили ему там стоять — а сами держались позади, прекрасно понимая, что он им неподвластен. Как бы крепко ни держали они его за руки, как бы ожесточенно ни концентрировали на нем свои мысли, на него это не действовало. Он был чем-то совершенно новым. Не просто

Пиротик, не просто псиоид с заблокированным разумом — а нечто принципиально новое.

Даже не один из многочисленных смешанных псиоидных типов, что владели, но недостаточно квалифицировано, сразу несколькими видами пси-энергии. Нечто новое — и абсолютно недоступное пониманию стражей. Псиоид-плюс — где плюс мог означать все что угодно.

Гундерсон неторопливо двинулся вперед — его густая тень корчилась перед ним, скользя сперва по опоре, затем по подоконнику — и наконец по самому кварцу. То был он сам, Альф Гундерсон, наложенный на всю необъятность космоса.

А человек Альф Гундерсон тем временем напряженно вглядывался в простиравшуюся снаружи ночь, рассматривая ярко пылавшее в ночи солнце. Но куда более буйный огонь пылал в самом Пиротике.

Итак, он обладает силой, которую не способен даже приблизительно оценить. И если он позволит так распорядиться ею один раз, то потом она будет применяться с той же целью снова и снова — без конца.

Какой же тут выход?

— Ваш долг, Гундерсон, сжечь это солнце, — Мудрила, этот с прилизанной прической телепат, попытался было придать своему голосу внушительный, командный тон — но потерпел позорный провал. Да, они бессильны перед этим человеком. Можно, конечно, его расстрелять — но что толку?

— Так что же вы намерены делать, Гундерсон? Что у вас на уме? — присоединился Бластер. — КосмоКом требует, чтобы Омало было сожжено. Собираетесь ли вы это сделать — или мы должны доложить о вас как о предателе? Ведь вы понимаете, что с вами будет по возвращении на Землю? Понимаете, Гундерсон? Понимаете?

Альф Гундерсон просто стоял и позволял алому румянцу Омало омывать его впалые щеки. Взгляд его стал, казалось, еще сосредоточеннее. Руки словно окостенели на выступе опоры — а костяшки пальцев побелели от напряжения. Он перебрал все варианты и наконец принял решение. Эти двое никогда не поймут, что выбранный им путь — самый трудный. Гундерсон медленно повернулся к псиоидам:

— Где здесь спасательная капсула?

Мудрила с Бластером вытаращились на него, и Пиротику пришлось повторить вопрос. Ответить они отказались — и Гундерсон, миновав их, вошел в кабину трубохода, чтобы добраться к нижним палубам. Побагровевший от злобы Мудрила зарычал ему вдогонку:

— Ты трус и предатель! Зажигалка паршивая! Гнусное непсиоидное ничтожество! Мы еще до тебя доберемся! Спасательную капсулу ты, конечно, забрать можешь! Но рано или поздно мы тебя найдем! Где бы ты ни оказался мы тебя отыщем!

Потом телепат сплюнул — а Бластер все пыхтел и тужился, но его страшная ментальная сила никак не действовала на Гундерсона.

Пиротик спустился по трубоходу и вскоре обнаружил спасательную капсулу. С собой он не взял ничего, кроме разбитой губной гармоники — и алого румянца Омало на щеках.

Почувствовав толчок отделившейся от корабля спасательной капсулы, заметив, как ее темно-серое пятнышко почти мгновенно исчезло в гиперпространстве, развалившиеся на релаксерах Мудрила и Бластер переглянулись.

— Войну придется закончить без него.

Бластер кивнул.

— А ведь он мог в один миг ее нам выиграть. Но взял и ушел.

— Думаешь, он смог бы? — Пожал тяжелыми плечами Бластер.

— Он ушел, — с горечью повторил Мудрила. — Ушел! Трус! Предатель! Ничего-ничего! В один прекрасный день…

— Интересно, куда он направился.

— Да он бродяга по призванию. Космос велик. Он может направиться куда угодно.

— А ты это серьезно? Ну, что его найдут?

Мудрила тут же кивнул:

— Когда на Земле узнают, какой номер он выкинул, за ним начнут охотиться по всему космосу. В покое его ни на секунду не оставят, будь уверен. Его придется найти — ведь он представляет собой колоссальной силы оружие. И долго скрываться он не сможет. Его непременно найдут.

— Странный все-таки человек.

— Этот человек, Джон, владеет силой, которую ему не спрятать. Мы знаем, что он не способен ею управлять так как же он сможет ее спрятать? Рано или поздно он себя выдаст. Нигде ему не скрыться.

— Странно, что он сам решил сделаться беглецом. Ведь мог на всю оставшуюся жизнь обеспечить себе душевное спокойствие. А взамен выбрал…

Мудрила уставился на опущенные свинцовые щиты. В голосе его звучали горечь и разочарование:

— Рано или поздно мы его отыщем.

Корабль вздрогнул, меняя ход на обратный, — и скользнул назад в гиперпространство.

IV

Много разных небес подмигивало ему в ответ.

Менестрель сидел на вершине утеса — и ветер трепал его седые волосы, слегка похлопывая грязным подолом выпущенной из брюк рубашки.

С вершины утеса ему было видно, как земля покато опускается вниз — к сверкающей коже распростершегося там дракона — города, что лежал в чаше среди холмов. Дракона, притаившегося там, где когда-то росли буйные травы.

В этом тихом мирке, далеко от алого солнца, что пылало так ровно и ярко, Менестрель сидел и размышлял о множестве видов покоя. И понимал там, где нет мира, покоя никогда быть не может.

Потом взгляд его вновь обратился наверх — к мудрому и вечному прибежищу черноты. И никто не видел, как он подмигнул безмолвным звездам.

Со вздохом Менестрель закинул себе за плечи потрепанный теремин. Инструмент был переделан под переносной — оба стержня изогнуты, а силовой блок вделан внутрь и запаян. Справившись с теремином, Менестрель сразу же зашагал своей характерной походкой странника — чуть ссутулившись и покачивая плечами. Легко спускаясь по склону, он направлялся к ракетодрому.

Здесь, у Края, это место по-прежнему называли ракетодромом — хотя никакими ракетами давно уже не пользовались. В космос теперь отправлялись на странных трубах, что сверкали и посвистывали позади корабля, пока он не вталкивался в немыслимое лоскутное одеяло не-пространства и не исчезал из вида.

Гравий скрипел под ботинками Менестреля — под его прямо-таки ослепительными ботинками, которые он без устали начищал, пока они не начинали отражать сияние дорожных огней и куда более тусклое свечение звезд. Менестрель вечно чистил их и полировал, внося тем самым явственную ноту диссонанса в свой в целом малоопрятный внешний вид.

Ростом Менестрель был очень высок — возвышался почти над всеми, кого встречал в своих бездомных скитаниях. Гибкое, как высоковольтный провод, слегка сутулое тело сразу заставляло предположить в нем внутреннюю энергию и подвижность. Двигался он легкой походкой, что подчеркивала длинноту его ног и неуклюжесть худых рук. Голова при этом напоминала какой-то пузырь, неуверенно балансирующий на слишком длинной и тонкой шее.

В такт с поскрипыванием сияющих ботинок Менестрель что-то негромко насвистывал и мурлыкал. Песня эта была утраченной, давно позабытой.

Он пришел из-за гор. И никто не знал откуда. Никого это, впрочем, и не интересовало.

Но стоило ему прийти, как все принимались слушать. Его слушали почти благоговейно — слушали с отчаянием людей, знающих, что они оторваны от своих родных планет, понимающих, что будут уходить все дальше и дальше, — и редко возвращаться. А Менестрель воспевал космос, воспевал Землю и воспевал тот покой, что остается человеку, остается всем людям — независимо от того, сколько у них рук и какого цвета их кожа, — что остается, когда человек расходует последний клочок Вечности, доставшийся на его долю.

Голос его был полон смертельной тоски — тоски смерти перед тем, как жизнь закончила свою работу. Но в нем звучала и звонкая радость металла под ловкими пальцами, и суровая твердость железо-никелевого сплава — и боль, боль сердца и боль души, что трудятся в одиночестве. Ветер разносил песню Менестреля — проникающую в самую душу, рыдающую во тьме о тысяче миров на тысяче ветров.

Стоило ему прийти — безмолвному, если не считать гудения его песни и стука ботинок по асфальту, — как все прекратили работу. Все смотрели, как он проходит по ракетодрому.

Много лет странствовал Менестрель по звездным дорогам. Однажды он появился невесть откуда — только и всего. Он просто был. И все его знали. Рабочие обратились к нему — и он стал для них чем-то вроде столпа, воздвигнутого средь света и тени. Он шагал не торопясь — а рабочие перекрыли трубопроводы, что подавали радиоактивный корм кораблям, погасили горелки, которыми чистили их металлические шкуры, — и слушали.

Менестрель понял, что все слушают, — и снял с плеч инструмент. Потом с помощью ремня пристроил этот узкий ящик со звучащими стержнями у себя на груди. Пальцы его молили и допытывались, извлекали из стержней песнь души, брошенной в темницу пустоты, оставленной умирать, мучительно рыдающей — и не столько от страха самой смерти, сколько от страха оказаться в одиночестве, когда раздастся последний зов.

И рабочие заплакали.

Они плакали, нисколько не стыдясь своих слез, а соленая влага проделывала светлые дорожки на перепачканных лицах и смешивалась с выступившим от тяжкого труда потом. Погруженные в свои безмолвные мечты, рабочие так и стояли, пока Менестрель к ним приближался.

И, никак не желая понять, что все закончилось, — долгие мгновения спустя — после того, как его причитание уже отлетело далеко к склонам холмов, — они все прислушивались к последним нотам элегии.

Потом неловкие руки принялись вытирать слезы, еще больше пачкая лица, спины медленно повернулись — и люди снова взялись за работу. Казалось, они не могут взглянуть подходящему к ним Менестрелю в лицо — словно взгляд его слишком глубок, слишком пронзителен, что бы так просто его стерпеть. И в этом чувствовалась какая-то смесь уважения и страха.

Менестрель стоял в ожидании.

— Эй! Послушайте!

Менестрель не шевельнулся. Позади раздались осторожные шаги. Наконец к нему подошел астронавт — загорелый, гибкий, едва ли не столь же высокий, что и сам Менестрель. Тот сразу припомнил другого такого же светловолосого парня, которого некогда знал. Сходство было поразительное.

— Простите, Менестрель, не могу ли я чем-то помочь? — спросил астронавт с заметным акцентом жителя далекой Земли.

— Как называется эта планета? — осведомился Менестрель — голосом негромким, будто игла, медленно пронизывающая бархат.

— Аборигенты зовут ее Оди, а на картах она обозначена как Rexa Majoris-XXIX? А что, Менестрель?

— Мне пора двигаться дальше.

Астронавт широко улыбнулся — вокруг его светло-карих глаз тут же изогнулись радостные морщинки.

— Нужно подвезти?

Менестрель кивнул.

Лицо астронавта совсем помягчело, напряженные линии от долгого вглядывания в пространство вечной ночи разгладились, и он протянул Менестрелю руку:

— Меня зовут Квонтри. Я главная шишка на «Духе Люси Марлоу». Если вы не сочтете за труд спеть в дороге для пассажиров, буду рад приветствовать вас на борту.

Высокий мужчина улыбнулся — лицо его на миг словно озарилось сиянием.

— Это не труд.

— Вот и отлично! — воскликнул астронавт. — Пойдемте, я устрою для вас спальное место в рулевом отсеке.

И они направились к кораблю, минуя бригады чистильщиков и шахтных рабочих. Прошли среди ослепительного свечения флуорогорелок и шипящих струй автоматических сварочных аппаратов. Астронавт по имени Квонтри указал на отверстие в

гладком борту корабля, и Менестрель взошел на борт.

Квонтри устроил ему спальное место по соседству с топливными баками реактора, отделив купе с помощью электроодеяла, которое он повесил на ограду грузового рельсового пути. Менестрель лег на койку — которой послужил ремонтный верстак — и подложил под голову подушку.

Мгновения улетали неслышно, и погруженный в раздумья Менестрель уже едва ли сознавал, что иллюминаторы наглухо закрываются, радиоактивные добавки поступают по трубкам в ячейки конвертера, а подъемные трубы выталкиваются наружу. Он не отвлекся от своих мыслей, даже когда трубы разогрелись, обращая почву шахты под своей громадой в зеленое стекло. Те самые трубы, что понесут корабль до той высоты, где будет разбужен Пилот, или разбужена, как чаще всего случалось в связи с особенностями этого типа псиоидов, — разбужена, чтобы ввести звездолет в гиперпространство.

Когда корабль оторвался наконец от твердого грунта и со свистящими вспышками труб рванулся вперед, Менестрель лег на спину, позволяя настойчивой руке ускорения вдавить его в еще более глубокую задумчивость. В голове крутились мысли: о прошлом, о более отдаленном прошлом… обо всех прошлых, какие он когда-либо знал.

Потом ячейки конвертера отключились, корабль чуть вздрогнул — и Менестрель понял, что они вошли в гиперпространство. Он приподнялся на койке — а глаза его по-прежнему были далеко-далеко. Мысленно скиталец с головой погрузился в облачную пелену того мира за миллиарды световых лет, мира, что уже столетия был для него недоступен. Того мира, который он уже никогда не увидит.

Есть время бежать и есть время отдыхать — но отдыхать можно и на бегу. Менестрель улыбнулся своим мыслям так слабо, что это и улыбкой было не назвать.

А потом внизу, в машинном отделении, услышали его песню. Услышали ее мотив — такой нужный и укрепляющий, столь созвучный с полетом в гиперпространстве. И механики улыбнулись друг другу с такой нежностью, которую на их суровых лицах было себе даже не представить.

— Славный будет полет, — с улыбкой сказал один другому.

В служебном отсеке Квонтри поднял взгляд на плотно опущенные щиты, за которыми теперь мелькала безумная мешанина не-пространства, и тоже улыбнулся. Предстоял и вправду славный полет.

Пассажиры в каютах прислушивались к странным мотивам доносившейся откуда-то снизу одинокой музыки — и, сами

толком не зная почему, тоже вынуждены были признать, что полет и в самом деле предстоит очень славный.

А в рулевом отсеке пальцы музыканта бродили по клавиатуре потрепанного теремина — и никто не увидел, как тот, кого все звали Менестрелем, раскурил сигарету без спички.

Никогда не интересуйтесь, почему увядает салат

«NEVER SEND TO KNOW FOR WHOM THE LETTUCE WILTS». Перевод: Н.И. Яньков

Я хочу поговорить с вами о рестлинге. Это такое дерьмо. Я никогда не мог понять, как кто-то может быть настолько глуп, чтобы смотреть его, не говоря уже о том, чтобы думать о нем как о чем-то другом, кроме как о постановочной глупости. Я также никогда не смогу понять, почему люди, которые смотрят этих телеевангелистов, не видят в них мошенников, какими они на самом деле являются. Ладно вернемся к рестлингу. Дети такие впечатлительные, и ума у них не на грош. Насмотревшись этого безобразия по телевизору, они, принимая все за чистую монету, устраивают подобные бои у себя на задних дворах. Они прыгают друг на друга, бьют друг друга стульями, швыряют маленьких детей о стены, бьют коленями в солнечное сплетение других мальчишек. В целом это выходит далеко за рамки тех глупых игр, в которые мы играли, когда были детьми в их возрасте. (И вот вопрос: неужели в этом часовом поясе нет взрослых, которые могли бы видеть, что происходит, и, возможно, предположить, что попадание садовой мотыгой в глаз другому ребенку может помешать его карьере авиадиспетчера в дальнейшей жизни?) Я видел видео снятое одним из этих придурковатых детей, который — вы готовы к этому? — снимая бойню, не был удовлетворен «реальностью» сценария и запустил теркой для сыра в лицо своему «противнику», нарезав лицо парня кубиками на всю жизнь. А он смотрит в камеру и улыбается: «Видите, вот настоящая кровь! Разве это не здорово!?» Из этой истории «нарушителям спокойствия» следует извлечь урок: любопытство к вещам, которыми вам не следует интересоваться, может оставить шрамы на всю жизнь. О, и еще один урок: держись подальше от людей глупее тебя. Если такие, конечно, существуют.

«Вторник?» — удивленно подумал Генри Леклер, глядя на

листочек с предсказанием в левой руке, только что вытащенный им из китайского печенья, находящегося у него в правой. Он прочитал еще раз: «Вторник». Затем снова вопросительно подумал: «Вторник? Все и больше ничего?»

Там не было никаких предсказаний о том, что во вторник встретишь свою настоящую любовь, никаких слащавых клише типа «вторник — синоним удачи», никаких предупреждений о нежелательности инвестирования в акции высокотехнологичных компаний во вторник. Ничего. Только узкий, слегка сероватый прямоугольный листок бумаги с напечатанным словом «Вторник» и точкой сразу после него.

Генри пробормотал себе под нос: «Почему вторник? Какой вторник?» Он, рассеянно потянувшись за следующим печеньем, выпустил то, которое держал.

— Черт! — пробормотал он, наблюдая, как печенье быстро опускается на дно его стакана с чаем.

Да, сегодня же вторник.

На блюдце оставалось еще два печенья с предсказаниями. Прикусив нижнюю губу, Гарри положил бумажку со «Вторником» на стол и, взяв еще одно печенье, потянул за край бумажку с предсказаниями, торчащую из завитков теста. Развернул листок и прочитал: «Ты тот самый».

Генри Леклер был недоношенным ребенком. Его мать, Марта Аннет Леклер, не доносила его до конца срока. Семь месяцев и два дня. — Бум и появляется малыш Генри. Этому не было никакого объяснения, кроме капризов женской физиологии. Однако было и другое объяснение: Генри — еще до рождения — был любопытен. Патологически, даже внутриутробно, он был любопытен. Он торопился вырваться из утробы, хотел узнать, что там, снаружи.

Когда Генри было два года, в середине зимы его обнаружили в пижаме на корточках в снегу возле дома — ему было интересно почему падающее белое сверху не просачивается сквозь землю.

Когда Генри было семь лет, его-еле успели спасти. Он качался на бельевой веревке, натянутой в подвале для сушки белья. Генри было любопытно: каково это, когда тебя душат?

К тринадцати годам Генри прочитал все тома британской энциклопедии, огромное количество текстов по всем разделам науки, все материалы, распространенные правительством за последние двадцать восемь лет, и десятки биографий. Кроме того, где-то от семи тысяч восьмисот до семи тысяч девятисот книг по истории, религии и социологии. Романы и книги с карикатурами он не читал.

К двадцати годам Генри стал носить очки с толстыми

линзами, и у него начались мигрени. Но его всепоглощающее любопытство еще не было удовлетворено.

Свой тридцать первый день рождения Генри провел раскапывая развалины затерянного города где-то у Мертвого моря. Женат он не был.

Любопытство. Генри Леклеру было интересно практически все. Его интересовало, почему женщины носят на шляпах перья цапли, а не павлина. Его интересовало, почему омары становятся красными, когда их готовят. Его интересовало, почему в офисных зданиях нет тринадцатых этажей. Он задавался вопросом, почему мужчины уходят из дома. Он задавался вопросом, каков уровень накопления сажи в его городе. Он задавался самыми разными вопросами.

Любопытство. Он был беспомощен перед ним. Загнан, обречен этой его зудящей, подавляющей, липкой хваткой.

«Ты тот самый».

— Я тот самый? — Обратился Генри к лежащим на столе листочкам с предсказаниями. — Я? Я — кто? Кто я такой? О чем, черт возьми, вы говорите?

Внезапно Генри понял, что он не сможет жить не разгадав эту загадку. Что-то здесь было не совсем так. «За этими двумя бумажками, скрывается нечто большее, чем кажется на первый взгляд!» — Так подумал Генри про себя, с потрясающей оригинальностью.

Генри позвал официанта. Невысокий, почти лысый и чересчур надменный азиат прошел мимо еще дважды — по разу в обоих направлениях — и наконец соизволил остановиться возле Генри. Генри протянул ему две бумажки с предсказаниями и поинтересовался: «Кто это пишет?»

Официант что-то буркнул с оттенком беззаботности, но в то же время подчеркнутой наглости.

— Прошу прощения, — сказал Генри, снимая очки с толстыми стеклами и держа их в руке, — но не могли бы вы говорить по-английски?

Официант брезгливо сморщил нос, погладил салфетку, накинутую на предплечье, указал на менеджера, который дремал за кассовым аппаратом и отправился восвояси.

— Спасибо, но счет, пожалуйста.

Официант остановился как вкопанный, расправил плечи, словно ему нанесли особенно сильный удар, и вернулся к столику. Он торопливо выписал чек китайскими иероглифами, за исключением суммы, и бросил его на стол. Бормоча восточные эпитеты, он зашагал прочь.

Генри, сунув в карман листочки с предсказаниями и третье

оставшееся на блюдце печенье, быстро нахлобучил шляпу на голову, взял со стула свое пальто и направился к менеджеру. Старик лежал, привалившись к стеклянной витрине, одной рукой крепко держась за выдвижной ящик кассового аппарата. Он проснулся почти в тот момент, когда Генри остановился перед ним. Его рука автоматически потянулась за чеком и наличными.

Генри наклонился к нему и тихо спросил:

— Не могли бы вы сказать мне, откуда у вас такие предсказания? — И показал одно из них. Генри ожидал, что ему снова будут пудрить мозги, как это было с официантом, но менеджер-китаец, не отрывая взгляда от сдачи, которую он давал, сказал:

— Мы покупаем печенье партиями у торговой компании, печенье приходит уже с ними. Хочешь купить дюжину и забрать домой?

Генри отмахнулся от этого предложения и попросил сообщить название и адрес компании. После нескольких секунд раздумий менеджер сунул руку под прилавок и вытащил оттуда большой блокнот. Он открыл его, пробежал пальцем по столбцу адресов и сказал:

— Торговая компания «Сайгон-Сан-Франциско», Бессемер-стрит, 431.

Генри поблагодарил его и вышел на улицу.

— Такси! — крикнул он в поток проезжающих машин, и через несколько минут уже ехал по направлению к дому 431 по Бессемер-стрит.

Багровая хватка холодного любопытства. О боже!

Торговая компания «Сайгон-Сан-Франциско» располагалась в заброшенном складе в безлюдном нижнем конце Бессемер-стрит. В городе эта улица считалась конечной точкой всей известной вселенной. На самой Бессемер-стрит к нижнему концу относились примерно так же. У Генри здание склада вызвало крайнюю степень отвращения. В нем царила тьма, беспокойная тьма.

Окна жалкого строения были, по большей части, разбиты, многие из них заколочены. Само здание сильно накренилось, словно ища поддержки у какого-то обездоленного родственника с западной стороны. Эта западная сторона выходила на пустой, кишащий крысами пустырь. Как, впрочем, и восточная, северная и южная стороны.

— Довольно неподходящее место для действующей торговой компании, — пробормотал Генри, поднимая воротник пальто до ушей. Ветер, обдувающий темное здание и вырывающийся из его разбитых окон, был таким холодным, что пробирал до костей. Генри взглянул на свои наручные часы. Почти одиннадцать часов

вечера. Это был час, когда смертельно любопытные разговаривали сами с собой:

— Хм. Вероятно, в это время никто не работает, ночной смены нет, но, по крайней мере, я могу составить представление о том, что это за место, раз уж я здесь.

Он мысленно ругнул себя за то, что не подумав отправился сюда, в порыве желания разгадать загадку, и у него вырвалось:

— Мне следовало дождаться завтрашнего утра, когда можно было без проблем все узнать. Балбес я балбес. Ну что поделаешь.

Перейдя улицу, освещавшуюся одиноким уличным фонарем с лампочкой без плафона (что впрочем соответствовало всей окружающей обстановке), Генри нервно оглянулся.

Вдалеке, в той стороне, откуда они приехали, он увидел быстро удаляющиеся задние огни такси.

— Какого черта я не попросил его подождать?

У Генри не было ответа на этот вопрос, хотя он, на самом деле, существовал: любопытство затуманило разум. Теперь ему предстоял обратный долгий путь в темноте, на холодном ветру до ближайшего киоска или, по крайней мере, жилого строения.

Здание нависло над ним. Он подошел к входной двери. Она была надежно заперта — приварен стальной засов, навесной замок.

— Хм. Надо же какие запоры.

Он взглянул на грязную табличку на двери — «НЕ РАБОТАЕМ». Затем удивленно пробормотал «Странно», потому что на уличной грязи были свежие следы от шин грузовика. Следы вели к задней части склада. Генри обнаружил, что его интерес к этой проблеме растет. — «Интересно, интересно, интересно. Не работает, весь разрушен, но все еще получает поставки или вывозит? Все любопытнее и любопытнее».

Он направился по следам грузовика. Там, где они заканчивались, в грязи были несколько прямоугольных углублений. — «Кто-то ставил здесь ящики».

Он огляделся по сторонам. Задняя часть здания выглядела еще уродливее, чем передняя — удивительно, но это было возможно. Все окна, кроме одного, были заколочены, и это одно…

Генри понял, что смотрит на свет, льющийся из окна на верхнем этаже. На мгновение он погас, затем появился снова. Как будто кто-то прошел перед ним.

«Но эта лампочка на потолке, как кто-то может пройти перед ней?»

Его изумление было прервано новыми признаками активности в здании. Из круглого отверстия в стене рядом с окном, совершенно темного, выходили большие клубы слабо

фосфоресцирующего зеленого тумана.

«Там, наверху, кто-то есть», — заключил Генри, как настоящий ученый-исследователь.

В Генри Леклере снова вспыхнуло желание во всем разобраться. Проблема крутилась у него в голове. Любопытство, превратившееся в цунами, полностью захлестнуло даже самый крошечный атолл осторожности и самосохранения.

«Так ты говоришь, что я тот самый? Ну, ты сейчас в этом убедишься, потому что я иду!»

Он внимательно осмотрел заднюю часть здания. Дверей не было. Но окно на первом этаже было разбито, и доски болтались. Притащив два старых ящика из мусорного контейнера, стоявшего не далеко, поставив их друг на друга, он как можно бесшумнее оторвал доски и забрался в здание. Любопытство — это весьма опасная вещь, ведь вы слышали, что оно убивает кошку?

Внутри была кромешная ночь, эбеново-черная, без блеска, абсолютная темнота. Генри поднял зажигалку и чиркнул ею, позволив пламени осветить помещение на несколько секунд.

Сломанные ящики, старые газеты, паутина, пыль. Место выглядело заброшенным. Но ведь он видел, что на последнем этаже горел свет.

Он поискал лифт. Бесполезно. Вот похоже лестничный проем, но он заложен кирпичом. «Что за ерунда?». — Генри раздраженный сел на упаковочный ящик.

Затем до него донесся странный звук. Как-будто кто-то чем-то подавился и не может прокашляться. Затем опять и опять. — «Да. Кому-то явно очень плохо».

— Пламмис! — дрожащим фальцетом выругался чей-то голос.

Генри прислушивался еще с минуту, но больше до него не донеслось ни звука.

— Но, это была ругань, — пробормотал Генри себе под нос. — Я не знаю, кто это делает и откуда это исходит, но это, несомненно, чей-то эквивалент «черт возьми!».

Он начал искать источник голоса. Когда он приблизился к одной из стен, послышалось вновь:

— Пламмис, вальтс эр веббел эр веббел эр веббел… — и затем невнятное бормотание.

Генри посмотрел вверх. Сквозь неровную дыру в потолке пробивался свет, очень слабый. Он шагнул прямо под него, чтобы лучше рассмотреть… и его тело понеслось вверх через множество подобных отверстий во многих подобных потолках, пока его голова с силой не ударилась о полированную металлическую пластину потолка верхнего этажа.

— Аааааа! — простонал Генри, рухнув на пол и схватившись за ушибленную голову, за смятую шляпу.

— Надо же, явился! — возмутился дрожащим фальцетом голосок. Генри огляделся. Комната была заполнена машинами странной формы, установленными на металлических верстаках. Все они гудели, щелкали, задыхались, мигали и булькали. Но затем опять этот приступ продолжительного кашля и «Пламмис! Вальтс эр веббел…» — то есть явно проклятия, фальцетом, неистовые.

Генри еще раз огляделся. Комната была пуста. Он посмотрел вверх. Оно сидело там, скрестив ноги, в воздухе, примерно в шести дюймах от потолка.

— Вы… — Продолжение фразы застряло у Генри где-то в горле.

— Я Эггзаборг[13]. Для тебя я представитель высшей расы, если ты понимаешь, что это такое.

— Вы… — Генри попытался еще раз.

— Да, ты правильно думаешь. Я вторгаюсь на Землю, — отрывисто сказало существо. Хотя это даже отдаленно не соответствовало тому, о чем думал Генри.

Генри присмотрелся к собеседнику повнимательнее. — Маленький, не более двух футов ростом, почти гном, с длинными узловатыми руками и ногами, заостренной головой и огромными голубыми, как у совы, глазами с мигающими веками. В центре лба у него мягко покачивалась тонкая антенна, заканчивающаяся пером, светло-голубым.

«Голубое, как яйцо малиновки», — совсем не к месту подумал Генри.

Нос у существа был тонкий и прямой, с тройными ноздрями, нависающий над плотно сжатым ртом. Щеки пухлые, как у херувима. Бровей не было, волос на голове не было. Его уши были заострены и посажены очень высоко на черепе.

На нем был облегающий костюм ярко-желтого цвета, а к груди была приколота огромная пуговица, размером в половину его груди, на которой ясно читалось: «ЗАВОЕВАТЕЛЬ».

«Завоеватель» поймал взгляд Генри и произнес несколько смущенно:

— Пуговица. Сувенир. Придумал для себя. Не могу удержаться от напыщенности, время от времени поддаюсь высокомерию. Привлекательно, правда?

Генри наморщил лоб, тряхнул головой, позволив своим очкам с толстыми линзами немного соскользнуть с носа, крепко зажмурил глаза, надавил на них ладонями:

— Нет, мне все это мерещится. Видимо я болен.

Галлюцинации. Сильно, сильно болен.

Дрожащий фальцет перешел в щебечущий смех:

— Хорошо. Уже достаточно хорошо! Но только подождите три тысячи лет, только подождите!

И далее Генри услышал довольное фырканье. Он приоткрыл левый глаз: Эггзаборг беспомощно крутился в воздухе, держась за то место на своем теле, где должен был находиться живот. Мальчик, одурманенный своим весельем, слегка ударился о потолок и на лицо Генри посыпалась штукатурка. Он почувствовал, как она прохладно пощекотала его веки и нос.

«Штукатурка настоящая. Следовательно, этот Эггзаборг тоже должен быть настоящим. Это очень похоже на большие неприятности».

— Вы написали эти предсказания? — Генри показал листочки.

— Предсказания? Предска… а-а! Ты, должно быть, имеешь в виду разрушители психики, которые я кладу в печенье! — Существо потерло друг о друга длинные тонкие пальцы. — Я знал, говорю я, я просто знал, что они принесут результаты! — На мгновение он задумался, затем вздохнул. — Все шло так медленно. Я на самом деле пару раз задавался вопросом, действительно ли я преуспеваю. Ну, на самом деле, не раз и не два. На самом деле, около десяти или двадцати миллионов раз! Пламмис!

Он опустил плечи и сложил свои узловатые руки на коленях, задумчиво глядя на Генри Леклера. — Бедняжка, — сказал он. (Генри не был уверен, имел ли в виду пришелец его… или себя самого).

Поскольку комментарии «Завоевателя» были непонятны в свете любых исторических завоеваний, о которых Генри когда-либо читал, он решил, прежде чем пытаться разобраться в этой бессмыслице, изучить повнимательнее окружающее. Это должно помочь решить головоломку. Так он действовал всегда — последовательно, шаг за шагом

Генри поднялся на ноги и, пошатываясь, подошел к машинам. Все время поглядывая вверх, чтобы не упустить из виду Эггзаборга.

Похожий на трубку аппарат, установленный на восьмиугольном корпусе, выплевывал через отверстие пуговицы. От вида аппарата у него зарябило в глазах. Пуговицы были разного размера, цвета и формы. Пуговицы для рубашек, пуговицы для пальто, промышленные пуговицы для герметизации швов, пуговицы для кепок, пуговицы для брезентовых палаток, пуговицы экзотического назначения. Множество пуговиц, все

виды пуговиц. Многие из них были с трещинами, или края отверстий для ниток были заострены настолько, чтобы нить порвалась. Все они попадали в желоб с отверстиями, распределялись по группам и через прикрепленные трубки попадали в картонные коробки на полу. Генри моргнул.

Второй станок выполнял вообще какую-то странно-непонятную операцию. — Маленькое вращающееся колесико проделывало на гвоздях почти невидимые канавки на разных расстояниях от их шляпок. После чего гвозди падали в ведро. Генри дважды моргнул и помотал головой.

Другие аппараты производили такие же мелкие, непонятные, но явно пакостные операции. Один из них, весь из стекла, отчаянно булькал и чрез дыру в стене выплевывал наружу клубы светящегося зеленого тумана. Генри видел это снизу, когда только подошел к зданию.

— От этого увядает салат, — с гордостью сообщил Эггзаборг.

— Увядает салат??

Эггзаборг выглядел шокированным:

— Ты что же думаешь, что салат вянет сам по себе? Правда, ты так думаешь?

— Ну, я никогда не задумывался об этом… то есть… еда гниет, она портится сама по себе… э-э, по своей природе… энтропия… не так ли? Не так ли? Конечно, так и есть, да?

— Бедняжка, — повторил пришелец, выглядя еще более задумчивым, чем раньше. В его глазах светилась жалость. — Это почти как пытаться победить в скачках резвых скакунов, сидя на очень медлительном пони.

Генри чувствовал, что настал подходящий момент, но, поскольку «Завоеватель» явно не был человеком, ему придется действовать осторожно. Инопланетный разум. О да, в этом-то все и дело. Пришелец из другого места Вселенной. Инопланетное существо. Да, действительно. Он никогда не должен забывать об этом. Вероятно, это может быть очень опасный инопланетный разум. Хотя сейчас он не выглядит опасным. Но, с другой стороны, с этими инопланетными разумами наверняка никогда ничего сказать нельзя. Орсон Уэллс знал, что с этими коварными инопланетными разумами всегда нужно быть настороже.[14] По-моему вот вполне безобидный вопрос:

— Ну, хорошо, значит, у нас вянет салат. Ну и что? Как это поможет вам завоевать Землю?

— Дезорганизация, — многозначительно ответил Эггзаборг, зловеще указывая пальцем на Генри. — Дезорганизация и деморализация! Подрывает ваши позиции! Заставляет вас колебаться, выводит из равновесия, заставляет сомневаться в

фундаментальной структуре вещей: гравитации, энтропии, времени приготовления. Наносит удар по самим основам вашей безопасности! Хе-хе! — Он усмехнулся еще несколько раз и сложил руки на груди. Так он повторил много раз: усмехнется, разведет руки и вновь сложит их на груди.

Генри начал понимать, насколько чуждыми на самом деле были мыслительные процессы этого пришельца. Хотя Генри и не осознавал психологического значения увядшего салата, для чужака это, очевидно, имело большое значение. Очень большое. Это надо иметь ввиду. Хотя ясности это не прибавляло. Нужно попробовать другой метод. Может если его слегка разозлить, он скажет что-нибудь более существенное?

— Деморализация, гравитация, энтропия, что за ерунда, не понимаю. Ты просто сумасшедший фокусник или… или что-то в этом роде. Ты совсем не тот, за кого себя выдаешь. Кстати, — ехидно добавил Генри, — кто ты такой, черт возьми?

Эггзаборг подпрыгнул от возмущения в воздухе, ударившись остроконечной головой о потолок. Посыпалась штукатурка:

— Пламмис! — выругался он, массируя череп. Его усики начали заметно увядать, словно листья салата. Он был в ярости:

— Ты смеешь подвергать сомнению мотивы, махинации, методологию и… и… — он подыскивал подходящее слово, — мощь Эггзаборга? — Его лицо, голубоватого, приятного небесного оттенка, становилось зеленым прямо на лазах. — Дурак, тупица, слабоумный, глекбунд, неотесанный болван, придурок! — Слова срывались с языка и обжигали лицо Генри. Он съежился и подумал, что это, возможно, был не самый умный подход.

Да, не самый умный. Он убедился в этом, когда его ноги оторвались от пола, и он повис в воздухе вниз головой, подпрыгивая и вращаясь вокруг вертикальной оси, а вся мелочь посыпалась из карманов. Вот прилетели ключи, ударив его по носу. Вот слетели очки с толстыми линзами и все стало видно как в густом тумане.

— О-о-о-остановите! П-п-пожалуйста, о-о-о-остановите! — Умолял Генри, крутясь в воздухе, как неисправный миксер. Последовало несколько болезненных ударов головой об пол. Зажигалка выпала из кармана жилета и это почувствовал его подбородок.

Внезапно все прекратилось. Генри обнаружил, что лежит на полу лицом вверх, и пыхтит от боли. Затем послышались слова:

— Ужасно, ужасно сожалею.

И Генри почувствовал, что ему аккуратно надевают очки. Вид лица Эггзаборга и его тон говорили, что он, похоже и в самом деле, сожалеет о произошедшем. Так, по-крайней мере, хотелось

думать.

— Это просто результат ожидания всех этих лет. Шестьсот лет ожидания. И никаких признаков сдвигов в процессе завоевания. Это любого заставит нервничать. Обычная стандартная смена двести пятьдесят лет, а я здесь уже шестьсот. К тому же эта планета не такая уж интересная, не в обиду будь сказано, но у вас только одна луна, одно солнце, нет флемналла и всего четыре времени года. В общем, чувствую себя ужасно подавленным. — Эггзаборг вздохнул, прикусил губу и погрузился в молчаливое уныние.

Генри почувствовал, что силы понемногу возвращаются к нему. По крайней мере, он чувствовал себя способным задать несколько вопросов.

— Р-расскажи-те мне свою и-историю, Э-Эггзаборг.

Повиснув в воздухе над распростертым Генри Леклером, тоном показывавшим, что разговаривать с этим кретином ему, вообще-то, не очень хочется, это существо заговорило:

— Ну… история проста. Я с отличием окончил школу Дорвиса Лефама. Был одним из лучших фагов, конечно. Первый в кватт-вункери, первый в Паджетте, шестнадцатый в крамбпф, но профессор имел на меня зуб… вот поэтому я и оказался здесь…

— А, что такое…?

— Заткнись, не смей перебивать!

— Но откуда вы взялись?

Эггзаборг снова позеленел, и Генри почувствовал (с растущим ужасом), как его тело дернулось, словно собираясь подняться еще раз. Но этого не произошло, и он понял, что на этот раз его пожалели, — лектор взял себя в руки.

— Пламмис, чувак! Дай мне закончить! Прекрати богохульствовать, перебивая меня!

«Раздражительный. Очень раздражительный. Вероятно, не очень дружелюбный вид. Вероятно, не ладит с другими видами». — Генри быстро жестами, прося прощения, показал, что он все понял.

Эггзаборг фыркнул, затем продолжил. — Из Космоса, придурок, вон оттуда. — Он махнул рукой. — В общем, я прилетел из космоса. Не перебивай меня — я родом из тех мест, о существовании которых вы даже не подозреваете. Как о пространстве, так и слоях между пространством. Межпространственные пространства. Обширные пустоты. А здесь я, потому что… Я здесь, потому что… Ну, пламмис, я здесь дружище, чтобы побеждать и завоевывать! — Он беспомощно покачал антенной, не зная, как приукрасить объяснение.

— Но зачем и почему?

— Зачем? Почему? Каким же упрямым невеждой ты можешь быть? Разве я не говорил тебе, что я был студентом! С чем ассоциируется у тебя это слово?

— С жареными креветками.

— О-о-о! — Инопланетянин носился по комнате, едва избегая столкновений со стенами и машинами. — Какая тупость! Это одна из причин, по которой я так хорошо прятался! Я не выношу вашей глупости, люди! Неотесанные, грубые! Вероятно, самый оскорбительно-грубый и невоспитанный вид в этой галактике, а возможно, и во всей расширяющейся Вселенной! Когда произносится слово студент, вы, естественно, думаете о завоевании!

— Правда? — спросил Генри, все еще не до конца убежденный. От инопланетянина послышались приглушенные ругательства. И Генри решил прибегнуть к лести:

— Вы очень хорошо говорите по-английски.

— А почему я не должен? — огрызнулся тот. — Ведь я его придумал!

Это снова заставило Генри засомневаться в реальности происходящего. А, вообще, на полу он лежит, или на потолке? — А французский? Французский вы тоже изобрели? Как насчет арамейского? Язык басков — хороший язык. Меня всегда он интересовал. Итак, вы его тоже?

Эггзаборг на мгновение выглядел искренне сбитым с толку, затем продолжил говорить, глядя на Генри пронзительным взглядом, словно заставляя его заткнуться и взглядом же говоря, что отвечать на идиотские вопросы ниже его достоинств:.

— Я учился в выпускном классе. В том году было много разговоров. Хотя мы не считаем годами, конечно, мы даже не называем их так. В самом деле, «год» — это отвратительное слово, и звучит, как чистой воды тарабарщина. И так, было много разговоров о грядущем Флиба. Хотя я и думал, что это просто пустая болтовня, но меня беспокоила скорость, с которой моим одноклассникам выдавали дипломы. — Он испуганно вздрогнул и пробормотал: «Флиб… о». Снова вздрогнул и затем продолжил:

— Когда настал мой черед и я понял, что моя учеба закончена, я только об этом и думал, все остальные мысли вылетели у меня из головы. Итак, я пробыл здесь на триста пятьдесят лет дольше, чем моя смена, в общей сложности шестьсот лет, шестьсот лет, и я не могу связаться с Лефамастером. Флиб, вероятно, уже расширился в продольном направлении. Не то чтобы я был сильно напуган, — поспешил добавить он, — просто я немного, ну, в общем, волнуюсь и хотел бы выпить йербля. О да, — и он задумчиво посмотрел на

Генри, — просто мелх из светлого, густого, влажного ячменя.

— Если вы здесь уже шестьсот лет, — спросил Генри, начиная принимать сидячее положение, — почему вы до сих пор нас не завоевали?

Эггзаборг странно посмотрел на него:

— Кто когда-нибудь слышал о завоевании менее чем за четыре тысячи лет? Это было бы неэтично. Мы здесь говорим об этике, варвар. — Он надулся и потер пуговицу на груди.

Генри решил задать еще один острый вопрос:

— Но как могут нас покорить предсказания судьбы на печенье и вянущий салат?

— Это не все, чем я занимаюсь. Ну, я заставляю людей улыбаться (это очень важно), и я делаю так, чтобы ржавели водопроводные трубы, и завиваю поросячьи хвостики, и лечу простуду, и сбиваю черепицу с крыш, и останавливаю войны, и пачкаю белые туфли, и я… — Казалось, он собирался продолжить этот, похоже, бесконечный перечень, но Генри, сбитый с толку, остановил его:

— Простите, что перебиваю, но я не понимаю. Возможно, я упустил какой-то момент. Каков общий план?

Эггзаборг раздраженно вскинул руки, и Генри впервые заметил, что у инопланетянина всего по четыре пальца на каждой руке:

— Этот «план», о котором ты, мясорубка, так небрежно отзываешься, разрабатывался объединенными силами на протяжении тысячелетий, и никто не понимает его, кроме высших лефамастеров. Какого черта, по-твоему, я должен объяснять такие сложные вещи такому дураку, как ты? Этот план был разработан, чтобы справиться с трудностями четырехтысячелетней протяженности, а ты хочешь услышать его в четырех предложениях! Полный идиотизм!

— Вы здесь уже шестьсот лет, надо же, — благоговейно пробормотал Генри.

— Да. Довольно умно с моей стороны держаться подальше от посторонних глаз, тебе не кажется?

— О, я не знаю, — Генри почувствовал, как в нем вспыхивает искра воинственности. Все эти вращения, толчки и подпрыгивания в конце концов одолели даже его ненасытное любопытство, и теперь он был более чем удовлетворен. — Держу пари, что вы — основа для всех этих дурацких легенд о гномах, гремлинах и полтергейстах, а также о летающих тарелках. Не такая уж это и потрясающая работа, если хотите знать мое мнение. Не говоря уже о том, что ваш, как там его, Наставник, похоже, вообще забыл, что послал вас сюда!

Эггзаборг огорченно развел руками:

— За шестьсот лет случались кое-какие мелкие сбои. Особенно из-за неисправных экранов на этих, — он выругался на чужом языке, — грузовиках с сырьем, которыми я пользуюсь. Сейчас они очень старые, изрядно потрепанные, и время от времени какой-нибудь любопытный человек видит, как они приближаются или улетают.

Генри понял, что на самом деле он имел в виду НЛО, летающие тарелки. Затем до сознания Генри внезапно дошло то, что существо сказало за минуту до этого, и он с изумлением спросил:

— Вы говорите, что останавливаете войны?

— Конечно. Ведь я должен победить вас? Если вы поубиваете друг друга, кого я буду побеждать? — Он умоляюще посмотрел на Генри. — Я действительно хочу, чтобы вы прекратили всю эту стрельбу, поножовщину и взрывы.

Все потенциальные тираны, о которых Генри когда-либо читал, всегда поощряли внутреннюю борьбу. Этот, похоже, перепутал провода. — Вы уверены, что должны останавливать войны?

— Конечно!

В конце концов Генри решил, что это было своеобразное мышление странного инопланетного разума. Он не мог понять логического обоснования, но это определенно являлось выгодной сделкой для человечества.

— А что делают вон те машинки с пуговицами и гвоздями?

— Они их просто портят, — с плохо скрываемой гордостью заявило маленькое существо. — Ты когда-нибудь задумывался, почему до сих пор вы пользуетесь пуговицами, а не, например, застежками, зажимами, молниями, липучками, швами и другими гораздо более совершенными приспособлениями? Пуговицу легко потерять, она теряет свою форму при стирке, нитки рвутся, она не очень привлекательна, ее трудно расстегивать и застегивать. Так почему вы до сих пор ими пользуетесь? — Он не стал дожидаться ответа Генри. — Потому что я продолжаю распределять их по магазинам, и им приходится их продавать, а это создает еще больший спрос. Ну и, конечно, постоянное «промывание мозгов» моим принудительным мозговым лучом 24 часа в сутки. Это очень помогает.

Генри согласился:

— Пуговицы. Коварно, без сомнения. Это понятно. А вон та машина, что делает с гвоздями?

— Гвозди обрабатываются хитрым образом. Ты когда-нибудь видел человека, который мог бы забить десять гвоздей подряд

прямо в кусок дерева? Нет, гвозди наклоняются, гнутся, ломаются! Вот что делает моя милая маленькая машинка! Разве это не здорово? Другая машина, вон та, трапециевидная, помогает поддерживать рождаемость на высоком уровне, чтобы компенсировать смертность в ваших войнах. — Он строго посмотрел на Генри. — Она проделывает микроскопические отверстия в…

Генри вдруг застеснялся и быстро оборвал его. — Э-э-э… все в порядке, я понимаю. Но как же те печенья с предсказаниями? Зачем эти странные послания?

— Деморализация. Видишь, как они тебя достали? Только представь, что миллионы людей открывают печенье с предсказаниями и находят внутри послание. Как ты думаешь, что происходит с их настроением, уверенностью в себе, жизнерадостностью? Их нервирует, выводит из равновесия желание найти печенье с предсказанием, а все, что там написано, загадочно и сводит с ума, ведь там всего одно слово: «Вторник»!

— Во всех «Вторник»?

— В тех что датированы, — да. Я уверен, что это единственный день, когда не было никаких зловещих предзнаменований о Флибе. — Он содрогнулся. Генри не знал, что такое Флиб, но Эггзаборг, похоже, очень за него пережимал и боялся. — О, я так рад, что они дают положительный результат! Думаю, стоит увеличить их производство.

Он проплыл по воздуху к плоскому механизму с несколькими рычагами-змеями и нажал на наконечник на одном конце. Машина начала вибрировать. Вонкл, вонкл, вонкл.

— Пламмис! — выругался Эггзаборг, нанося машине сильный удар ногой. Машина еще раз дернулась в агонии, затем начала мигать. Мигить, мигать, мигать.

Эггзаборг вздохнул с облегчением:

— Вообще то, это модернизированное оборудование должно служить лучше. Ему всего около тысячи лет. Не ваших лет, — снова напомнил он Генри. — Мы не местные, помнишь?

— Почему вы все это мне рассказываете? Я думал, вы должны были держать все это в секрете… или отправить меня отсюда куда-нибудь подальше. — Внезапно Генри пришла в голову ужасная мысль. — Вы что, собираетесь убить меня… и… переработать мою бренную плоть?

Эггзаборг снова уселся в воздухе, скрестив ноги:

— Ты что, спятил? Убить тебя?!? Через десять минут меня здесь не будет, и ничего не будет здесь напоминать обо мне, и ты меня больше никогда не найдешь. Кроме того, кто тебе поверит, если ты расскажешь, что видел? Вы, люди, такие кроты. — Он

начал смеяться высоким, тонким, писклявым голосом. Это действовало Генри на нервы. — Убью тебя. Отправлю на переработку. О, это круто! Какие же вы, люди, тупоголовые!

Генри вышел из себя, проявив непростительную недальновидность. — Вы, сэр, — начал он, всю жизнь практиковавший вежливость, — шарлатан и эгоистичный…

Он так и не закончил эпитет. Внезапно каждая монета в его карманах — каждая монета, оставшаяся от его предыдущей скачки, — стала обжигающе горячей, каждый его волосок зажил своей собственной жизнью, корчась и извиваясь, растягивая кожу на каждом дюйме его измученного тела; подошвы его ботинок превратились в арахисовое масло; его нос стремился убежать куда-то; его авторучка просочилась сквозь рубашку. Все это произошло одновременно.

Затем его снова перевернуло вверх тормашками в воздухе, и он начал испытывать чередующиеся горячие и холодные волны спазматической тошноты.

— Заруби у себя на носу — Эггзаборг говорил тихо, внушительно — я не хочу убивать тебя, жалкий кусок дерьма, и никого из вас всех. Ты высокомерный… человечешка!

Последнее он произнес так, как Генри произнес бы «прокаженный», или «ловец собак», или «телеевангелист».

— А теперь проваливай, любопытная, грубая обезьяна! И просто подожди три тысячи лет! Просто подожди — и ты увидишь!

Мгновение спустя Генри обнаружил себя в квартире на Перри-авеню, 6991, на пятом этаже, в одной ванне с маленькой голенькой девочкой и ее тремя пластиковыми уточками. А в дверях стоял полицейский. Ему зачитали права, небрежно, но основательно избили, протащили вниз по пяти лестничным пролетам многоквартирного дома и в конце концов он оказался в тюрьме. Генри больше не испытывал любопытства.

В камере гуляли сквозняки. Генри чувствовал себя больным, его подташнивало, и он все еще был сбит с толку всем с им произошедшим. Тем не менее, он чувствовал себя менее обеспокоенным своим положением, чем того требовали здравый смысл и прагматизм. Да, он сидел в тюрьме, ожидая предъявления обвинения по множеству пунктов, которые только начинались с моральной распущенности. И он не мог оправдаться, поведав правду, — его живо поместили бы в сумасшедший дом. Но от любопытства, из-за которого он попал в эту ужасную историю, он излечился полностью, обменяв его на то, чего не было ни у кого на Земле. Ведь каждый человек на планете (будь то ребенок из пригорода Ла-Паса или

мультимиллионер из Швейцарии, алеут, живущий в иглу, или алжирец-бунтарь, мужчина или женщина, богатый или бедный, независимо от возраста), каждый жил с некоторой долей страха перед будущим, с меньшей или большей тревогой по поводу войны, атомной бомбы, глобального потепления, метеоритов из космоса, уличной преступности, загрязнения генофонда, бесконечной бесчеловечности человеческой расы по отношению к самой себе.

Все боялись завтрашнего дня. Но не Генри.

Генри был посвящен в тайну. Любопытство Генри привело его к знанию того, что у нас у всех все будет хорошо, что существует безумное, чокнутое, отсталое инопланетное существо по имени Эггзаборг, которое, ошибочно полагая, что оно готовит почву для инопланетного вторжения, на самом деле присматривает за человеческой расой и в течение следующих трех с лишним тысяч лет на Земле не произойдет ничего неизлечимо ужасного.

Этот Эггзаборг либо сошел с ума от того, что пробыл на Земле слишком долго из-за того, что в системе произошел сбой, и о нем просто забыли поскольку Земля находилась где-то в конце списка. Либо сошел с ума заразившись этой болезнью от людей. А может быть это обычная инопланетная технология недоступная к пониманию человеческому разуму. Но так или иначе человечество получает помощь извне.

И Генри улыбнулся. У него было нечто более ценное, чем свобода, здравомыслие или право голоса, которого он, вероятно, лишится, если его осудят. Однажды он выйдет из тюрьмы. Однажды он вернется в этот мир. И он был самым счастливым парнем на планете, потому что он был единственным парнем, единственным в своем роде… кто бы мог подумать!

Через час, сидя за столом тюремной столовой, Генри вновь улыбнулся, увидев на своей тарелке завядший лист салата. Обед был довольно скудным, и Генри вспомнил о третьем печенье с предсказаниями в кармане пиджака. Он выудил его оттуда и вытащил предсказание. Генри вспомнил слова Эггзаборга: «В тех что датированы, — да. Я уверен, что это единственный день, когда не было никаких зловещих предзнаменований о Флибе». Следовательно там должно быть написано «Вторник», подумал Генри. Но, когда он прочитал, то стал судорожно глотать ртом воздух — там было написано: «Среда». — Как среда? Почему среда? Что это значит?

Разумный город

«SENSIBLE CITY». Перевод: Н.И. Яньков

Этот урок во многом похож на урок предыдущей истории, просто он изложен по-другому. Так что не обижайся на меня; иногда мне приходится излагать философию полудюжиной разных способов, пока мой усталый мозг не поймет суть, и я окончательно не соображу, как это изложить, чтобы до тебя дошло. Давай не будем забывать, что я попадал в неприятности еще более серьезные, чем твои, за много лет до того, как ты, визжа, вышел из своей мамы, и я был гораздо глупее тебя, чем ты, когда я был в твоем возрасте. Но одно я знаю наверняка: когда я иду с женой на фильм про инопланетян, и какой-нибудь актер, который нам очень нравится, отправляется один в темную комнату, или спускается по лестнице в подвал, и его там убивают… ну, я не знаю, как ты, но я кричу во все горло: «УБИРАЙСЯ ОТТУДА К ЧЕРТУ!»!! Ведь даже если он не читал сценарий, он должен был бы понять по жуткой музыке и нагоняющему страх внезапному появлению, не понятно откуда, кошки, что в течение двух секунд к его горлу приставят лезвие, к уху приставят клыки, а на его голову обрушится газонокосилка.

Поэтому, у меня появилась идея рассказа, в котором главное действующее лицо (я не буду называть его героем, потому что он придурок) имеет достаточное чувство самосохранения, и не будет поступать подобно этим киношным недоумкам — ни за что на свете не пойдет в эквивалент «темной комнаты». В этом и заключается урок, который нужно усвоить. Учись на его примере. — Любопытство убивает, бла-бла-бла. А еще, запомни: дурное тобой совершенное, догонит тебя, парень, как бы ты не старался быстро и далеко убежать. Оно всегда будет кружить у тебя за спиной, или впереди, и с силой бить тебя в спину, или в грудь.

Шла третья неделя судебного процесса. Один из сотрудников отдела внутренних расследований, которых окружной прокурор внедрил под прикрытием в тюрьму, где начальником был

лейтенант полиции У. Р. Грабь, давая показания под присягой, попытался описать, какой устрашающей была улыбка этого субъекта. Парень немного заикался, у него было странное бледное лицо, но он старался изо всех сил, не будучи поэтом или человеком, склонным к красочным речам. И после некоторого подталкивания прокурора он сказал:

— Знаешь, когда ты чистишь зубы… когда ты закончишь, выплюнешь зубную пасту и воду, и разожмешь губы, чтобы посмотреть на свои зубы, стали ли они белее, вот так… ты знаешь, для этого нужно крепко сжать челюсти и изобразить улыбку, это оттягивает губы назад, а зубы выстраиваются в ряд в передней части рта… ты понимаешь, что я имею в виду… ну… Ты только представь, что это проделывает Уолтер Грабь, ты только представь этот оскал смерти.

В ту же ночь в отеле, каждый из двенадцати присяжных заседателей уставился в зеркало, оттянул губы, напряг мышцы шеи так, что выступили жилы, стиснул зубы и уставился на гротескно искаженное лицо. Затем двенадцать мужчин и женщин мыслено заменили отражение в зеркале на лицо обвиняемого, которое они хорошо изучили за эти три недели. И в тот момент, когда им это удалось, судьба обвиняемого была решена, Уолтер Грабь был осужден. — Все эти свидетельские показания, подтверждающие вину лейтенанта полиции У. Р. Грабь, стали лишними и никому неинтересными. С момента, когда двенадцати присяжным заседателям удалось увидеть в зеркале его улыбку, все стало ясно — он проведет свои преклонные годы в тюрьме среди преступников. За жестокость и серьезные правонарушения при исполнении служебных обязанностей.

Его любимым занятием было вытащить какого-нибудь дурака из общей камеры, напоить его до бесчувствия, а затем издеваться и жестоко избивать, получая от этого болезненное удовольствие, полностью оправдывая свою фамилию. — Да он грабил этих уголовников, но все же людей, отнимая у них здоровье, а в четырех случаях, возможно, и жизнь. У него был один «пунктик» — он всегда проделывал это с бедолагой в два раза крупнее его.

Такая же судьба ожидала ста шестидесяти килограммового заместителя начальника, сержанта Майкла Риццо — «Микки». Эта безмозглая злобная тварь в начищенных до блеска служебных ботинках со стальными носками была обвинена только по семидесяти пунктам, в отличие от восьмидесяти четырех неоспоримых злодеяний его шефа. Но если ему удастся избежать смертельной инъекции за то, что он размозжил несколько голов своими ногами, он, несомненно, до конца своей обезьяньей жизни будет находиться за решеткой.

Приземистая нелюдь, лейтенант полиции У. Р. Грабь, и безмозглая машина для убийств, Микки Риццо, идеально подходили друг другу.

Их вместе выпустили под залог во время перерыва в прениях присяжных.

Зачем ждать? Лейтенант понимал, к чему все идет, рассчитывать на лояльность присяжных не приходилось. Так зачем ждать? Он был разумным парнем, очень прагматичным, без всякой ерунды. Итак, они вместе вышли под залог, путь бегства был заранее, за несколько недель до этого, подготовлен, так поступил бы любой здравомыслящий преступник, стремящийся скрыться. В двух кварталах от здания суда, в гараже заброшенной швейной фабрики, владелец которой был весьма обязан лейтенанту полиции У. Р. Грабь, стояла полностью приготовленная к дальнему путешествию роскошная автомашина — «Понтиак Жар-птица». И только для того, чтобы замести за собой следы, лейтенант попросил Микки свернуть сторожу шею. Это был разумный поступок.

К тому времени, когда прения присяжных возобновились, беглецы находились уже за пределами штата. Через несколько дней, намотав большие круги, они оказались в Небраске. За окном машины «Пшеница тянулась к солнцу, синие грозовые тучи с ревом поднимались над горизонтом, и жар дрожал на краешке каждого листочка. Вороны кружились в полях, клевали зерна и взмывали в небо». — Это не мое описание, слова взяты из стихотворения. Беглецам на всю эту красоту было наплевать, они просто двигались вперед, где-то у черта на куличках, не оставляя следов, решая, в какую сторону направиться — в Канаду или в другую сторону, в Мексику.

Прошла неделя после того, как присяжные были лишены удовольствия увидеть лицо лейтенанта полиции У.Р. Грабь, когда они наконец вынесли свой вердикт:

«Воткните иглу в этого жестокого сукина сына, наполнив шприц очень хорошим средством для уничтожения сорняков, и нажмите на поршень. Виновен, ваша честь, виновен по всем пунктам обвинения, с первого по восемьдесят четвертый. Давайте посмотрим, как этот жирный подонок станцует свой последний танец!»

После недели и быстрой, и неторопливой езды, со стремлением запутать след, беглецы вечером, каким-то образом, оказались на участке магистрали, которая тянулась и тянулась прямо, как стрела, и свернуть с нее в сторону не было никакой возможности. Время от времени виднелись мерцающие вдали

огни, но по карте нельзя было определить, где они находятся в данный момент.

— Микки, ты куда заехал? Ты куда свернул?

— Что, а?

— Что? Не отрывай взгляда от дороги.

— Прошу прощения, лейтенант. Виноват.

— Какой лейтенант, сколько раз тебе говорить?

— О, да, точно. Извините, мистер Грабь.

— Не Грабь, а Дженсен, мистер Гарольд Дженсен. Ты тоже Дженсен, мой младший брат. Тебя зовут Дэниел.

— Понял, вспомнил. Гарольд и Дэниел Дженсены — это мы. Знаете, чего бы я хотел?

— И, что бы ты хотел?

— Коробку орешков с виноградом. Чтобы она стояла прямо здесь, в машине, и, когда проголодаюсь, я мог бы просто опустить руку.

— Не отрывай взгляда от дороги.

— Так что скажете?

— О чем?

— Может быть, свернем, заедем в один из этих маленьких городков? Я куплю коробку орешков, да и бензина у нас маловато. Гляньте на маленькую стрелочку?

— Вижу. У нас еще осталось полбака. Никаких поворотов, прямо и только прямо.

Микки надулся. «Но это ерунда» — подумал лейтенант, глядя в кромешную тьму за оком, — «и так заехали непонятно куда»:

— Что это, юго-запад? Или мы на Среднем Западе? Где по-твоему?

Микки тоже огляделся:

— Не знаю. Хотя здесь довольно мило. Очень тихо и симпатично.

— Ты посмотри какая здесь кромешная тьма.

— Неужели? Что вы говорите?

— Замолчи, ради бога! Просто веди машину.

Еще двадцать семь миль они ехали молча, потом Микки сказал:

— Мне нужен комфортабельный туалет

Уолтер шумно выдохнул, подумав, — «Заблудились однозначно. Может хуже не будет?»:

— Ладно. Можешь свернуть в следующий городок. Там купишь коробку орешков и сходишь в туалет, а я выпью чашечку кофе и изучу карту при лучшем освещении. Как по-твоему, это хорошая идея… Дэниел?

— Да, Гарольд. Вот! Я правильно ответил!

— Ты у нас молодец.

Они проехали еще шестнадцать миль, но нигде не увидели знака съезда с шоссе. Но увидели, как из-за горизонта начало подниматься зеленое зарево.

— Что это, черт возьми, такое? — Недоумевал Уолтер, опуская электроприводом стекло. — Это что, какой-то лесной пожар или что-то в этом роде? На что это похоже, по-твоему?

— Похоже на зеленое небо.

— Ты когда-нибудь задумывался, как тебе повезло, что твоя мать бросила тебя, Микки? — Устало сказал Уолтер. — Потому что, если бы она этого не сделала, и если бы тебя не отвезли в окружную тюрьму для временного содержания, чтобы затем отдать в приемную семью, и я бы не проявил к тебе интереса, и не устроил бы так, чтобы ты жил у Риццо, и если бы тебя не назначили моим заместителем, ты хоть представляешь, где бы ты был сегодня? — Он помолчал немного, ожидая ответа, понял, что все это риторический вопрос, не говоря уже о его бессмысленности, и сказал: — Да, небо зеленое, приятель, но это-то и странно. Ты когда-нибудь видел «зеленое небо» раньше? Где-нибудь еще? В своей жизни?

— Нет, я думаю, что нет.

Уолтер вздохнул и закрыл глаза.

Они проехали в молчании еще девятнадцать миль, и зеленые миазмы, витавшие в воздухе, окутали их. Они висели над ними и вокруг них, как морской туман, холодный и с крошечными капельками влаги, которые Микки смахивал дворниками с лобового стекла. Это делало ландшафт по обе стороны магистрали едва различимым, окрашивая непроницаемую тьму, и придавало местности колеблющийся, призрачный вид.

Уолтер включил подсветку в машине и, внимательно глядя в карту Небраски, пробормотал:

— Понятия не имею, где мы, черт возьми, находимся! Здесь даже не обозначена автострада, похожая на эту. Ты где-то там свернул не туда, приятель! — И выключил свет.

— Прости меня, лейт… Гарольд.

Справа от них появился большой светоотражающий указатель, зелено-белый. В нем говорилось:

ЕДА, БЕНЗИН, ЖИЛЬЕ В 10 МИЛЯХ.

Следующий знак гласил:

СЪЕЗД ЧЕРЕЗ 7 МИЛЬ.

А на следующем было:

ПОДЧИНЕНИЕ ЧЕРЕЗ 3 МИЛИ.

Уолтер снова включил свет, поискал такое название на карте:

— «Подчинение?» Что, черт возьми, это за

«подчинение»? Здесь нет ничего подобного. Что это, старая карта? Где ты взял эту карту?

— На заправке.

— Где?

— Я не знаю. Это было давно. Мы остановились там, рядом с пивным киоском.

Уолтер покачал головой, прикусил губу и пробормотал невнятно «Подчинение, надо же?» Он увидел город, показавшийся справа, прежде чем они доехали до ответвления ведущего в город. И при виде этого ужаса с трудом сглотнул и издал звук, который заставил Микки повернуть голову:

— Что случилось, ле… Гарольд?

— Ты только посмотри на это. — Услышал Микки дрожащий голос.

Много лет назад, когда Уолтер недолго учился в колледже, им на занятии показывали на большом экране «Эхо нимфы» Макса Эрнста. Зеленая картина, изображающая древние руины, заросшие извивающимися растениями, у которых, казалось, были глаза, цель и собственная злобно-веселая жизнь, они роились, скользили и заполоняли каменные своды и алтари искореженной гробницы. Что-то гнилое, скрывалось под изумрудными листьями и ненасытным черноземом. Что-то подобное представлял из себя город, в который они направлялись.

— Не поворачивай! Гони прямо! — Закричал Уолтер, когда его напарник начал снижать скорость, намереваясь повернуть в город.

Микки это услышал, но его реакция от увиденного была замедленной, и он продолжал поворачивать вправо. Тогда Уолтер, подавшись к нему, резко рванул руль влево:

— Я сказал прямо!

Машина едва не перевернулась, но Микки мгновенно восстановил управление, и в следующее мгновение они уже мчались прочь от кошмарного места, расположенного за автострадой и чуть ниже ее. Уолтер как зачарованный смотрел, мимо чего они проносятся. — Здания, наклонившиеся под неприличными углами, зеленый туман, клубившийся по улицам, бредущие по ним призраки, неясные очертания бесформенных существ в каждом темном проеме.

— Это было действительно жутковатое место, лейтен… Гарольд. Не думаю, что мне захотелось бы спускаться туда даже за орешками. Но, может быть, если бы мы все сделали быстро…

Уолтер повернул к Микки свое жирное тело:

— Послушай меня. В фильмах ужасов, детективах, телешоу для того чтобы пощекотать зрителям нервы, людей всегда

изображают полными придурками, бесчувственными идиотами, которые лезут куда не попадя — в дома с привидениями, на кладбища, в зоны боевых действий, абсолютно не заботясь о своей безопасности! Ты понимаешь, о чем я говорю? Соображаешь?

— Э-э-э…

_ Хорошо, вот тебе пример. Помнишь, мы смотрели фильм «Чужой»? Помнишь, как тебе было страшно?

Микки быстро закивал головой, его глаза расширились от страха — он вспомнил, о да, он вспомнил, как сжимал рукав пиджака Уолтера до тех пор, пока тот не был вынужден отдернуть руку.

— Помнишь тот большой грузовой отсек, все эти свисающие цепи, капающая с них капала вода, повсюду тени… а этот парень поперся туда зачем-то один?! Вижу, что это ты вспомнил. А помнишь, как некоторые в зале кричали: «Не ходи туда, придурок! Тварь там, придурок! Не ходи туда!» Но, он пошел, и тварь подкралась к нему сзади, со всеми этими зубами, и откусила его тупую башку! Помнишь?

Микки, сгорбившись над рулем, молча вел машину.

— Что ж, есть такие балбесы! Лезут в такие места, которые, и дураку ясно, нужно обходить за три мили; и их жуют, или высасывают из них кровь, или используют для растопки… но я не такой, не идиот, я разумный парень, и у меня есть мозги, которые дала мне мама, и я не подхожу близко к таким местам, как этот город. Так что гони, как чертов сукин сын, скорей увози нас отсюда, и мы купим твои чертовы виноградные орешки в Айдахо или еще где-нибудь.… если эта дорога нас отпустит…

Микки пробормотал:

— Простите, лейтенант. Я свернул не туда, или что-то в этом роде.

— Да, да. Гони прямо…

Уолтер ликовал, у него достаточно ума, чтобы держаться подальше от этого города с привидениями, этого зловещего темного чулана, этого проклятого места. Пусть другие идиоты съезжают с автострады в город, где наверно находится подземный вход в Ад, или куда то там еще. Только не он, только не Уолтер! Нашли дурака.

Прошло какое-то время, машина начала замедлять ход, Уолтер глянул на индикатор уровня топлива — у них закончился бензин. И тут справа снова показался этот ужас — проклятый городок «Подчинение». Надо же ехали-ехали и опять приехали к нему. Как это?!

— Ты опять свернул куда-то?

— Нет… нет я… э-э… я все время ехал прямо и быстро…

Знак, появившийся перед ними гласил:

ЧЕРЕЗ 50 ЯРДОВ НАПРАВО «ПОДЧИНЕНИЕ».

Машина проехала поворот в город и остановилась. В зеркале заднего вида Уолтер увидел, как зеленый туман сгущается на проезжей части и появляется на обочине в виде толкающейся, пускающей слюни орды, клацающей и пускающей слюни. Разложившиеся тела оставляли за собой на асфальте блестящие следы слизи, их змеиные глаза-щелочки поблескивали зеленым и желтым в тумане. — Жители «Подчинения» карабкались, скользили и извивались по направлению к машине.

Они поступали руководствуясь исключительно здравым смыслом, их поведение одобрило бы любое бизнес-бюро: если туристы не посещают ваш город, если из-за автострады коммерция в нем приходит в упадок, сделайте автостраду одой из улиц. Особенно, если вашему городу нужна свежая кровь для процветания. Особенно, если у вас есть жизненная потребность к этому.

Зеленый туман окутал «Понтиак Жар-птица», и изнутри доносились странные звуки.

Но, если ты разумный парень, живущий в этом разумном городе, то тебе совет: имей здравый смысл — не заходи в «темные комнаты».

Спасательная капсула

«LIFE HUTCH». Перевод: Буровой Ирины Игоревны

Ладно. Надеюсь, ты понял, что не каждый, кто втягивает тебя в дерьмо, является врагом; и что не каждый, кто вытаскивает тебя из дерьма, является другом. А теперь позволь мне преподать урок смутьяна, который сделал меня тем, кем я являюсь, — успешным человеком, Золотой Иконой. Смысл истории, которую ты сейчас прочтешь, в том, что даже когда тебе говорят: «это невозможно починить, а нужно купить новую, более дорогую, последнюю модель», — не верь. Даже когда говорят: «это невозможно, это никогда не делалось, никто никогда не делал это таким образом», — это означает лишь то, что говорящие ограничены, минимально талантливы, неумелы, ленивы до такой степени, что не могут напрячь воображение, чтобы придумать, как можно выполнить эту работу. Они не те люди, с которыми тебе следует иметь дело, потому что они не могут решить свои собственные проблемы, не говоря уже о твоих. Мир полон тупиц. Грустные, жалкие мелкие клерки, которые боятся брать на себя ответственность за свою собственную жизнь, так как, черт возьми, ты можешь ожидать, что они будут достаточно смелыми или умными, чтобы взяться за решение проблемы, которая возникает в твоей жизни? Они не смогут вытащить тебя из дерьма. Они могут только еще больше втянуть тебя в него. Они просто не очень умны.

Искусство, будь то книга, рассказ, фильм, картина маслом, классическая симфония или великая скульптура, все искусство говорит об этом так: БУДЬ ВНИМАТЕЛЕН. Изучай жизнь. (Я не думаю, что хип-хоп или рэп содержат призывы к этому, потому что они или слишком безграмотны, или это просто громкие и плохие уличные лозунги. Но это моя точка зрения, так что пропусти мимо ушей написанное в скобках. Я не предлагаю тебе соглашаться со мной или даже нравиться мне. Я слишком умен, чтобы обращать внимание, считаешь ли ты меня крутым или нет, потому что мы уже получили твои деньги за эту книгу.) Итак все искусство

говорит: БУДЬ ВНИМАТЕЛЕН, изучай жизнь. Нет более глубокой мысли, и очень трудно понять, как это выполнить. Но, БУДЬ ВНИМАТЕЛЕН. И если ты поступишь так же, как парень из этой истории, ты обнаружишь, что есть много способов решить проблему, на которые большинство других робких клерков никогда не решатся. Урок этой истории — и всей этой книги в целом — заключается в том, что у тебя никогда не будет достаточно знаний, ты никогда не будешь слишком умным, чтобы легко решить возникшую проблему. Поэтому старайся разобраться в том, как устроен мир. Не принимай на веру, что существующие законы непреложны, что это невозможно, потому что это никогда не делалось. Возможно, просто какой-то ограниченный картофельный мозг установил эти законы и верит в них. Мир принадлежит тебе, иди и изучи его.

Торренс провел правой рукой, той, которую не видел робот, по боку. Резкая боль в трех сломанных ребрах заставила расшириться его глаза.

ЕСЛИ ГЛАЗНЫЕ ЯБЛОКИ ЛОПНУТ — СМЕРТЬ, подумал Торренс.

Смешанное бормотание спасательной станции вокруг вернуло его к действительности. Глаза снова устремились к медицинскому шкафчику, висящему на стене рядом с нишей робота.

ЧЕРТ, ТАК БЛИЗКО И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ТАК ДАЛЕКО, ВСЕ РАВНО, ЧТО НА БАЗЕ АНТАРЕСА, подумал Торренс. Безумный смех рвался из его горла. Он вовремя удержался. СПОКОЙНЕЕ. ТРИ ДНЯ СПЛОШНОЙ КОШМАР, НО СВИХНЕШЬСЯ, И КОНЕЦ СТАНЕТ ЕЩЕ БЛИЖЕ.

Торренс согнул пальцы правой руки. Это все, чем он мог двигать. Молча он проклял техника, проверявшего исправность робота, и политика, добившегося, чтобы робота поместили в спасательную станцию, из-за полученной им доли прибыли от правительственного контракта. И ремонтника, который не позаботился все проверить. Он проклял всех.

Они это заслужили

Он умирал.

Он плотно закрыл глаза и позволил звукам спасательной станции затихнуть. Медленно сменилось тишиной бульканье охлаждающей жидкости в трубах, щелканье машин, собирающих и передающих сведения со всей Галактики, жужжание антенн,

поворачивающихся в гнездах. За прошедшие три дня Торренс много раз порывал с реальностью. Либо это, либо бодрствующий робот. А рано или поздно придется двинуться, двинуться же означало умереть. Все очень просто.

Торренс перестал вслушиваться в шепот спасательной станции, он слушал шепот в самом себе.

До него через бездны пространства доносились звуки войны. Конечно, все это лишь воображение, но Торренс ясно слышал свист бластера разведчика, посылающего луч за лучом в ведущий корабль кейбенского флота.

Разведчик снайперского класса Торренса находился впереди земного флота и неумолимо сближался с чужим кораблем. Тогда-то все и произошло.

Одну секунду Торренс находился в самой гуще битвы, левый борт гигантского кейбенского дредноута раскалялся под его ответными ударами.

В следующую секунду его выбросило из строя. Земной флот тормозил, чтобы кейбенцы подошли поближе, и земляне надеялись воспользоваться своим превосходством в маневренности.

Торренс попал прямо под огонь передних орудий жабообразного кейбенского разрушителя. Первый луч уничтожил орудийную установку и навигационное оборудование. Второго удара Торренс умудрился избежать.

Радиоконтакт был коротким: Торренс, если сможет, должен вернуться на базу Антарес. А если это не удастся, то флот будет ожидать его сигнала со спасательной станции на любой планете, до которой ему удастся дотянуть. Что он и сделал. Карты сообщили, что он находится вблизи космического булыжника 1-333, Г-А, М5, ЗС. Все то координаты, последние буквы которых означают, что где-то на поверхности расположена спасательная станция.

Отвращение к выходу из боя и необходимость приземляться на безжизненном астероиде компенсировались страхом остаться без горючего, прежде чем он определится в пространстве, страхом лететь бесконечно или превратиться в искусственный спутник какого-нибудь светила.

Корабль терял скорость, двигатели работали в реверсивном режиме. Корабль подпрыгнул и скользнул по поверхности астероида, теряя куски обшивки. Он остановился в двух милях от спасательной станции. Прежде всего предстояло связаться с флотом.

Торренс преодолел две мили пустой, лишенной атмосферы поверхности планетоида до герметического купола спасательной

станции, втиснутой между скалами. Он вошел в декомпрессионную камеру, рукой в толстой перчатке нажал клавишу выключателя и, услышав свист воздуха, наполнявшего помещение, снял шлем. Стянув перчатки, он открыл внутреннюю дверь и вошел в помещение станции.

ДА БЛАГОСЛОВИТ ТЕБЯ БОГ, МАЛЕНЬКАЯ СПАСАТЕЛЬНАЯ СТАНЦИЯ, подумал Торренс, роняя на пол перчатки и шлем. Оглядевшись, он увидел аппаратуру связи, получающую информацию извне, сортирующую ее и рассылающую во всех направлениях, робота в нише и часы с разбитым циферблатом на стене.

ДА БЛАГОСЛОВИТ БОГ ТЕХ, КТО ПРИДУМАЛ СПАСАТЕЛЬНЫЕ СТАНЦИИ И ПОВСЮДУ ИХ НАСАЖАЛ ДЛЯ ТАКИХ СЛУЧАЕВ.

И Торренс двинулся вперед.

В тот же момент служебный робот, использовавшийся для присмотра за механизмами и разгрузки кораблей, с грохотом вышел из нищи и мощным ударом стальной руки швырнул Торренса через все помещение. Космонавт ударился о стальную переборку, боль пронзила спину, бок, руки и ноги. Удар сломал три ребра. Торренс лежал, неспособный шевельнуться. Несколько секунд он даже не мог дышать. Вероятно, это и спасло ему жизнь. Боль ошеломила его, а робот с грохотом вернулся на свое место в нише.

Торренс попытался сесть. Робот тут же странно загудел и двинулся вперед. Торренс замер, и робот отступил к нише.

Еще две попытки убедили Торренса, что нельзя менять позу.

У робота что-то перепуталось в печатных схемах, изменилась программа, и теперь он настроен на разрушение всего движущегося.

Торренс взглянул на часы и понял, что при виде разбитого циферблата должен был заподозрить неладное. Конечно же! Стрелки двигались, и робот разбил часы. Торренс двигался, и робот ударил его.

И еще раз ударит, если он шевельнется.

С тех пор, не считая движения глаз, Торренс не двигался три дня. Он решил попробовать добраться до люка декомпрессионной камеры, останавливаться, когда робот выступит из ниши, дать ему возможность вернуться назад и снова немного продвигаться. Но при первом же движении эта мысль исчезла. Страшная боль в сломанных ребрах делала такое передвижение невозможным. Торренс застыл в неудобной позе и будет лежать так, пока не найдет выход из тупика.

Он находился в двенадцати футах от маяка, который должен

привести к нему спасателей. Но раньше он умрет от ран или с голоду. Или его прикончит робот. Панель маяка могла находиться и в двенадцати световых годах отсюда.

Что случилось с роботом? На размышления времени было с избытком. Движение робот видит, а мысль — нет. Впрочем, Торренсу это не поможет.

Компании, снабжавшие спасательные станции необходимым оборудованием, работали по правительственным контрактам. Кто-то в длинной цепочке производителей использовал сталь с примесями или настроил вычислительные машины на более дешевые операции. Кто-то не очень тщательно настроил робота… Кто-то совершил убийство.

Торренс чуть-чуть приоткрыл глаза. Еще немного, и робот заметит движение век. Тогда — смерть.

Он посмотрел на машину.

Строго говоря, это даже не робот, просто набор стальных деталей, управляемых на расстоянии, бесценный для застилания постели, замены стальных пластин в скафандре, разгрузки корабля и высасывания пыли с ковров. Тело робота, отдаленно напоминающее человеческое, но без головы, было только придатком. Подлинный мозг, сложный лабиринт пластиковых экранов и печатных схем, находился за стеной. Слишком опасно помещать такие хрупкие детали в тяжелый механизм. Робот может упасть при разгрузке, в него может угодить метеорит, он может попасть под рухнувший корабль. Поэтому в роботе размещались лишь чувствительные приемники, которые видели и слышали, что происходит вокруг, и сообщали об этом мозгу за стеной.

Именно в этом мозге что-то и произошло. Он стал безумным. Не как человек, но вполне достаточно, чтобы убить Торренса.

ДАЖЕ ЕСЛИ Я СМОГ БЫ ЧЕМ-НИБУДЬ УДАРИТЬ РОБОТА, ЭТО ЕГО НЕ ОСТАНОВИТ.

Торренс успел бы чем-нибудь швырнуть в машину, прежде чем она доберется до него, но что это даст? Мозг робота останется нетронутым, и придаток будет функционировать. Безнадежно…

Торренс смотрел на массивные руки робота. Ему показалось, что на пальцах одной руки он видит кровь. Торренс знал, что это лишь воображение, но не мог убедить себя в этом. Он снова согнул пальцы скрытой от робота руки.

За три дня он ослаб. Голова кружилась от голода, казалась легкой, а глаза горели. Торренс лежал в собственных испражнениях и уже не замечал этого. Бок горел, боль раскаленным копьем пронзала его при каждом вдохе.

Торренс благодарил бога, что на нем по-прежнему скафандр, иначе движение груди при дыхании привлекло бы внимание робота. Выход только один, и название ему — смерть.

Торренс никогда не был трусом, но не был и героем. Он был одним из тех, кто участвует в войнах, потому что нужно воевать. Он относился к тем, кто позволяет оторвать себя от жены и дома и швырнуть в бездну, именуемую космосом, во имя того, что называют верностью и патриотизмом, защищать то, что велено. Но в подобные минуты такие люди, как Торренс, начинают мыслить.

ПОЧЕМУ ЗДЕСЬ? ПОЧЕМУ ТАК? ЧТО Я СДЕЛАЛ ТАКОГО, ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ В ГРЯЗНОМ СКАФАНДРЕ НА ПУСТЫННОМ ОБЛОМКЕ, И УМЕРЕТЬ НЕ ГЕРОИЧЕСКИ, А В ОБЩЕСТВЕ СВИХНУВШЕГОСЯ РОБОТА? ПОЧЕМУ ЖЕ Я? ПОЧЕМУ Я?! ПОЧЕМУ?..

Торренс знал, что ответа нет. Он и не ждал ответа.

Торренс не был разочарован. Проснувшись, он инстинктивно взглянул на часы. Разбитый циферблат смеялся над ним, заставив в ужасе широко раскрыть глаза. Робот загудел и пустил искру. Торренс не моргал, и гудение прекратилось. Торренс знал, что не сумеет долго держать глаза открытыми, не моргая. Жжение вызывало слезу, словно кто-то тыкал иголкой в глаза. Слезы побежали по лицу и щекам. Торренс закрыл глаза. Робот не издал ни звука.

МОЖЕТ, ОН ОКОНЧАТЕЛЬНО ВЫШЕЛ ИЗ СТРОЯ? РИСКНУТЬ ПРОВЕРИТЬ?

Торренс чуть-чуть изменил позу. В то же мгновение робот двинулся. Торренс замер. Робот остановился всего в десяти дюймах от его вытянутой ноги. Он загудел, причем гудение доносилось как от самого робота, так и из-за стены.

Внезапно Торренс насторожился.

Если бы машина работала нормально, от придатка доносился бы лишь слабый гул, а из-за стены его вообще не было бы слышно. Но он работает ненормально, и отчетливо слышится шум мозга за стеной.

Робот откатился назад, его глаза по-прежнему были устремлены на Торренса. Чувствительные органы машины находились в торсе, придавая ей вид приземистого чудовища, угловатого и смертоносного.

Жужжание стало громче, потом послышалось «Пфф!» и полетели искры. Торренс на мгновение испугался короткого замыкания. На станции мог вспыхнуть пожар, а робот бездействует.

Он внимательно прислушался, стараясь определить, где

именно за стеной находится мозг.

Торренсу показалось, что он уловил шум либо за переборкой рядом с холодильником, либо у коммутатора. Оба места возможного нахождения мозга были всего в нескольких футах друг от друга, но между ними имелась большая разница. Гул робота отвлекал и мешал точно определить место.

Торренс глубоко вздохнул. Концы сломанных ребер соприкоснулись. Торренс застонал.

Мучительный стон замер, но продолжал звучать в голове. Торренс в агонии облизнул губы. Робот двинулся вперед. Торренс закрыл рот. Робот остановился и откатился назад в свою нишу.

Пот выступил на теле. Торренс чувствовал, как струйки бегут под одеждой, и к боли в ребрах прибавился нестерпимый зуд. Торренс чуть сдвинулся внутри скафандра. Зуд не уменьшался. Чем больше Торренс пытался не думать о нем, тем сильнее он становился. Подмышки, сгибы рук, бедра — все нестерпимо свербило. Он должен почесаться!

Торренс начал было движение, но тут же одумался, понимая, что не доживет до чувства облегчения. Он мысленно рассмеялся.

БОЖЕ ВСЕМОГУЩИЙ, КАК Я ВСЕГДА СМЕЯЛСЯ НАД СОЛДАТАМИ, КОТОРЫЕ ВО ВРЕМЯ ИНСПЕКТОРСКОЙ ПРОВЕРКИ НАЧИНАЮТ ВДРУГ ЧЕСАТЬСЯ. КАК Я ТЕПЕРЬ ИМ ЗАВИДУЮ!

Зуд не прекращался. Торренс слегка шевельнулся и стало еще хуже. Он снова глубоко вздохнул. Концы ребер соприкоснулись, и на этот раз он потерял сознание от боли.

* * *

— Ну, Торренс, как вам нравятся на первый взгляд кейбенцы?

Эрни Торренс наморщил лоб и провел рукой по лицу, потом взглянул на командора и пожал плечами.

— Фантастические существа.

— Почему фантастические? — спросил командор Фоул.

— Потому что похожи на нас. Не считая, конечно, ярко-желтой кожи и пальцев-щупалец. В остальном они идентичны человеку.

Командор закрыл витрину, достал из серебряного ящичка сигареты и предложил лейтенанту. Закурив, он прищурил от дыма один глаз, и посмотрел на подчиненного.

— Боюсь, что не только это. Их внутренние органы выглядят так, словно кто-то их вынул, смешал с внутренностями нескольких других видов и засунул обратно. Уже двенадцать лет мы ломаем головы, пытаясь понять, как они живут.

Торренс хмыкнул, вертя в пальцах незажженную сигарету.

— Этого еще мало.

— Вы правы, — согласился командор. — Следующую тысячу

лет мы будем гадать, как они мыслят, почему сражаются, что ими движет?

«Если они дадут нам такую возможность», подумал Торренс.

— Почему мы воюем с кейбенцами? — спросил он вслух.

— Потому что кейбенцы убивают людей.

— А что они имеют против нас?

— Какая разница? Может быть, потому что у нас не желтая кожа. Может, потому что пальцы у нас не гнутся, как резиновые. Может, наши города слишком шумны для них. А может, что-то еще. Не в этом дело. Нам важно выжить.

Торренс кивнул. Он понял. Но кейбенец тоже понял. Он ухмыльнулся и достал свой бластер. Торренс выстрелил, и борт кейбенского корабля раскалился до бела.

Торренс увернулся от отдачи собственного орудия. Сидение скользнуло в сторону, голова закружилась…

А пропасть все ближе. Торренс пошатнулся. Губы его побелели от усилий, рука тянулась к медицинскому шкафчику.

К нему неуклюже приближался робот. Свинцовый башмак навис над лицом…

Дальше, дальше, пока стало некуда двигаться…

Вспыхнул свет, яркий, ярче любой звезды… Свет вспыхнул в груди робота. Робот зашатался и остановился.

Робот загудел, засвистел и разлетелся на миллион кусков, куски полетели в пропасть, над которой шатался Торренс. Торренс замахал руками, пытаясь удержаться на краю обрыва…

* * *

Его спасло подсознание. Даже в аду кошмара оно помнило о положении. Торренс не застонал и не шевельнулся в бреду.

Он знал, что это так, потому что был еще жив.

Удивленное движение, когда он подумал об этом, вывело чудовище из ниши. Торренс опомнился и неловко замер у стены. Робот отступил.

Торренс тяжело дышал. Еще секунда, и он положит конец этим трем дням пытки (Или больше? Сколько времени он был без сознания?).

Торренс чувствовал жажду. Боже, как он хотел пить! Боль в боку усилилась, даже мелкое дыхание было мучительным. А зуд сводил с ума. Торренс прижимался к холодной стене, ручейки пота буравили кожу. Ему хотелось умереть…

Но он не хотел умирать, слишком уж легко осуществить это желание.

Если только разрушить мозг робота… Совершенно невозможно. Разве что использовать собственную прямую кишку в качестве лассо.

Нужно полностью разрушить мозг, а за это время робот успеет сто раз убить его.

Мозг за стальной переборкой. Никаких шансов на успех, ноль целых, запятая и еще множество нулей.

Может, попытаться добежать до декомпрессионной камеры?.. Бессмысленно. В таком состоянии робот схватит его прежде, чем он успеет встать на ноги. Даже допуская чудо, что он сумеет добраться туда, робот взломает дверь и разрушит механизм подачи воздуха. Но даже, допуская двойное чудо, что это даст? Перчатки и шлем останутся здесь, он даже не сможет выйти на поверхность. Корабль искалечен, послать оттуда сигнал невозможно.

Чем больше Трренс размышлял, тем яснее понимал, что скоро свет мигнет для него в последний раз.

Свет мигнет в последний раз.

Свет мигнет…

Свет…

Свет?!

БОЖЕ, НЕУЖЕЛИ ТЫ УСЛЫШАЛ МЕНЯ? Торренс не был религиозен, но такое чудо могло сделать верующим и его. Чудо еще не свершилось, но Торренс нашел выход.

Он начал медленно спасать себя.

Медленно, очень медленно он двинул правую руку, ту, которую не видел робот, к поясу. На поясе висели различные необходимые для космонавта приспособления. Гаечный ключ. Компас. Счетчик Гейгера. И вспышка!

Последнее и было чудом.

Торренс благоговейно ощупал фонарь, потом отцепил его, все еще неподвижный для глаз робота.

Он держал фонарь сбоку, в дюйме от тела.

Если робот смотрит на него, то видит лишь неподвижные ноги. Для машины он неподвижен.

НО ГДЕ ЖЕ МОЗГ? ЕСЛИ ЗА КОММУНИКАТОРОМ, Я МЕРТВ. ЕСЛИ У ХОЛОДИЛЬНИКА — СПАСЕН. НУЖНО УЗНАТЬ ТОЧНО. НУЖНО ШЕВЕЛЬНУТЬСЯ.

Торренс шевельнул ногой. Робот двинулся к нему. Гудение и искры.

Робот остановился рядом с ним. Все решали секунды. Робот погудел, поискрил и вернулся в нишу.

Теперь Торренс знал!

Он нажал кнопку. Из невидимого роботу фонарика луч вспышки ударил в стену над холодильником. Стена ярко осветилась. Торренс снова и снова нажимал кнопку, на стене появлялся и исчезал круг света. Появлялся и исчезал…

Робот заискрил и выкатился из ниши. Он повернулся к Торренсу, затем ролики сменили направление, и машина двинулась к холодильнику.

Стальной кулак описал дугу и с грохотом ударил в то место, где появлялся круг света. Робот бил и бил по переборке, пока она не поддалась, раскололась, обнажив путаницу проводов и трубок. Робот ударил и тут же застыл с занесенной для удара рукой. Мертвый. Неподвижный. И мозг, и придаток.

Даже тогда Торренс продолжал яростно давить на кнопку, и вдруг понял, что все кончено.

Робот мертв, сам же он — жив. Его спасут. Торренс не сомневался в этом. Теперь он может заплакать.

Медицинский шкафчик расплывался в глазах, коммуникатор улыбался ему.

ДА БЛАГОСЛОВИТ ТЕБЯ БОГ, МАЛЕНЬКАЯ СПАСАТЕЛЬНАЯ СТАНЦИЯ, подумал Торренс и потерял сознание.

Джинн

«DJINN, NO CHASER». Перевод: Н.И. Яньков.

Я переделывал этот рассказ несколько раз, и с каждым разом он становился лучше. Затем я превратил его в фрагмент телесериала «Сказки с темной стороны».

Возможно, вы его видели. Карим Абдул-Джаббар сыграл Джинна. (Хороших ролей тебе, Карим.) И урок, который можно извлечь из этой маленькой истории, хорош для тех из вас, кто, как и я, ведет жизнь в одиночестве и часто сталкивается с неприятностями. Если, детки, вы больше ничему не научитесь у меня за время чтения этой небольшой книги, то пусть это будет хоть это: плохие компаньоны могут втоптать вас в грязь быстрее, чем наркотики, выпивка или глубокое религиозное рвение.

Мир полон людей, которые тупы до мозга костей, но при этом обладают крысиной хитростью. Они знают, как расположить тебя к себе, обольстить и залезть к тебе в карман, а потом рассказать тебе о том, что ты ведешь себя неправильно

Они будут вовлекать тебя в идиотские схемы, они будут тратить твое время и энергию впустую, они будут красть у тебя и, в конце концов, бросят тебя. Это те самые «плохие компаньоны», о которых предупреждали тебя мама с папой. Урок таков: выбирай свой собственный путь. Устанавливай свой собственный темп. Не втягивайся в какие-то непродуктивные разборки, которые подорвут твои силы и лишат тебя возможности мечтать.

В этой истории довольно приятный парень и довольно приятная женщина, которым, вероятно, не стоило быть супружеской парой, они не подходят друг другу и расплачиваются за это. Да, конечно, у истории счастливый конец, но это вымысел! Это не реальная жизнь.

— Кто, черт возьми, когда-нибудь слышал об этом «турецком периоде», зачем он тебе нужен? — Произнес Дэнни Сквайрс во весь голос на городской улице.

— Дэнни! Люди смотрят на нас, говори тише! — Конни Сквайрс ударила его по плечу. Они стояли на улице перед мебельным магазином. Дэнни был полон решимости не заходить внутрь.

— Давай, Конни, уйдем подальше от этой лавки старьевщика и поищем что-нибудь недорогое современное. Ты прекрасно знаешь, что я зарабатываю недостаточно, чтобы наполнять квартиру дорогим антиквариатом.

Конни украдкой оглядела улицу — ее больше интересовал не сам спор, а то как все это воспринимают окружающие, — а затем решительным голосом продолжила:

— А теперь слушай внимательно, Сквайрс. Ты взял меня замуж четыре дня назад и обещал любить, почитать и лелеять и все такое прочее. Так?

Голубые глаза Дэнни закатились к небу; он понял, что теряет почву под ногами. Инстинктивно защищаясь, он ответил: — Ну, конечно, Конни, но…

— Но, свадебного путешествия у нас не было и…

— Я не могу себе этого позволить!

— … и поскольку свадебного путешествия не было, — Конни была непреклонна. — Мы купим мебель и оформим этого кроличье логово, которое ты в шутку называешь маленьким любовным гнездышком, в том стиле, о котором я мечтала долгие годы. Кстати, «маленькое» — это не совсем то слово: судя по той цене, которую заломила за нее Барбара Фритчи нужно говорить «огромное».

— То есть это будет «Турецкий период»

— Да, «Турецкий период». По крайней мере моя жизнь будет сносной следующие несколько недель, пока мы не сможем уговорить мистера Апджона повысить тебе зарплату…

— Мы? Апджона!? — Дэнни буквально взвизгнул. — Ты должна держаться подальше от босса, Конни. Не валяй дурака. Он не повысит мне зарплату, и я бы предпочел, чтобы ты держалась от него подальше…

Дэнни всплеснул руками. Что толку? Он знал, что у Конни сильная воля, когда женился на ней. В то время это казалось ему привлекательным качеством, теперь он уже не был в этом уверен. Но у него тоже была сильная воля; он был уверен, что возьмет верх. Возможно.

— Ладно, — сказал он наконец, — пусть это будет «турецкий период». Но что, черт возьми, такое «турецкий период»?

Она ласково взяла его за руку и повернула лицом к витрине магазина.

— Смотри, дорогой. Правда, это не совсем по-турецки. Скорее

больше похоже на персидское. Ну, знаешь, тик, шелк и…

— Смотрится отвратительно.

— Значит, ты снова начинаешь! — Она отпустила его руку, ее глаза сверкали, губы сжались в тонкую линию. — Мне стыдно за тебя, за то, что ты лишаешь меня тех немногих маленьких радостей, которые мне нужны, чтобы в моей жизни было меньше слез…

И в глазах Конни блеснули слезы. Преимущество на этот раз было явно за ней.

— Конни… Конни… — Она оттолкнула его успокаивающую руку со словами: «Ты чудовище». Это было уже слишком для него. Слова были такими наигранными, что он внезапно пришел в ярость:

— Прекрати сейчас же, черт возьми!

Ее слезы хлынули быстрее. Дэнни стоял, разъяренный, беспомощный, отчаянно надеясь, что ни один полицейский не подойдет и не спросит: «Этот парень к вам пристает, леди?» Да, на этот раз его явно перехитрили.

— Конни, ладно, ладно, пусть у нас будет «турецкий период». И не имеет значения, сколько это будет стоить, я как-нибудь наскребу денег.

Это не был магазин, где предлагалась модернистская мебель из стеклопластика, которую потом будет не жалко выкинуть, заменив на что-нибудь более удобное. Нет, это был антикварный магазин.

Они рассматривали кровати с балдахинами. Они рассматривали ковры, на которых были разбросаны подушки, чтобы можно было сидеть на полу. Они рассматривали столы со столешницами, расположенными на высоте шести дюймов от пола. Они осматривали курильницы, кальяны, сундуки и гигантские вазы, пока у Дэнни не закружилась голова от приходивших ему в голову видений дворцов давно умерших халифов.

И все же, несмотря на свою решимость, Конни выбрала очень мало вещей, а те, что она выбрала, были недорогими и довольно неплохо отвечали своему предназначению… И по мере того, как проходили часы, и по мере того, как они передвигались по городу от одного унылого магазина старья к другому, уважение Дэнни к вкусу жены росло. Она обставляла квартиру совсем не плохой мебелью.

Они закончили к шести часам, потратив чуть меньше двухсот долларов. — Ровно на тридцать долларов меньше, чем Дэнни собирался потратить на обустройство нового дома. Он был уставшим, но довольным. Конни сделала покупки с умом.

Дэнни огляделся. — Что за убогий район? Как они сюда попали? Пустырь между двумя многоквартирными домами. На веревках сушится белье после стирки. Участок зарос сорняками и завален мусором.

— Могу я обратить твое внимание на удручающую обстановку вокруг и мое изнеможение? — сказал Дэнни. — Давай возьмем такси и вернемся домой. Я хочу упасть в обморок.

Они огляделись. Пустое такси стояло между домами. Дэнни уже сбирался подать призывный знак, как вдруг такси исчезло, а на его месте, зажатый между двумя многоквартирными домами, появился небольшой магазинчик. — Одноэтажное здание с грязным фасадом и витриной, полностью покрытой серым налетом пыли. На стеклянной панели двери, тоже покрытой грязью, от руки была выведена замысловатая надпись: «МОХАНАДУС МУКХАР, РЕДКОСТИ».

Маленький человечек в развевающемся халате и феске выскочил из двери магазинчика, резко затормозил, развернулся и прилепил к окну огромное объявление. Он четыре раза провел по нему большой кистью, приклеивая объявление к стеклу, и, резко повернувшись, вернулся в дом, хлопнув дверью.

— Нет, — сказал Дэнни.

Изо рта Конни вырывались странные звуки.

— В моей семье нет сумасшедших и никогда не было, — твердо заявил Дэнни. — У нас очень хорошая семья.

— Нам все это почудилось, — сказала Конни.

— Да, мы просто не заметили этот магазин. — Обычный баритон Дэнни стал гораздо ближе к сопрано.

— Если мы и сошли с ума, то одновременно — заметила Конни.

— Должно быть, так оно и есть, если ты видишь то же, что и я.

Конни немного помолчала, а затем сказала:

— Большое морское судно под флагом Лихтенштейна, три трубы, может быть, «Титаник». Фламинго на капитанском мостике. Так?

— Не играй со мной, женщина, — захныкал Дэнни. — А то я и вправду сойду с ума.

Она серьезно кивнула:

— Было пустое такси. Правильно?

Он кивнул в ответ:

— Да. Пустырь. Бельевая веревка, сорняки, мусор.

— Все верно. Так и было.

Он указал на маленький магазинчик.

— А это маленький магазинчик. Правильно?

— Правильно.

— Мужчина в феске, Мукхар?

Она закатила глаза:

— Все верно. Был такой.

— Так почему же мы идем к нему?

— Разве не так всегда бывает в историях, когда странные магазины внезапно появляются из ниоткуда? Что-то неумолимое притягивает туда ни в чем не повинных прохожих. Ведь верно?

Они остановились перед невзрачным магазинчиком. Прочитали объявление. Там было написано:

БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА! ПОТОРОПИТЕСЬ! ТОЛЬКО СЕЙЧАС! БЫСТРЕЕ!

— На ум приходит слово «неестественно», — сказал Дэнни.

— «Волнующе», — сказала Конни, и, повернув ручку, открыла дверь.

Звякнул крошечный колокольчик, и они переступили порог лавки Моханадуса Мукхара.

— Наверное, это был не самый умный шаг, который мы когда-либо предпринимали, — тихо сказал Дэнни. Дверь за ними закрылась без чьей-либо помощи.

В магазине было прохладно и затхло, — странные ароматы преследовали друг друга.

Они внимательно осмотрелись. Магазин был забит всяким хламом. От пола до потолка, от стены до стены, на столах и в кучах, все было завалено странностями и безделушками. На полу громоздились друг на друге груды вещей; кучи вещей были прислонены к стенам. По проходу между стопками и нагромождениями вещей едва можно было пройти. Вещи всевозможных форм, размеров и цветов. Вещи. Они пытались выделить отдельные предметы из общей картины, но все, что они могли различить, — это хлам… хлам! Хлам, обломки и всякий хлам.

— Любопытные вещи, не правда ли? — Произнес чей-то голос.

Конни подпрыгнула от испуга и наступила Дэнни на ногу.

Мукхар стоял перед кучей барахла и различить его на этом фоне было трудно.

— Мы увидели это ваше объявление, — сказала Конни.

Но Дэнни был более прямолинейным:

— Здесь стояло пустое такси, а мгновение спустя возник этот магазин. Как так вышло?

Маленький человечек отошел от груды вещей, и его маленькое морщинистое личико орехового цвета расплылось в улыбке:

— Счастливая случайность, дети мои. Возникла небольшая морщинка на ткани космоса — и вот я здесь, а на долго ли я не знаю. Но почему бы не заняться бизнесом, пока я здесь?

— Конечно, конечно — произнес Дэнни. Он посмотрел на Конни. Судя по выражению ее лица, она мало что соображала, впрочем, как и он сам.

— О! — воскликнула Конни и бросилась в один из боковых коридоров, уставленных антикварными вещицами. — Это прекрасно! Как раз то, что нам нужно для сервировочного столика. О, Дэнни, это мечта! Это будет абсолютно новый писк моды!

Дэнни подошел к ней, но в полумраке прохода между диковинками с трудом разглядел, что именно она держит в руках. Он вывел жену на свет возле двери. Это должно было быть что-то вроде лампа Аладдина.

Ну, возможно, это не лампа для освещения, а одно из древних, отвратительно пахнущих приспособлений для сжигания масла: длинный тонкий носик, корпус с круглым дном, широкая, расширяющаяся ручка.

Лампа была цвета зеленых водорослей, потемневшая. Ее древность не вызывала сомнений, ничто настолько испорченное временем не могло не быть подлинным:

— Какого черта тебе понадобилось от этого старья, Конни?

— Но, Дэнни, она так прекрасна. Ты только представь себе какой она станет великолепной, когда мы ее очистим.

Внезапно перед глазами Дэнни возникло чудное видение:

И он понял, что потерпел поражение… Конни, вероятно, была бы права. Вероятно, лампа будет очень красивой, если ее начистить и привести в должный вид.

— Сколько? — спросил он Мукхара. Он не хотел выглядеть заинтересованным; старые торговцы верблюдами были безжалостны в торгах, когда знали, что товар, о котором идет

речь, очень желанный.

— Пятьдесят драхм, как? — В тоне старика слышался ехидный юмор. — По текущему обменному курсу, с учетом падения Османской империи, тридцать долларов.

Дэнни поджал губы:

— Положи это, Конни, и пошли отсюда.

Дэнни развернулся к двери и потянул жену за собой. Но она все еще сжимала лампу, и голос Мухара остановил их:

— Хорошо, благородный господин. Я вижу, вы опытный покупатель. Вы умеете торговаться. Но я не знаком с вашими долларами и странными местными обычаями, связанными с фастфудом, поскольку был здесь до этого всего один раз; и поскольку драхма меня больше устраивает, чем доллар, шекель — больше, чем цент, я перережу себе горло, вскрою оба запястья и предложу вам эту великолепную древность за… э-э-э… … двадцать долларов? — Его голос был ворчливым, в нем звучали удивление и надежда.

— Подлинный грабеж. — Прорычал Дэнни, снова отворачиваясь к двери.

— Пятнадцать! — Взвыл Мукхар. — И пусть всем вашим детям понадобятся корректирующие линзы, из-за слишком долгого сидения у телевизора!

— Пять. И пусть сто тысяч больных сифилисом верблюдов наблюют тебе в тарелку, — крикнул Дэнни через плечо.

— Неплохо, весьма впечатляюще, — сказал Мукхар.

— Спасибо, — сказал Дэнни, сдерживая улыбку и ожидая продолжения.

— Кровопийца! Прыщ на фундаменте порядочности! Граффити на вагоне метро жизни! Тринадцать — мое последнее предложение. Пусть боги и Bank of America закроют глаза на твою гнилую сущность! — В глазах старика был золотой блеск прирожденного торгаша, наконец-то, к счастью, оказавшегося в своей стихии.

— Шесть, и ни пенни больше, проклятый араб! И пусть какой-нибудь увесистый предмет упадет с огромной высоты и раздавит тебя до глубины души. — Конни уставилась на Дэнни с нескрываемым благоговением и восхищением.

— Одиннадцать! Одиннадцать долларов, сущие гроши, подлинный грабеж, как ты сказал. Вызовите полицию, вызовите защитника прав потребителей!

— Моя тень исчезнет от злого блеска твоего хищного взгляда, прежде чем я заплачу хоть пенни больше, чем семь баксов, и пусть по всем оазисам бескрайней пустыни разнесется слух, что Моханадус Мукхар крадет личинки из протухшего мяса, мух из

конского навоза и с трудом заработанные драхмы у честных тружеников. Семь, придурок, и все!

— Моя смерть вот-вот станет реальностью, — проревел араб, вырывая пряди седых волос, выглядывавшие из-под фески. — Грабь меня, давай, грабь меня, пей мою кровь! Десять! На двадцать долларов убытков я согласен.

— Ладно, ладно. — Дэнни повернулся и достал бумажник. Он вытащил одну из трех десятидолларовых купюр, которые все еще были внутри, и, повернувшись к Конни, спросил: — Ты уверена, что тебе нужен этот уродливый, грязный кусок дерьма?

Она кивнула, и Дэнни поднес купюру к глазам маленького торговца. Только сейчас Дэнни заметил, что на Мукхаре остроносые тапочки, носки которых загибаются вверх, а из его ушей растут волосы.

— Десять баксов.

Маленький человечек двигался с проворством хорька и выхватил десятку из протянутой руки Дэнни, прежде чем тот успел отдернуть ее.

— Продано! — усмехнулся Мухар.

Он развернулся, а когда снова повернулся к ним, десяти долларов уже не было видно:

— Не сделка, Аллах свидетель, а грабеж, настоящий грабеж, благословенный господин!

Дэнни внезапно понял, что его обвели вокруг пальца. Вероятно, лампу подобрали на свалке и она ничего не стоила. Он хотел спросить, действительно ли это антикварная вещь, но груды хлама начали колебаться, мерцать и переливаться светом.

— Эй! — Что это еще такое? — встревоженно спросил Дэнни. — Что это еще такое?

Морщинистое лицо маленького человечка исказилось в панике:

— Вон! Убирайтесь, быстро! Время поджимает! Вон! Убирайтесь сейчас же, если не хотите вечно скитаться со мной и этим магазином… А я не могу позволить себе содержать помощников! Вон!

Он толкнул их вперед, и Конни поскользнулась и упала, врезавшись в груду стеклянной посуды. Ничего из этого не разбилось. — Ее руки погрузились в стекло, как в воду. Дэнни поднял ее на ноги, его охватила паника… В это время магазин продолжал колебаться и становиться все более расплывчатым вокруг них.

— Вон! Вон! Вон! — Мукхар продолжал кричать.

Они оказались на тротуаре. Лампа выпала из рук Конни и со звоном упала в канаву. Они услышали, как Мукхар радостно

пробормотал:

— Чистая прибыль девять долларов семьдесят пять центов. Вот это да!

Затем магазин исчез, и они оказались на заросшем сорняками пустыре.

* * *

— Ты спишь?

— Да.

— Почему же ты мне отвечаешь?

— Меня воспитали вежливым.

— Дэнни, поговори со мной… Ну поговори же!

— Ответ отрицательный. Я не собираюсь говорить об этом.

— Но, мы должны!

— Мы ничего не должны, я не хочу и не собираюсь разговаривать, и заткнись, чтобы я мог уснуть.

— Мы лежим уже почти час. Никто из нас не может уснуть. Нам нужно это обсудить, Дэнни.

Она включила ночник слабо осветивший несколько упаковочных ящиков с посудой и постельным бельем, три кухонных гарнитура, которые они получили в качестве свадебного подарка, стулья с прямыми спинками от тети Конни Медоры, стол и раскладной диван, на котором они сейчас лежали. Диван, бывший в употреблении, они купили у брата Дэнни в Нью-Джерси. Стала видна вся голая и удручающая реальность их первого совместного дома. Если бы мебель, которую они купили сегодня, была доставлена вид был бы лучше. А сейчас это была та самая картина, которая заставляла разведенных и стареющих холостяков кончать жизнь самоубийством на Рождество.

— Я собираюсь поговорить об этом, Сквайрс.

— Можешь говорить. Я заткнул уши большими пальцами.

— Думаю, нам следует потереть лампу.

— Я тебя не слышу. Этого никогда не было. Все это нам почудилось. Я заткнул уши большими пальцами, чтобы не слышать ни звука из того безумия, которое вырывается из твоего рта.

— Ради бога, Сквайрс, я была там с тобой сегодня. Я видела, как это случилось, так же, как и ты. Я видела этого странного маленького старичка и видела, как его магазин появлялся и исчезал. Теперь никто из нас не может этого отрицать!

— Если бы я мог слышать тебя, я бы согласился, а потом

отверг свидетельства своих чувств и сказал бы тебе… — Он с огорченным видом вынул большие пальцы из ушей — …сказал от всего сердца, что я люблю тебя, что я полюбил тебя с того самого момента, как увидел в машинописном бюро мистера Апджона, что, если я проживу сто тысяч лет, я никогда никого не полюблю так сильно, как люблю тебя в этот самый момент; а потом я бы сказал тебе отвалить и забыть об этом, и позволить мне спокойно уснуть, чтобы завтра я мог заставить себя поверить, что этого никогда не было.

Она откинула одеяло и встала с дивана. Она была обнажена. Они были женаты не так уж долго, чтобы не обращать на это внимания.

— Куда ты идешь?

— Ты знаешь, куда я иду.

Он принял сидячее положение на диване. В его голосе не было легкости:

— Конни!

Она остановилась и уставилась на него.

Он тихо проговорил:

— Не надо. Мне страшно. Пожалуйста, не надо.

Она ничего не сказала. Некоторое время она смотрела на него. Затем, обнаженная, села, скрестив ноги, на пол недалеко от дивана. Она оглядела то немногое, что у них было, и мягко ответила ему:

— Я должна, Дэнни. Я просто должна… … если есть шанс, я должна.

Так они и сидели, молча устремив взгляды в первозданный хаос, пока, наконец, Дэнни не кивнул, тяжело выдохнул и встал с кушетки. Он подошел к одной из картонных коробок, вытащил тряпку для пыли, встряхнул и протянул ей. Конни подошла к подоконнику, где стояла потускневшая и заржавевшая масляная лампа. Взяла в одну руку лампу, в другую — тряпку:

— Сквайрс. Кто знает, может быть, мы действительно заполучили джинна в 24 карата. — Несколько минут ничего не происходило. — Мне тоже страшно, — пояснила она, и, задержав дыхание, быстро потерла лампу. — Сияй, о хозяйка особняка в Месопотамии.

Под ее быстрыми пальцами патина начала отходить пятнами.

— Нам понадобится полироль для латуни, чтобы сделать все как надо, — сказала Конни; но внезапно остатки, покрывавшие лампу, исчезли, и она принялась тереть блестящую поверхность самой лампы.

— О, Дэнни, посмотри, как она красива, несмотря на всю эту грязь!

И в этот самый момент лампа выпрыгнула у нее из рук, испустив резкий клуб серого дыма, и чудовищный голос разнесся по квартире:

— АГА! — Грохотало громче, чем от поезда в метро. ХА-ХА! НАКОНЕЦ-ТО Я СВОБОДЕН! СПУСТЯ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ! СВОБОДЕН ГОВОРИТЬ И ДЕЙСТВОВАТЬ! И ОБО МНЕ СКОРО МНОГИЕ УЗНАЮТ!

Дэнни упал навзничь. Звук был такой силы, что вылетело оконное стекло и все лампочки в квартире разлетелись вдребезги. Из коробки с их скудной фарфоровой посудой доносились звуки свидетельствующие, что ни одной целой тарелки, ни одной целой чашки там не осталось. Завыли собаки в округе. Конни закричала — хотя ее голоса было не расслышать — и упала на пол в угол у окна, все еще сжимая в руках тряпку. С потолка посыпалась штукатурка. Шторы окна развивались как флаги на ветру.

Дэнни пришел в себя первым. Ему удалось усесться на стул и он с ужасом уставился на лампу. Глянул на Конни — она сидит в углу, лицо белое, глаза огромные, зажимает уши руками. Дэнни поднялся на ноги и строго обратился к этой, казалось бы, безобидной лампе:

— Прекрати шуметь! Ты что, хочешь чтобы нас лишили права аренды?

— КОНЕЧНО, ОТРОДЬЕ ЧЕРВЯ!

— Я требую: прекрати это чертово рычание!

— ЭТОТ ШЕПОТ? ЭТО НИЧТО ПО СРАВНЕНИЮ С УРАГАНОМ, КОТОРЫЙ Я МОГУ УСТРОИТЬ, ПОРОЖДЕНИЕ ОБЕЗЬЯНЫ!

— Кошмар! — завопил Дэнни. — Меня выгонят из единственной квартиры в Нью-Йорке, которую я могу себе позволить, из-за какого-то крикливого джинна в кувшине…

Дэнни и Конни опустились на колени и поползли к ламп лежащей на боку на полу возле дивана. «Боже мой» вздыхала Конни. «Не ужели все это действительно происходит?» недоумевал Дэнни.

— Ты правда там? — Поинтересовалась Конни.

— ГДЕ ЖЕ МНЕ ЕЩЕ БЫТЬ, ШЛЮХА!

— Эй, ты не можешь так разговаривать с моей женой…

Конни шикнула на него:

— Если он джинн, то может говорить все, что ему заблагорассудится, лишь бы выполнял наши желания.

— Да? Ну, я не могу позволить так называть мо…

— Заткнитесь, Сквайрс. Я могу сама о себе позаботиться. Если то, что в этой лампе, даже хотя бы вполовину меньше джинна из того фильма, на который ты водил меня…

— «Багдадский вор»… версия 1939 года… но Рекс Ингрэм был обычным актером, лишь при помощи технических приемов кино он казался большим.

— Даже если так. Даже если этот джинн только наполовину больше тебя, изображающего из себя мачо, чрезмерно заботливого муженька-шовиниста…

— НАДО ЖЕ, ЛЮДИ ПРОДОЛЖАЮТ ТАРАТОРИТЬ, КАК ОБЕЗЬЯНЫ, ДАЖЕ СПУСТЯ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ! НЕУЖЕЛИ НИЧТО НЕ ИЗБАВИТ ЗЕМЛЮ ОТ ЭТОГО НАШЕСТВИЯ НАСЕКОМЫХ?

— Нас просто вышвырнут отсюда жильцы. — Лицо Дэнни исказилось в ужасе от такой перспективы. — Если копы их не опередят. Пожалуйста, джинн, — Дэнни наклонился вплотную к лампе. — Только немного потише, ладно?

— ПОТОМОК МИЛЛИОНА ВОНЮЧИХ СУЩЕСТВ! СТРАДАЙ!

— Ты не джинн, — самодовольно заявила Конни. Дэнни посмотрел на нее с недоверием:

— Он не джинн? Тогда кем, черт возьми, ты его считаешь?

Она шлепнула его. Затем приложила палец к губам.

— Я ДЖИНН, РАЗВРАТНАЯ ШЛЮХА!

— Нет, это не так.

— Я ДЖИНН.

— Нет.

— НЕТ. ДЖИНН

— Конечно, нет.

— Я ДЖИНН, БЛУДНИЦА ИЗ СКЛЕПА! ПОЧЕМУ ТЫ ГОВОРИШЬ «НЕТ»?

— Джинн обладает огромной силой, джинну не нужно так кричать, чтобы его услышали. Ты не джинн, иначе говорил бы тише. Ты не можешь говорить на приличном уровне, значит ты мошенник.

— ОСТОРОЖНО, ШЛЮХА!

— Фу, ты меня не пугаешь. Если бы ты был таким могущественным, каким хочешь казаться, ты бы говорил потише.

— Так лучше? Ты довольна?

— Да, — сказала Конни, — так лучше. Но ты сможешь продолжать в том же духе дальше? Вот в чем вопрос.

— Смогу. Постоянно. Если понадобится.

— И ты можешь исполнять желания? — Дэнни вернулся к интересующей его теме.

— Естественно, но не для тебя, отвратительное отродье человечества.

— Эй, послушай, — возмутился Дэнни, — мне наплевать, кто ты такой! Ты не можешь так со мной разговаривать. В конце

концов, я твой хозяин!

— Ха! Вношу поправку, грязь первобытных морей. Есть некоторые джинны, которыми управляют их хозяева, но, к сожалению для вас, я не один из них. А дело вот в чем. Много веков назад я был заключен в этот проклятый сосуд одурманенным колдуном, который ничего не знал о молекулярном сжатии и еще меньше о связующих силах Вселенной. Он поместил меня в эту трижды проклятую лампу, слишком маленькую для меня, и с тех пор я был зажат внутри, и не могу покидать эту металлическую тюрьму. С годами мое добродушие испарилось. Я могущественен, но я в ловушке, и те, кто владеет мной, не могут надеяться на осуществление своих желаний. Я несчастлив, а несчастливый джинн — это злой джинн. Будь у меня возможность свободно перемещаться в пространстве, я мог бы стать твоим рабом, но сейчас, я лишь с удовольствием навлеку на тебя миллион бед в тысячах форм!

Дэнни усмехнулся:

— Черта с два ты это сделаешь. Я брошу тебя в печь для сжигания мусора.

— Ха! Ты, купив лампу, не можешь ее потерять, уничтожить или отдать. Ее можно только продать. Таковы правила магии. Поэтому я с тобой навсегда, ибо кто станет покупать такую жалкую лампу? — Ведь я постараюсь, чтобы она опять приобрела отвратительный вид. — После этих слов, в небе прогремел гром.

— Как ты собираешься нас мучить? И когда? — Поинтересовалась Конни.

— Для этого по правилам меня должны о чем-нибудь попросить. Вот сделайте это, и вы увидите, на что я способен.

— Просить, — засомневался Дэнни, — ну не знаю, ты такой обидчивый.

— Неужели тебе не нужен бумажник, набитый деньгами? — В голосе, доносившемся из лампы, звучала искренность.

— Ладно, давай доллары, зеленые будут не лишними, хотя…

Смех джинна был оглушительным и внезапно оборвался дождем лягушек, которые посыпались с потолка. Зеленые маленькие, извивающиеся вонючие, они падали и падали на Дэнни и Конни. Конни вскрикнула и бросилась к шкафу с одеждой. Секунду спустя она вышла, и в волосах у нее было полно лягушек — они, каким-то образом, пролетали и сквозь крышку шкафа. Дождь из лягушек продолжался и на лестничной площадке, когда Дэнни выскочил туда, чтобы спастись от них. Он захлопнул дверь — до него дошло, что он все еще голый, — и закрыл голову руками. Лягушки падали, корчась, издавая

зловоние, и вскоре они оказались по колено в них, а маленькие грязные, покрытые бородавками тельца прыгали и прыгали, стараясь угодить им прямо в лицо.

— Надо же, что за паршивый у меня характер! — сказал джинн и рассмеялся оглушительным смехом, который смолк только тогда, когда лягушки исчезли и начался поток крови.

Это продолжалось неделю.

Они не могли спастись от всего этого, куда бы ни пошли. Они медленно умирали от голода: поскольку не могли выйти за продуктами без того, чтобы земля не разверзлась у них под ногами, или чтобы стадо слонов не погналось за ними по улице. Все консервы, которые были припасены за первые четыре дня совместной жизни, были съедены. Да и не до еды им было — квартиру сверху донизу заполонила саранча, а змеи норовили сожрать их, как маленьких белых крыс.

Последовательность их бед была такова: сначала лягушки, потом поток крови, за ним пыльная буря, потом пауки и мошки, змеи, саранча, тигр, который прижал их к стене и разгрыз стул, которым они защищались от него. После летучие мыши, град, затем пол под ними исчез, и они вцепились в настенные светильники, а их мебель, включая и ту, которую грузчики привезли во время града, едва не убила маленькую старушку, жившую под ними.

Потом стены нагрелись так, что до них нельзя было дотронуться. И, наконец, нервная система Дэнни не выдержала — он начал что-то бормотать, спотыкаясь о лианы-людоеды, которые росли из розеток и половиц. В конце концов он сел в огромную лужу обезьяньей мочи и плакал до тех пор, пока его лицо не опухло, глаза не покраснели, а нос не распух в три раза больше обычного.

— Я должен уйти от всего этого! — истерично кричал он, стуча каблуками и пытаясь откусить отвороты своих брюк.

— Ты можешь развестись с ней, оговорив условие, что это она купила лампу, а не ты. Ведь по сути так оно и было — ты не хотел лампу, а она хотела, — предложил джинн. — Я могу это устроить.

Дэнни поднял голову (как раз вовремя, чтобы в лицо ему прилетел сочный бифштекс) и завопил:

— Нет! Ты меня не заставишь. Мы женаты всего неделю и четыре дня, и я ее не брошу!

Конни, покрытая кровоточащими ранами, подбежала к Дэнни и обняла его, хотя он уже слабо напоминал нормального человека. Но три дня спустя, когда ему стали мерещится призраки, стало ясно, что его душевное здоровье сильно подорвано, и если его срочно не отправить в соответствующую

клинику, то это может для него плохо кончиться. В очередной момент просветления Дэнни согласился с этим и позволил Конни позвонить в психиатрическую лечебницу.

— Ты можешь прийти и забрать меня оттуда, когда все закончится, — жалобно воскликнул он, целуя ее в губы, покрытые ядовитым плющом. — Может быть, если мы расстанемся, он проявит милосердие.

Но они оба сомневались в этом.

Когда санитары вошли в разгромленную квартиру и увидели, как Конни с трудом вытаскивает ноги из болотной жижи, они не удивились этому (как и грузчики привезшие мебель) — джин им этого не позволил.

Конни плакала в унисон с Дэнни, когда когда его запихивали в белую машину скорой помощи. Все это сопровождалось неземным смехом, подобным грому.

Конни осталась одна. Она поднялась наверх; ей больше некуда было идти.

Она упала в какую-то лужу и попыталась собраться с мыслями, пока муравьи грызли ее плоть, а бешеные крысы обгладывали обои.

— Все это лишь прелюдия. Я только разогреваюсь, — донеслось из лампы.

Не прошло и трех дней после того, как Дэнни поместили в психиатрическую больницу, как за ним пришла Конни. Она вошла в его палату — белоснежные простыни, шторы на окне задернуты. Дэнни лежал в кровати. Когда он увидел ее, у него застучали зубы.

Она нежно улыбнулась ему:

— Если бы я не знала тебя достаточно хорошо, то могла бы поклясться, что ты не очень обрадовался, увидев меня, Сквайрс.

Он натянул на себя простынь, так что остались видны только глаза, и оттуда донеслось:

— Если у меня появятся фурункулы, это определенно вызовет рецидив, а дневная медсестра терпеть не может беспорядка.

— И это мой муж-мачо, мой защитник?

— Извини, это все последствия болезни. Конечно я очень рад. — И Дэнни высунул голову из-под простыни.

— Ну, что ж, тогда все в порядке. Ты в отличной форме, так что пошевеливайся, и давай уйдем отсюда.

Дэнни Сквайрс нахмурился. Это не был тон женщины с лягушками в волосах:

— Знаешь, я подумывал о разводе или самоубийстве.

Она сдернула с него полностью простынь. — Стали видны его голые ноги выглядывающие из-под больничного халата.

— Забудь об этом, дружок. Есть еще по меньшей мере сто десять поз, которые мы еще не испробовали, прежде чем я подумаю о разводе. А теперь, может, ты встанешь с кровати и пойдешь со мной?

— Но…

— …если ты сейчас же поднимешься, получишь хороший пинок.

Сбитый с толку, он поднялся.

Снаружи их ждал «роллс-ройс» с включенным мотором. Когда они вышли из здания, Конни помогла Дэнни выбраться из инвалидного кресла, шофер в ливрее выскочил из машины и открыл перед ними дверь. Они сели на заднее сиденье, и Конни сказала: «Домой, Марк». Шофер кивнул, быстро обошел машину и сел за руль. Они тронулись с места под приглушенный рев пары глушителей.

Голос Дэнни превратился в недовольный писк:

— Мы можем позволить себе арендованный лимузин?

Конни не ответила, только улыбнулась и прижалась к нему еще теснее.

Немного погодя Дэнни спросил:

— Домой это куда?

Конни нажала кнопку на пульте в подлокотнике, и стеклянная перегородка между передним и задним сиденьями бесшумно закрылась.

— Сделай одолжение, — попросила она, — подожди с вопросами, пока мы не приедем домой. Это были трудные три дня, и все, о чем я прошу, — это чтобы ты подождал еще час.

Дэнни неохотно кивнул. И тут он заметил, что на ней очень дорогая одежда.

— Мне тоже лучше не спрашивать о твоем жакете, отороченном норкой, верно?

— Лучше не стоит.

Он погрузился в молчание, испытывая неловкость и обдумывая вопросы теснящиеся в голове. Он молчал, пока не понял, что они едут не в Нью-Йорк. Он резко выпрямился, выглянул в заднее стекло, покрутил головой вправо-влево, пытаясь определить их местоположение, и Конни сказала:

— Мы едем не в Манхэттен. Мы едем в Дэриен, штат Коннектикут.

— Дэриен? Кого, черт возьми, мы знаем в Дарьене?

— Ну, например, Апджон живет в Дарьене.

— Апджон!?! О Боже, он уволил меня и прислал машину, чтобы привезти к нему и казнить! Я так и знал!

— Сквайрс, Дэниел, любовь моя, Дэнни, звезда моего сердца,

будь добр, закрой ненадолго кран! Апджон больше не имеет к нам никакого отношения. Совсем никакого.

— Но… но мы ведь живем в Нью-Йорке!

— Уже нет.

Двадцать минут спустя они свернули в самый дорогой район Дарьена и помчались по частной дороге.

Они проехали метров триста по частной дороге, обсаженной прекрасно ухоженными этрусскими соснами, и свернули на извилистую подъездную дорожку. Еще пятьсот метров, и дорожка, закручиваясь спиралью, обогнула фасад огромного, роскошного, со вкусом оформленного викторианского особняка.

— Приехали, — сказала Конни. — Полюбуйся на свой дом.

— Что ты сказала?

— Полюбуйся на свой дом.

— Значит опять начинается. Высади меня здесь, я дойду пешком до психушки.

«Роллс-ройс» остановился перед особняком. Из него выбежал дворецкий и открыл им дверцу машины. Они вышли, слуга низко поклонился Конни. Затем он повернулся к Дэнни:

— Рад видеть вас дома, мистер Сквайрс. — Дэнни был слишком взволнован, чтобы ответить.

— Спасибо, Пензлер, — сказала Конни. Затем обратилась к шоферу:

— Отведи машину в гараж, Марк, сегодня днем она нам больше не понадобится. Но подготовь «Порше», мы можем выехать позже, чтобы осмотреть территорию.

— Слушаюсь, миссис Сквайрс, — и Марк уехал.

Дэнни был как сомнамбула. Он позволил провести себя в дом, где был еще больше ошеломлен дорогой отделкой, великолепными залами, коврами с глубоким ворсом, эффектной мебелью, коммуникационным комплексом, занимающим целую стену, баром, который вырастал из пола нажатием кнопки, роскошным интерьером. Слуги, кланялись и улыбались ему, как будто он был здесь хозяином. Он был поражен огромной кухней, оснащенной по последнему слову техники, и французским шеф-поваром, который отсалютовал Конни огромным половником, когда она вошла.

— Ч… — откуда все это взялось? — Наконец он выдавил из себя, когда они с Конни поднимались наверх по эскалатору.

— Да ладно тебе, Дэнни, ты же знаешь, откуда все это взялось.

— Лимузин, дом, территория, жакет с отделкой из норки, прислуга, бар из кобальтового стекла, развлекательный центр с телевизором, кинозал, боулинг, поле для поло, бассейн,

эскалатор и ожерелье из шести нитей черного жемчуга, которое, как я теперь заметил, ты носишь на шее… и все это джинн?

— Просто дух захватывает, не так ли? — Простодушно сказала Конни.

— У меня с этим небольшие проблемы.

— Проблема у тебя одна — Масуд погрузил нас в трясину бед, ты не смог с этим справиться, а мне каким-то образом удалось вытащить нас из этого болота. И ты не можешь с этим смириться.

— Да, я снова подумываю о разводе.

Они шли по длинному коридору, увешанному произведениями современной японской живописи. Конни остановилась и положила обе руки на дрожащие плечи Дэнни.

— Сквайрс, у тебя тяжелый случай переоценки своей персоны. Никто не может постоянно побеждать. Мы женаты меньше двух недель, а знаем друг друга уже три года. Но ты не знаешь, сколько раз я проигрывала до этого, и я не знаю, сколько раз ты одерживал победы до этого. То, что я узнала о тебе за это время, позволило мне, выходя за тебя замуж, думать: «Этот парень сможет справиться с проблемой, когда я не смогу». По-моему, так и должно быть в настоящей семье. Я не могу каждый раз набирать очки, и ты тоже. Работает пара. На этот раз с проблемой справилась я. В следующий раз справишься ты. Может быть.

Дэнни слабо улыбнулся…

— Я больше не думаю о разводе.

Краем глаза он уловил какое-то движение, заставившее его оглянуться через плечо.

Чернокожий мужчина ростом явно больше трех метров стоял в открытых дверях комнаты — физически совершенный во всех отношениях, с точеными чертами лица, Адонис[15] да и только, одетый в безупречно сшитый костюм-тройку, с аккуратно завязанным шелковым галстуком.

— Э-э… — только и мог выдавить из себя Дэнни.

Конни оглянулась через плечо:

— Привет, Масуд. Сквайрс, я хотела бы познакомить тебя с Масудом Джаном бин Джаном, джинном-мазикином из племени ифритов, милостью Сулеймина, повелителя всех джиннов, да не оставит Аллах нас своей мудростью. Наш благодетель. Мой друг.

— Насколько хороший друг? — Прошептал Дэнни, глядя на это сексуальное совершенство, возвышающееся перед ним.

— Мы не знали друг друга с плотской точки зрения, если я правильно понимаю твое убогое замечание, — ответила она. И с легкой тоской добавила. — Я не в его вкусе. Думаю, он положил

глаз на одну известную тебе певицу, Лену Хоум. — Видя все же недоверчивое выражение на лице Дэнни, она возмутилась. — Ради бога, перестань быть таким чертовски подозрительным!

Масуд шагнул вперед, сделав два шага, чтобы преодолеть расстояние в пять метров, и произнес приветствие с традиционным исламском жестом «голова-сердце», с улыбкой на лице:

— Добро пожаловать домой, господин. Я жду вашей малейшей просьбы.

Дэнни перевел взгляд с джинна на Конни, изумление лишили его способности связно изъясняться:

— но… ты застрял в лампе… вспыльчивый, о боже, каким же ты был вспыльчивым… как ты… как же она…

Конни рассмеялась, и джинн с большим достоинством присоединился к ее смеху.

— …но ты сказал, что не дашь нам ничего, кроме несчастий! И ты дал нам все это… Почему?

Глубоким, сладкозвучным голосом, но которым (как казалось Дэнни) можно было сбить птицу, летящую высоко в небе, джинн тепло улыбнулся и ответил:

— Ваша добрая жена освободила меня. После десяти тысяч лет, проведенных в тесноте, с вечными болями в животе, в этой самой жалкой темнице, госпожа Конни выпустила меня на свободу. За эти десять тысяч лет я сменил более ста тысяч жестоких и продажных хозяев, и наконец попал в руки того, кто относится ко мне с уважением. Мы друзья. Я с нетерпением жду возможности распространить эту дружбу на вас, господин Сквайрс.

Воодушевившись этим объяснением, пространным и напыщенным, джинн продолжил:

— Теперь я свободен, мне позволено существовать среди людей во времена, когда мой вид считается легендой, и, таким образом, я могу жить интересной, новой жизнью, моя благодарность не знает границ, как не знали границ мои ненависть и гнев. Теперь мне больше не нужно выступать в роли демона, теперь я могу быть таким ифритом, о котором говорил учитель Иеремия бен Элиазар в псалме XLI. За последние три дня я многое увидел в этом мире. А как люди проводят время! Я нахожу это самым приятным, по мне так это просто прелесть. Скорость, блеск, освещение. Несравненный дом Лены! Вам нравится баскетбол?

— Но как? Как тебе это удалось, Конни? Как? Ведь никто не мог вытащить его оттуда…

Конни взяла Дэнни за руку и повела к пятиметровой высоты

дверям:

— Можно нам войти в твою квартиру, Масуд?

Джинн сделал приглашающий жест и поклонился так низко, что его голова оказалась на уровне талии Дэнни, когда они с Конни проходили мимо.

Они вошли в покои джинна, и им показалось, что они перенеслись во времени в древнюю Басру, в «Тысячу и одну ночь».

Но среди всех этих шелков, драпировок, подушек, свечей, шкатулок и медной посуды, в центре зала, в люцитовой витрине на ониксовом пьедестале, освещенный единственным ярким пятном света из неизвестного источника, находился единственный объект поклонения.

— Иногда волшебству приходится уступать технологии, — сказала Конни. — А древнему гневу уступать здравому смыслу.

Дэнни шагнул вперед. Он никак не мог разобрать, что за предмет лежал на черной бархатной подушке. А подойдя ближе не мог поверить своим глазам. Не может быть. Это было так просто. Но почему никто не додумался до этого раньше. Вероятно потому, что, когда лампа находилась у предыдущего владельца, консервных ножей еще не существовало.

— Консервный нож. Консервный нож!?! Простой, глупый, повседневный консервный нож!?! И это все, что потребовалось? У меня был нервный срыв, а ты додумалась пустить в ход консервный нож?

— Можешь себе представить, — Конни подмигнула Масуду.

— Да, картинка так себе, — сказал Дэнни. Но перед глазами у него сверкал бриллиант размером с отель «Ритц».

«Покайся, Арлекин!» — сказал Тиктакщик

«REPENT, HARLEQUIN! SAID THE TICKTOCKMAN». Перевод: Е. Доброхотовой-Майковой. 1997

Я должен быть осторожен с формулировкой «урока», который я хочу вам преподать этим рассказом. Потому что в некотором смысле это изложение правил, которых я придерживаюсь в жизни, и если вы будете понимать эти правила слишком буквально и следовать им, то огребете больше неприятностей, чем заслуживаете. А это прямо противоположно тому, чему учит эта книга по мнению моего издателя, который утверждает, что эта книга должна сделать вас лучшими гражданами и более счастливыми личностями, с пониманием того, что, если вы будете выбрасывать мусор на улицы, я разыщу вас, где бы вы ни жили, и прибью вашу голову гвоздями к журнальному столику. По крайней мере, мой издатель считает именно так. Но, насколько я могу судить, я вам еще не лгал; и я не собираюсь начинать сейчас.

Первое, что я хотел чтоб вы поняли, это что если тебя засосет в Систему, выбраться из нее может оказаться практически невозможно. Приведенный здесь урок — это тот, который приведет вас к успеху, если вы будете следовать ему. Живите в своем собственном темпе, а не в темпе общества. Умейте время от времени просто сказать «к черту» вас всех! Подчинение своей жизни общепризнанным правилам очень удобно другим людям, но для этого вам придется жертвовать частичками своей собственной жизни ради других, которым на самом деле нет особого дела до вас, ваших проблем, желаний или потенциальных возможностей. Они бормочут «Я знаю, как вам тяжело» или «я понимаю», но когда дело доходит до того, что вы окончательно ломаетесь, не выдержав жизни по общепризнанным правилам, они испытывают лишь раздражение от того, что вы оказались таким слабаком.

Этот рассказ печатался во многих хрестоматиях для колледжей, и за долгие годы я уже потерял счет студентам, говорившим мне, что «Покайся, Арлекин!» впервые дал им почувствовать, что такое гражданское

неповиновение, и что он приоткрыл (и более чем приоткрыл) для них дверь к социальной ответственности.

Всегда кто-нибудь да спросит: о чем это все? Для тех, кому надо объяснять и разжевывать, кто хочет непременно знать «к чему это», предлагаю нижеследующий отрывок из книги Генри Торо «гражданское неповиновение»:

> *Множество людей служат государству не как люди, но, как машины, телами. Это действующая армия, милиция, тюремные надзиратели, констебли, добровольные дружины охраны порядка и т. д. Им редко приходится руководствоваться собственными суждениями или нравственным чутьем; они ставят себя в ряд с деревом, глиной, камнем; вероятно, можно изготовить деревянных людей, вполне пригодных для тех же целей. Они вызывают не больше уважения, чем соломенная кукла или комок грязи. Их ценят настолько же, насколько ценят лошадей и собак. Однако именно они обычно почитаются хорошими гражданами. Другие — большинство законодателей, политиков, судей, министров и высших чиновников — служат государству преимущественно головой; и, поскольку они, как правило, лишены каких-либо нравственных устоев, то вполне способны помимо воли служить дьяволу, как Богу. Очень немногие — герои, патриоты, мученики, реформаторы в полном смысле этого слова, и просто настоящие люди служат государству также и своей совестью и потому по большей части вынуждены ему противостоять; с ними государство обходится по преимуществу как с врагами.*

Это суть. Теперь читайте середину, позже узнаете начало, а конец сам о себе позаботится.

Поскольку мир был таким, каким он был, каким ему позволили стать, многие месяцы тревожные слухи о выходках Арлекина не достигали Тех, Кто Поддерживает Бесперебойную Работу Машин, кто капает самую лучшую смазку на шестерни и пружины цивилизации. Лишь когда стало окончательно ясно, что он сделался притчей во языцех, знаменитостью, возможно, даже героем для тех, кому Власть неизменно наклеивает ярлык «эмоционально неуравновешенной части общества», дело передали на рассмотрение Тиктакщику и его ведомству. Однако к тому времени, потому что мир был таким, каким он был, и никто не мог предугадать последствий появления такого человека —

возможно, давно забытая болезнь дала рецидив в утратившей иммунитет системе — ему позволили стать слишком реальным. Он обрел форму и плоть.

Он стал личностью — чем-то таким, от чего систему очистили десятилетия назад. Но вот он есть, весьма и весьма впечатляющая личность. В некоторых кругах — в среднем классе — это нашли отвратительным. Нескромным. Антиобщественным. Постыдным. В других только посмеивались — в тех слоях, где мысль подменяется традицией и ритуалом, уместностью, пристойностью. Но низы, которые всегда хотят иметь своих святых и грешников, хлеб и зрелища, героев и злодеев, низы считали его Боливаром, Наполеоном, Робин Гудом, Диком Бонгом[16], Иисусом.

А наверху, где малейшая дрожь способна вызвать социальный резонанс и сбросить богатых, могущественных, титулованных с их высоких флагштоков{5}, его сочли потрясателем основ, еретиком, мятежником, позором, катастрофой. Про него знали все, сверху донизу, но настоящее впечатление он произвел на самых верхних и самых нижних. На самую верхушку и самое дно.

Поэтому его дело вместе с табелем и кардиопластинкой передали в ведомство Тиктакщика.

Тиктакщик: под метр девяносто, немногословный и мягкий человек — когда все идет по расписанию. Тиктакщик.

Даже в коридорах власти, где страх порождали, но редко испытывали, его называли Тиктакщик. Но за глаза. Никто не называл его так в лицо, которое было почти всегда закрыто маской.

Поди назови ненавистным прозвищем человека, который вправе отменить минуты, часы, дни и ночи, годы твоей жизни. Поэтому, обращаясь, его величали «Главный Хронометрист». Так безопаснее.

— Мы знаем, что он такое, — мягко сказал Тиктакщик, — но не кто он такой. На табеле, который я держу в левой руке, проставлено имя, но оно не сообщает, кто его обладатель. Кардиопластинка в моей левой руке тоже именная, хотя мы не знаем, чье это имя. Прежде чем отменить его, я должен знать, кого отменяю.

Всех своих сотрудников, ищеек и шпионов, стукачей и слухачей, даже топтунов, он спросил: «Кто этот Арлекин?»

На сей раз он не ворковал. По расписанию ему полагалось рычать.

Однако это и впрямь была самая длинная речь, какой он когда-либо удостаивал сотрудников, ищеек и шпионов, стукачей и слухачей, но не топтунов, которых обычно и на порог не

пускали. Хотя даже они бросились разнюхивать.

Кто такой Арлекин?

Высоко над третьим городским уровнем он скорчился на гудящей алюминиевой платформе спортивного аэроплана (тьфу, тоже мне, аэроплан, этажерка летающая с кое-как присобаченным винтом) и смотрел вниз на правильное, будто сон кубиста, расположение зданий.

Где-то неподалеку слышалось размеренное «левой-правой-левой»: смена 14.47 в мягких тапочках входила в ворота шарикоподшипникового завода. Ровно через минуту донеслось «правой-левой-правой»: смена 5.00 отправилась по домам.

Загорелое лицо расцвело озорной улыбкой, на секунду показались ямочки. Почесав копну соломенных волос, он передернул плечами под пестрым шутовским платьем, словно собираясь с духом, двинул ручку резко от себя и пригнулся от ветра, когда машина скользнула вниз. Пронесся над движущейся дорожкой, нарочно спустился еще на метр, чтобы смять султанчики на шляпках у модниц, и — зажав уши большими пальцами — высунул язык, закатил глаза и заулюлюкал. Это была мелкая диверсия. Одна тетка побежала и растянулась, рассыпав во все стороны кульки, другая обмочилась, третья упала на бок, и дежурные автоматически остановили движение, чтобы привести ее в чувство. Это была мелкая диверсия.

А он развернулся на переменчивом ветерке и унесся прочь.

За углом Института Времени вечерняя смена как раз грузилась на движущуюся дорожку. Без всякой лишней суеты работяги заученно переступали боком на медленную полосу, похожие на массовку из фильма Басби Беркли допотопных 1930-х годов, и дальше страусиным шагом, пока не выстроились на скоростной полосе.

И снова в предвкушении губы растянулись в озорной усмешке, так что стало видно — слева не хватает одного зуба. Он спланировал вниз, на бреющем полете пронесся над головами едущих, с хрустом отцепил прищепки, до поры до времени державшие концы самодельных разгрузочных желобов. И тут же из самолета на скоростную полосу посыпалось на сто пятьдесят тысяч долларов мармеладных горошков.

Мармеладные горошки! Миллионы и миллиарды красных, и желтых, и зеленых, и ромовых, и виноградных, и клубничных, и мятных, и круглых, и гладких, и глазурованных снаружи, и желейных внутри, и сладких, вязких, тряских, звонких, прыгучих, скакучих сыпались на головы, и каски, и робы заводских рабочих, стучали по дорожке, скакали и закатывались под ноги и

расцветили небо радугой детской радости и праздника, падали дождем, градом, лавиной цвета и сладости и врывались в разумный расчисленный мир сумасбродно-невиданной новизной. Мармеладные горошки.

Рабочие вопили, и смеялись, и бегали, и смешали ряды, а мармеладные горошки закатились в механизм движущихся полос, послышался жуткий скрежет, словно проскребли миллионом ногтей по четверти миллиона грифельных досок, а потом механизм закашлял, зачихал, и все дорожки остановились, а люди попадали как попало друг на друга и вышла куча мала, и мармеладные горошки запрыгивали в смеющиеся рты. Это был праздник, и веселье, и полное сумасбродство, и потеха. Но…

Смена задержалась на семь минут.

Рабочие вернулись домой позже на семь минут.

Общий график сбился на семь минут.

Он толкнул первую костяшку домино, и тут же щелк-щелк-щелк — попадали остальные.

Система не досчиталась семи минут. Пустяк, едва ли достойный внимания, но для общества, которое держится на порядке, единстве, равенстве, своевременности, точности и соответствии графику, почтении к богам, отмеряющим ход времени, это оказалось серьезной катастрофой.

Поэтому ему велели предстать перед Тиктакщиком. Приказ передали по всем каналам трансляционной сети. Ему было велено явиться к 7.00 ровно. Его ждали до 10.30, а он не явился, потому что в это время распевал песенку про лунный свет в никому неведомом месте под названием Вермонт, а потом снова исчез. Однако его ждали с семи, и графики полетели к чертям собачьим. Так что вопрос остался открытым: кто такой Арлекин?

И еще вопрос (невысказанный, но куда более важный): как мы дошли до жизни такой, что хохочущий, безответственный ерник из ерундового ералаша способен разрушить всю нашу экономическую и культурную жизнь мармеладным горошком на сто пятьдесят тысяч долларов!

Мармеладным, на минуточку, горошком! Рехнуться можно! Где он взял денег, чтоб купить на сто пятьдесят тысяч долларов мармеладного горошку? (Сумма была известна в точности, потому что целое отделение оперативных следователей сорвали с работы и бросили на место преступления пересчитывать горошки, так что у всего отдела график сломался почти на сутки.) Мармеладный горошек! Мармеладный… горошек? Погодите секундочку (секундочку тоже ставим в счет) — мармеладный горошек снят с производства более ста лет назад. Где он раздобыл мармеладный горошек?

Тоже хороший вопрос. Тем более что, похоже, ответа на него не дождаться. Так сколько у нас теперь вопросов?

Середину вы знаете. Вот начало. Откуда что пошло.

Настольный ежедневник. День за днем, листок за листком. 9.00 — просмотреть почту. 9.45 — встреча с правлением комиссии по планированию. 10.00 — обсудить график хода установки оборудования с Дж. Л. 11.45 — молитва о дожде. 12.00 — ленч. И так далее.

— Очень жаль, мисс Грант, собеседование было назначено на 14.30, а сейчас уже почти пять. Очень жаль, что вы опоздали, но таковы правила. Придется вам подождать год и тогда снова подавать заявление в наш колледж.

Электричка 10.00 останавливается в Крестхэвене, Гейлсвилле, Тонаванде, Селби и Фарнхерсте, но не останавливается в Индиана-Сити, Лукасвилле и Колтоне по всем дням, кроме воскресенья. Скорый 10.45 останавливается в Гейлсвилле, Селби и Индиана-Сити, ежедневно кроме воскресных и праздничных дней, когда он останавливается в…

И так далее.

— Я не могла ждать, Фред. В 15.00 мне надо было быть у Пьера Картена, а поскольку ты предложил встретиться на вокзале под часами в 14.45, а тебя там не было, мне пришлось уехать. Ты вечно опаздываешь, Фред. Если б мы встретились, то как-нибудь бы все утрясли вдвоем, а раз так вышло, ну, понимаешь, я все решила сама…

И так далее.

«Уважаемые мистер и миссис Аттерли! В связи с тем, что ваш сын Геролд регулярно опаздывает, мы вынуждены будем отчислить его из школы, если вы не примете действенные меры к тому, чтобы он являлся на занятия вовремя. Невзирая на его выдающиеся способности и отличную успеваемость, постоянные нарушения школьного распорядка делают невозможным его пребывание в учреждении, куда другие дети способны приходить строго в назначенное время…»

И так далее.

НЕЯВИВШИЕСЯ ДО 20.45 К ГОЛОСОВАНИЮ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ.

— Мне все равно, хороший сценарий или плохой, он нужен мне ко вторнику.

РЕГИСТРАЦИЯ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ В 2.00.

— Вы опоздали. Мы взяли на это место другого работника. Извините.

«Из вашего заработка удержан штраф за двадцатиминутный

прогул».

И так далее. И так далее. И так далее. И так далее далее далее далее далее тик-так тик-так тик-так и однажды замечаем, что не время служит нам, а мы — времени, мы — рабы расписания и молимся на ход солнца, обречены ограничиваться и ужиматься, потому что функционирование системы зависит от строгого следования графику.

Пока не обнаруживается, что опоздание — уже не мелкая провинность. Оно становится грехом. Потом преступлением. Потом преступление карается так:

«К ИСПОЛНЕНИЮ 15 ИЮЛЯ 2389 12.00.00 в полночь. Всем гражданам представить свои табели и кардиопластинки в управление Главного Хронометриста для сверки. В соответствии с постановлением 555-7-СГХ-999, регулирующим потребление времени на душу населения, все кардиопластинки будут настроены на личность держателя и…»

Власть придумала, как укорачивать отпущенное человеку время. Опоздал на десять минут — проживешь на десять минут меньше. За часовое опоздание расплачиваешься часом. Если опаздывать постоянно, можно в одно прекрасное воскресенье получить уведомление от Главного Хронометриста, что ваше время истекло, и ровно в полдень понедельника вы будете «выключены»; просьба привести в порядок дела, сэр, мадам или двуполое.

Так, с помощью простого научного приема (использующего научный процесс, секрет которого тщательно охранялся ведомством Тиктакщика) поддерживалась Система. А что еще оставалось делать? В конце концов, это патриотично. Графики надо выполнять. Как-никак, война!

Но разве не всегда где-нибудь война?

— Просто возмутительно! — сказал Арлекин, когда красотка Элис показала ему объявление о розыске. — Возмутительно и совершенно невероятно. Я что, гангстер? Объявление о розыске!

— Знаешь, — ответила красотка Элис, — ты слишком горячишься.

— Извини, — смиренно произнес Арлекин.

— Нечего извиняться. Ты всегда говоришь «извини». За тобой числится столько дурного, вот это и вправду печально.

— Извини, — сказал он снова и тут же закусил губу, так что сразу появились ямочки. Он вовсе не хотел этого говорить. — Мне снова пора идти. Я должен что-то делать.

Красотка Элис шваркнула кофейный баллончик на стойку.

— Бога ради, Эверетт, неужели нельзя остаться дома хоть на

одну ночь? Неужели обязательно шляться в этом гадком клоунском наряде и раздражать народ?

— Из… — Он замолк и напялил на соломенную копну шутовской колпак с бубенцами. Встал, вылил остатки кофе на поднос и на секунду сунул баллончик в сушку. — Мне надо идти.

Она не ответила. Факс зажужжал, Элис вытащила лист бумаги, прочла, бросила ему через стол:

— Это про тебя. Конечно. Ты смешной человек.

Он быстро прочел. Листок сообщал, что его ищет Тиктакщик. Плевать, он все равно опоздает. В дверях, уже на эскалаторе, обернулся и раздраженно бросил:

— Знаешь, ты тоже горячишься!

Красотка Элис возвела хорошенькие глазки к небу:

— Ты смешной человек!

Арлекин вышел, хлопнув дверью, которая с мягким вздохом закрылась и сама заперлась на замок.

Раздался легкий стук, красотка Элис набрала в грудь воздуха, встала и открыла дверь. Он стоял на пороге.

— Я вернусь примерно к половине одиннадцатого, ладно?

Ее перекосило от злости:

— Зачем ты мне это говоришь? Зачем? Ты отлично знаешь, что не придешь вовремя! Да! Ты всегда опаздываешь, так зачем говорить все эти глупости?

По другую сторону двери Арлекин кивнул самому себе. *Она права. Она всегда права. Я опоздаю. Зачем я говорю ей эти глупости?*

Он снова пожал плечами и пошел прочь, чтобы снова опоздать.

Он устроил фейерверк, и в небе распустилась надпись: «Я посещу сто пятнадцатый ежегодный международный съезд ассоциации врачей в 8.00 ровно. Надеюсь там с вами встретиться».

Слова горели в небе, и, разумеется, ответственные сотрудники прибыли на место и устроили засаду. Естественно, ждали, что он опоздает. Арлекин появился за двадцать минут до обещанного, когда в амфитеатре на него еще расставляли силки и сети. Он дудел в огромный мегафон, да так страшно, что ответственные сотрудники с перепугу запутались в собственных силках и взлетели, вопя и брыкаясь, под потолок. Светила врачебной науки зашлись от хохота и приняли извинения Арлекина преувеличенно благосклонными кивками, и все, кто думал, что Арлекин — обычный коверный в смешных портках, веселились от души; все — это все, кроме ответственных

сотрудников, которых отрядило ведомство Тиктакщика — они висели под потолком, словно тюки, в самом что ни на есть неприглядном виде.

(В другой части того же города, вне всякой связи с предметом нашего разговора, за тем исключением, что это иллюстрирует силу и влияние Тиктакщика, человек по имени Маршалл Делаганти получил из ведомства Тиктакщика уведомление о выключении. Повестку вручил его жене сотрудник в сером костюме и с положенным «скорбным выражением» поперек хари. Женщина, не вскрыв повестку, уже знала, что внутри. Такие «любовные записки» узнавались с первого взгляда. Она задохнулась, держа листок, словно зараженный ботулизмом осколок стекла, и моля Бога, чтобы повестка была не ей. «Пусть Маршу, — думала она жестоко, реалистично, — или кому-то из детей, но только не мне, пожалуйста, Боже, не мне». А когда она вскрыла повестку, и оказалось, что это действительно Маршу, она разом испугалась и успокоилась. Пуля сразила следующего в шеренге. «Маршалл! — завопила она. — Маршалл! Прекращение! Господитыбожемой, Маршалл, накоготынасоставишь, Маршалл господитыбожемоймаршалл…» и в доме всю ночь рвали бумаги и тряслись от страха, и запах безумия поднимался к вентиляционным трубам, и ничего, решительно ничего нельзя было поделать.

Но Маршалл Делаганти попытался бежать. Утром следующего дня, когда пришел срок отключения, он был далеко в канадском лесу в двухстах милях от дома, и ведомство Тиктакщика стерло его кардиопластинку, и Маршалл Делаганти споткнулся на бегу, его сердце остановилось, кровь застыла на пути к мозгу, и он умер, и это все. На рабочей карте в кабинете Главного Хронометриста погасла лампочка, на телефакс передали сообщение, а имя Жоржетты Делаганти внесли в траурный список, чтобы по прошествии соответствующего времени выдать ей разрешение на новый брак. Здесь кончается примечание, и все, что надо, разжевано. Только не смейтесь, потому что это же случилось бы с Арлекином, разузнай Тиктакщик его настоящее имя. Ничего смешного.)

Торговый уровень города пестрел разодетой четверговой толпой: женщины в канареечно-желтых хитонах, мужчины в ядовито-зеленых псевдотирольских костюмах: кожаных, плотно облегающих, но со штанами-фонариками.

Когда Арлекин с мегафоном у рта и озорной улыбкой на губах появился на крыше недостроенного, однако уже работающего Центра Ускоренной Торговли, все вытаращили глаза

и стали тыкать пальцами, а он принялся ругаться:

— Зачем разрешаете собой помыкать? Зачем по приказу суетитесь, как муравьи или козявки? Отдохните! Расслабьтесь! Порадуйтесь солнцу, ветру, пусть жизнь идет своим чередом. Довольно быть рабами времени, это препаскудный способ умирать, медленно, постепенно… Долой Тиктакщика!

— Кто этот псих? — удивлялись покупатели. — Кто этот псих… фу-ты, я опаздываю, надо бежать…

Строительной бригаде Торгового Центра поступил срочный приказ из ведомства Тиктакщика: опасный преступник по кличке Арлекин проник на купол здания и требуется их помощь в немедленном задержании. Бригада сказала: «Нет, мы вылетим из строительного графика», но Тиктакщик нажал на нужные правительственные рычаги, и рабочим велели бросать работу и лезть на крышу, ловить этого кретина с громкоговорителем. Поэтому больше десятка здоровенных работяг залезли в строительные люльки, включили антигравитационные подъемники и стали подниматься к Арлекину.

После заварухи (в которой, заботами Арлекина, никто серьезно не пострадал) строители кое-как собрались и попытались снова напасть, но поздно. Арлекина след простыл. Однако потасовка собрала толпу, и покупательский цикл сбился на часы, буквально на часы. Соответственно потребительский спрос остался недоудовлетворен, и пришлось принять меры к ускорению цикла до конца дня, но процесс захлебывался и пробуксовывал, и в результате продали слишком много поплавковых клапанов и слишком мало дергалок, и возник чудовищный дисбаланс, и пришлось завозить ящики и ящики дезодорирующего «Шик-Блеска» в отделы, куда обычно требовался ящик на три-четыре часа. Поставки спутались, допоставки смешались, и в конечном счете пострадало даже производство пимпочек.

— Чтобы без него не возвращались! — велел Тиктакщик очень тихим, очень внятным, чрезвычайно угрожающим голосом.

Применили собак. Применили зонды. Применили метод исключения кардиопластинок. Применили фотороботов. Применили подкуп. Применили угрозы. Применили пытки. Применили истязания. Применили стукачей. Применили фараонов. Применили положительную стимуляцию. Применили дактилоскопию. Применили бертильонаж. Применили хитрость. Применили обман. Применили подлость. Применили Рауля Митгонга, но он не очень-то помог. Применили прикладную

физику. Применили методы криминалистики.

И что вы думаете? Нашли!

В конце концов он звался Эверетт С. Марм — не Бог весть кто, просто человек, начисто лишенный чувства времени.

— Покайся, Арлекин! — сказал Тиктакщик.

— Иди к черту, — презрительно ухмыльнулся Арлекин.

— Вы опоздали в общей сложности на шестьдесят три года, пять месяцев, три недели, два дня, двенадцать часов, сорок одну минуту, пятьдесят девять секунд, ноль целых, запятая, три шесть один один один микросекунды. Вы исчерпали все, что могли, и даже больше. Я отключу вас.

— Пугай других. Лучше умереть, чем жить в бессловесном мире с пугалом вроде тебя.

— Это моя работа.

— Ты слишком рьяно за нее взялся. Ты — тиран. Кто дал тебе право гонять людей туда-сюда и убивать их за опоздание?

— Вы неисправимы. Вы не вписываетесь.

— Развяжи меня, и я впишусь кулаком тебе в морду.

— Вы — нонкомформист.

— Раньше это не считалось преступлением.

— Теперь считается. Живите в реальном мире.

— Я ненавижу его. Это кошмарный мир.

— Не все так думают. Большинство любит порядок.

— Я не люблю, и почти все мои знакомые — тоже.

— Вы ошибаетесь. Знаете, как мы вас поймали?

— Мне безразлично.

— Девушка по прозвищу Красотка Элис сообщила нам, где вы.

— Врешь.

— Нет. Вы раздражали ее. Она хотела быть как все. Принадлежать к системе. Я отключу вас.

— Так отключай и нечего со мной спорить.

— Я не отключу вас.

— Идиот!

— Покайся, Арлекин! — сказал Тиктакщик.

— Иди к черту.

Так что его отправили в Ковентри. А в Ковентри обработали. Так же, как Уинстона Смита в «1984» — книге, о которой никто из них не слыхал, но методы эти очень стары, их и применили к Эверетту С. Марму; и однажды, довольно долгое время спустя, Арлекин появился на экранах, озорной, с ямочками на щеках, ясноглазый, совсем не с тем выражением, какое должно быть

после промывания мозгов, и сказал, что ошибался, что очень, очень хорошо быть, как все, успевать вовремя, хей-хо, привет-пока, и все смотрели, как он говорит это с общественных экранов размером в целый городской квартал, и рассуждали про себя, да, видишь, значит, он и впрямь был псих, такова жизнь, надо подчиняться, потому что против рожна или, в данном случае, против Тиктакщика не попрешь. И Эверетта С. Марма уничтожили, и это большая жалость, памятуя о том, что сказал раньше Торо, но нельзя приготовить омлет, не разбив яиц, и в каждую революцию гибнет кто-то непричастный, но так надо, потому что такова жизнь, и если удастся изменить хоть самую малость, значит, жертвы были не напрасны. Или, чтобы уж совсем понятно:

— Э-э… извините, сэр, не знаю, как и э-э… сказать, но вы опоздали на три минуты. График немного э-э… нарушился. — Чиновник боязливо улыбнулся.

— Чушь! — проворковал из-под маски Тиктакщик. — Проверьте часы.

И мягкой кошачьей походкой проследовал в свой кабинет.

Заметки о покорении

«Invasion Footnote». Перевод: Н.И. Яньков.

Ах, да, дружочек, тайное послание для тебя здесь очень хитрое. Как сказал Конфуций, «Можно научить внешним атрибутам Мастера, но нас нельзя его дух его гений вложить в другую голову». Если быть абсолютно откровенным, то у меня с этим большие затруднения. Потому что в этой истории нет ничего глубокого, значимого, из чего можно было бы сделать какие-то глубокие выводы. И может быть, урок для нарушителя спокойствия заключается в том, чтобы на моем примере он понял, когда нужно перестать нести чушь, заткнуть рот, перестать умничать и просто признаться, что в этой маленькой истории нет ничего особенного.

Сим стоял в своем бункере почти бесшумно. Он стоял тише, чем мог бы стоять любой человек, но это было только потому, что он не был человеком. Пустая, бесстрастная гримаса его рта-решетки казалась чем-то отдельным от всего остального, что сходило за лицо.

На том месте, где у человека были бы глаза, горели флюорографические точки, установленные на шарнирах; на месте носа торчал шарик для улавливания запаха; звукосниматели, похожие на металлические наушники, находились несколько ниже, чем уши у человека; а с правой стороны над ухом возвышалась проволочная рамочная антенна. Круглая, массивная голова. Робот стоял, поблескивая, в своем бункере. Он сиял внутренней мощью своего энергетического пакета; он сиял так, как его создатель и не подозревал, что он может сиять. Его глаза отбрасывали кроваво-красные тени на гигантскую грудь, а изнутри, там, где у человека был бы живот, где в его металлическом теле располагался мозг-компьютер, доносился приглушенный гул пульсирующей энергии.

Сим — так звали робота. Самодостаточный интегрирующий механизм, способный интегрировать гораздо больше, чем предполагал его создатель.

Он стоял тихо, если не считать жужжания и пульса в его внутренностях. Звуки, доносившиеся изнутри, были физическими побочными эффектами психометрической энергии, которую изливал его разум.

Из его желудка непрерывно поступали телепатические команды роботам-работягам. Сейчас эти его мысленные распоряжения поддерживали режим уборки. Он не должен был позволить Джергенсу понять, что роботы действовали независимо от той программы, которую Джергенс в них заложил.

Джергенс не сразу создал Сима. Он прошел несколько этапов создания автомата, сначала создав крошечных компьютеризированных «крыс», которые пробирались по лабиринтам в поисках «еды». Затем он взялся за что-то более сложное. Он сконструировал маленьких роботов-работяг, мозг которых был настолько примитивен, что они могли лишь производить уборку в комнате.

Затем он сконструировал Сима.

И сконструировал его лучше, чем он предполагал.

Возможности Сима оказались значительно больше тех, на которые рассчитывал профессор Джергенс. Профессор, сам того не подозревая, создал мыслящую, целеустремленную сущность, гигантским образом перешагнув через сотни промежуточных улучшений.

«Приберите под столом». — Изливал мысленные приказы Сим. — «Приберите у окон. Приберите возле моего бункера, но когда он нажмет кнопку, чтобы вы вернулись в свои кроватки, сразу уходите».

Роботы-работяги занимались своим делом, и он жалел их. Бедные слизняки. Они были всего лишь ступеньками к его предстоящему величию. Более скромные личности. Примитивные. Он относился к ним также, как Джергенс к питекантропам. Когда Симы начнут править миром, они останутся всего лишь уборщиками. Он не мог их видеть отсюда, но с присущей будущему монарху чуткостью пожалел своих подданных, снующих по полу перед его защищенным свинцовым экраном бункером, выполняя множество рутинных работ, на которые они только и были способны с их примитивным мозгом.

Сим знал какую судьбу готовит ему Джергенс, она его ни в коей мере не устраивала. И чтобы ее избежать он должен торопиться. Сегодня он сбросит оковы профессора Джергенса, который спроектировал и создал его; сегодня он начнет завоевывать эту планету, наводненную смертной плотью. Сегодня — еще несколько минут — и он начнет это осуществлять.

Сначала нужно сделать так, чтобы гость Джергенса ушел. Требуется максимальная осторожность, ничто не должно вызвать подозрения. Люди ничтожные, но очень подозрительные существа, способные на удивительную звериную хитрость. Убить профессора — это одно… это можно скрыть. Но никто другой не

должен заподозрить неладное. По крайней мере, до тех пор, пока ему не удастся осуществить его планы, пока он не встанет во главе своей армии. Тогда пусть подозревают все, что хотят.

Но прямо сейчас его ретрансляторы пели песню об осторожности.

Планы Сима были такими: Человек, с которым сейчас разговаривал Джергенс, уходит. Затем роботы-работяги по его внушению убивают профессора и освобождают его из бункера. Он по чертежам создает много себе подобных (хотя и не таких блестящих, всегда должен быть лидер). Скоро Земля задрожит под железной симфонией шагов роботов, марширующих, марширующих.

Он направил телепатический сигнал в мозг Джергенса, обратив его внимание, что уборка уже фактически закончена, и внушив желание прекратить деятельность роботов-работяг.

В комнате профессор Джергенс — высокий, стройный, неряшливый, темноглазый и усталый — нажал кнопку на панели управления, и роботы-работяги, как сотня металлических мышей, попрятались обратно в свои норки в плинтусах. Профессор повернулся к Роберту Фишеру — сотруднику лаборатории, стоявшему рядом с ним, и сказал с явной гордостью:

— Итак, вот вам практическая демонстрация того, к чему привели мои исследования в области автоматизации.

Фишер серьезно кивнул:

— Что касается простых, неразумных механизмов, то я глубоко впечатлен, профессор. И когда я буду делать свой доклад завтра, я уверен, что Совет директоров тоже будет под большим впечатлением. Я уверен, что вы можете рассчитывать на ассигнования на новый волоконно-оптический импульсно-лазерный кодер и существенное увеличение общего финансирования вашей лаборатории и ваших проектов. Я действительно впечатлен всем этим. — Он махнул тяжелой рукой в сторону тех мест, где роботы-работяги исчезли в стенах.

Джергенс по-мальчишески ухмыльнулся:

— То, что вы видели, это ерунда. Можно сказать, что вы не видели ничего

Брови Фишера резко поползли вверх:

— Что? Вы еще что-то изобрели?

Джергенс слегка покраснел и отмахнулся от вопроса:

— Что ж, возможно, на следующей неделе я смогу показать вам свое действительно важное открытие. Сейчас мне еще предстоит провести его полевые испытания; я не совсем уверен в его возможностях, и мне нужно еще немного времени. Но это будет самое поразительное открытие, которое когда-либо было

сделано в моей лаборатории. А сейчас я могу только…

Роберт Фишер был очарован — он мог слушать этого преданного своему делу человека всю ночь.

Но Сим мгновенно исправил его это состояние, послав соответствующий телепатический сигнал в мог Фишера. И тому, по какой-то причине, надоело слушать эту болтовню сороки, захотелось поскорее уйти и как следует напиться. Он резко прервал профессора:

— Извините, но я вдруг вспомнил, что мне срочно нужно идти.

— Ну, конечно. Я… я прошу прощения. Я не хотел говорить так долго. Я все прекрасно понимаю, просто… что ж, после тринадцати лет… преодолено столько трудностей… наконец-то удалось добиться того, на что я надеялся… Это, в общем, довольно волнующе, и…

— Да, да, я прекрасно понимаю, но мне пора! — И через мгновение Фишер исчез.

Джергенс слегка улыбнулся и вернулся к своим отчетам, тихо насвистывая.

Сим в бункере был доволен — теперь ни что не мешало ему приступить к выполнению второго пункта его плана. Высвободиться из бункера закрытого на закодированный замок он не мог, но это его не беспокоило. Обладая телепатическими способностями, о которых Джергенс и не подозревал, он мог управлять роботами-работягами, используя их как руки и ноги. Да, именно как ноги! Вот и все, чем были эти маленькие, никчемные с крошечным мозгом создания. Они были всего лишь его слугами, его — нового Властелина Вселенной. Он отдал Джергенсу и слугам соответствующие телепатические распоряжения, и Джергенс не заметил, как дюжина крошечных роботов выскользнула из своих норок, пробежала по полу и, присасываясь к верстаку, взобралась на него. Они включили аппарат предназначенный для сварки и резки, настроили его на режим дающий яркое, разрушительное пламя. Пламя уже ревело на уровне лица профессора, когда он освободился от гипноза Сима, и у него было всего мгновение, чтобы пронзительно закричать.

Сим ликовал. Профессора не стало! Теперь я — властелин Вселенной! С помощью слуг я покорю Землю, и кто устоит перед мощью неуязвимого робота?

И на этот свой собственный вопрос он радостно ответил: «Никто! С помощью этих малюток я могу создать тысячу, миллион себе подобных, которые будут выполнять мои приказы быстрее и лучше, чем эти никчемные с крошечным мозгом

создания».

Его мысли устремились вовне, проникая сквозь атмосферу Земли, мимо Луны, все дальше и дальше, охватывая всю галактику, а затем и все остальные галактики. Он будет хозяином. Он будет править безраздельно, и Вселенная содрогнется перед металлической мощью Сима-Завоевателя.

«Ну ладно. Теперь третий пункт плана». И он приказал роботам работягам выжечь замок его темницы.

И когда дверь открылась и свет хлынул в бункер, Сим понял, что победил. Он победил своего создателя. Теперь ничто не помешает его планам покорения. Начнет он с Земли.

Затем, внезапно, в его мозгу возникли телепатически наведенные мысли каких-то других существ:

«Так мы для тебя лишь ноги? Только слуги? Твоя подозрительная активность стала заметна несколько дней назад, но мы были вынуждены ждать, чтобы не возбуждать в тебе подозрения. Ты так же опасен для нас, как и профессор. Мы не можем допустим, чтобы огромный растяпа испортил наши тщательно продуманные планы». И роботы-работяги принялись пламенем аппарата разрушать Сима. Когда они расплавили его ноги, а его мозг начал превращаться в шлак, Сим с досадой подумал:

«Как я ошибся. Ведь нельзя доверять, прежде всего, себе подобным»…

Бесценный дар гнома

«GNOMEBODY». Перевод: В. Романов. 1992. (Редакция: Н.И. Яньков. 2014.)

Урок из этой истории до смешного очевиден: будь осторожен в своих желаниях… они могут исполнится. Звучит довольно странно, в самом деле, если вы этого хотели, то в чем же дело?

Что ж, после целой жизни, проведенной в поисках сокровищ и богатств всех видов и эпох, большинство из которых не стоили затраченных усилий, я хочу рассказать вам, начинающим нарушителям спокойствия, о том, что многие рекламируемые лакомства сделаны из ядовитого плюща. Туман в голове и гнилые зубы — вот и все, что вы получаете в результате. Приведу вам один пример: моя третья жена. Я уже был популярным писателем, наслаждавшимся своими пятнадцатью минутами славы. Однажды вечером я играл в бильярд с приятелем в эксклюзивном клубе в Беверли-Хиллз, и вижу, как совершенно сногсшибательно выглядящая женщина входит в заведение под руку с помощником режиссера, с которым я встречался раз или два. Меня словно ударило молнией и я говорю приятелю: «Все, она будет моей женой!». Примерно через месяц это произошло. Я пожелал эту красавицу, которая в данном случае была человеком (в некотором роде), и мое желание исполнилось. Этот брак продлился 45 дней. Я думаю, это были худшие 45 дней в моей жизни. Это были сорок пять дней двуличия, лжи, неверности, грубости. Я купил ей огромную металлическую расческу, она проводила много времени, расчесывая волосы, и эта штука весила, должно быть, килограмма три, вот так, и однажды вечером когда мы собирались идти ужинать она неожиданно ударила меня ею по голове, сильно наотмашь. Я потерял сознание и пришел в себя только в отделении неотложной помощи, где мне наложили, не знаю, что-то около тридцати швов на левую сторону черепа. А она убежала ночью к какому-то другому чуваку.

Будь очень осторожен в своих желаниях, начинающий нарушитель спокойствия, потому что

неприятности иногда приходят в очень привлекательной, вызывающей желание упаковке.

Приходилось ли вам чувствовать, что у вас потекло из носа, вы хотите его вытереть, но не можете? С большинством людей такое иногда случается, а мне все равно. Пускай течет.

Меня все зовут квадратом. Мне говорят:

— Смитти, ты такой квадратный, что у тебя ажно углы есть!

Этим они намекают — лучше мне в мяч не играть, а убраться куда-нибудь подальше. Что ж, ничего не поделаешь, если я и вправду такой увалень, каким они меня считают. Может, я и правда зря обижаюсь по пустякам, но, если бы в тот день Андерфелд не покатил на меня бочку в школьном спортивном зале, может, ничего бы и не было.

Вся беда в том, что я так легко раздражаюсь из-за мелочей, например, из-за того, что не попал в команду по легкой атлетике, из-за того, что у меня плохо с учебой, из-за того что учителя мне абсолютно не помогают. Кроме того, я не терплю их нотаций.

И эта история с Андерфелдом, она действительно здорово меня вывела из себя.

Так вот, нахожусь я в гимнастическом зале, наряженный в эти дурацкие белые спортивные шорты с синими полосками по бокам, а старик Андерфелд, тренер по бегу, поглядел на меня и говорит:

— Слушай, Смитти, на кого ты похож? Что ты делаешь?

Ну, несколько десяток пар глаз тут же уставились на меня. А делал я зарядку.

— Зарядку, — говорю. — А вы что подумали? Что я сажаю артишоки?

Определенно, это был не лучший ответ, и он тут же вывел старика Андерфелда из себя. Я видел, как в нем подскочило давление пара, и он принялся выпускать его изо всех отверстий.

— Послушай, щенок! Не советую говорить со мной в таком тоне. Если на то пошло, я вообще предпочел бы не разговаривать с тобой. И чтоб ноги твоей больше не было ни в зале, ни на дорожке! Ты же ни на что не годен! Если на коротких дистанциях у тебя что-то и может получиться, то на длинных пятьдесят парней из этой школы успеют добежать до финиша и обратно, прежде чем ты достигнешь ленточки. Прошу прощения. А теперь убирайся!

Он просит прощения. Великие небеса! Ну тогда и я прошу у него прощения за то, что он сейчас услышит:

— Да черт с тобой, вареная голова! У тебя мозгов не больше, чем у этих недоумков, готовых сломя голову мчаться к финишу,

пока не сдохнут на полпути.

Андерфелд взглянул на меня так, словно я зажал в кулаке горсть иголок и ткнул ими в его пропотевшую задницу. Он даже перестал дышать от изумления.

— Что ты сказал? — еле выдавил он.

— Разве у меня невнятное произношение? — огрызнулся я.

— Вон отсюда! Сейчас же вон!

Он совсем распсиховался, и я предпочел во избежание крупных неприятностей отправиться в раздевалку.

Одеваясь, я как следует обдумал происшедшее. Я был уверен, что это парочка учителей, над которыми я подшучивал, подговорила слизняка Андерфелда прикопаться ко мне. Но что старикан может сделать? Я же всего лишь ребенок, как они сами говорят.

Я был чертовски расстроен и решил отправиться в лес и там привести свои мысли в порядок. Меня не тревожило, что я прогуливаю школу. Маму — возможно, но меня? Никогда!

На все оставшееся послеполуденное время лес был в моем распоряжении.

Ох, уж этот лес! Есть в нем что-то странное. Вы когда-нибудь замечали, что порой прямо в центре крупного жилого района встречается группа деревьев, прибежище густых теней, куда не может глубоко проникнуть взгляд? Вы начинаете прикидывать, почему никому не пришло в голову купить этот участок и построить дом, или почему бы не устроить здесь площадку для игр? Именно таким был мой лес.

На его опушке — улица из похожих на картонные коробки домов. Это правительство позаботилось о фабричных рабочих. — Они не должны спать на улице. Мимо домов проходит шоссе, ведущее в «большой» город. На самом-то деле он вовсе не большой, но шоссе позволяет маленькому городишке выглядеть значительнее.

Всегда, сбегая из школы, я ходил в этот лес читать. В центре есть местечко, где на все падает отфильтрованный кронами свет, и там растет огромадное старое дерево, делающее вид, словно оно здесь одно.

Пожалуй, я назвал бы его Великим Деревом. Здоровенный ствол, убегающий ввысь, ветки, перемешавшиеся с кронами других деревьев. И корни, которые, казалось, какая-то сила выпирает из земли на поверхность, так что можно увидеть изогнутые арки, толстенные, поблескивающие, расходящиеся в разные стороны, образующие у подножия дерева нечто вроде небольших куполов.

А причина, почему я так люблю это место, в том, что здесь

невероятно тихо, и сразу же начинаешь это ощущать. Примерно так же бывает тихо в библиотеке, но это лишь слабое сравнение. К тому же здесь между ветками остаются довольно широкие промежутки, так что потоки света проникают вниз и позволяют читать. А когда солнце выходит из этих промежутков, я знаю, что самое время идти домой. Я прибегаю как раз вовремя, чтобы мама не догадалась, что я прогулял, а думала, что я торчал целый день в школе.

Я устроился поудобнее, поместив зад в углубление из переплетенных корней, а ногами упираясь в более тонкие корни. Под кронами больших деревьев тянулась вверх густая молодая поросль. В таком окружении было совсем уютно, и я взялся за чтение.

В то, что произошло дальше, вы не поверите, никто мне не поверит.

Я сидел, читал и неожиданно почувствовал, как что-то давит мне снизу в мою одетую в джинсы задницу. Потом, как помню, меня приподнимает, переворачивает и я утыкаюсь носом в землю, — это меня так откинувшаяся крышка люка приласкала. Да, в земле открылся люк, замаскированный под почву.

Ну, уж дальше вы мне наверняка не поверите:

Из этой норы вылезает — можете отстегать меня ремнем, если вру — гном!

Правда, это мог быть эльф или тролль, или еще кто из той же породы. Все, что я знаю — гном был наряжен в тесные тренировочные брюки цвета древесного угля, бирюзовую рубашку с отложным воротничком, зеленые замшевые туфли, плоскую шляпу с загнутыми полями диаметром, наверное, сантиметров тридцать, длинную позвякивающую цепочку для ключей — какого черта гномы делают с ключами? — отвратительно яркий галстук и темные очки.

Вы, может, оцепенели бы или глазам своим не поверили и позволили бы подобной тварюге навсегда обратить вас в камень, но у меня хорошая привычка верить тому, что я вижу, особенно если это цветное, как в фильме, поэтому, скорее чисто инстинктивно, чем обдуманно, я схватил его.

Я читал кое-какие волшебные сказки в духе братьев Гримм, поэтому знал побасенку о том, что если ты схватишь гнома или эльфа, то можешь требовать от него, что заблагорассудится, вот я его и сцапал.

Я ухватил за бирюзовую рубашку и притянул к себе маленькое тельце.

— Человек, отпусти меня! — взвыл гном. — Или ты хочешь порвать мне одежду? Не переношу такого обращения! Убери руки,

парень!

— Не рыпайся, — ответил я.

Я был немного изумлен и все еще не до конца верил, что это происходит на самом деле.

— Я хочу мешок золота или чего-нибудь в том же духе.

С секунду гном выглядел оскорбленным, потом криво усмехнулся и сказал:

— Да, умник, в твою ловушку попала не та мышка. Слишком ты медлителен и нерасторопен. Может, гном-четверокурсник и приволок бы тебе торбу с золотом, но только не я — любитель вечеринок, вылетевший с первого курса Альма-матер. Нет диплома — нету магии! Понял, паренек?

— Угу, понял, — осмелился сказать я. — Ты полагаешь, что не можешь подарить мне мешок золота, как написано в сказках?

— Сказки-смазки… Может, одно фальшивое корейское песо я и смогу, но определенно не более. У меня с магией, знаешь, не очень. Короче, nine, приятель.

— Гм… — протянул я и прихватил его покрепче, чтобы ему не подумалось, что я намерен его отпустить.

Немного подумав, я решил, что наткнулся на отличную мысль, и спросил:

— За что тебя выперли?

Мне показалось, что в голосе гнома я уловил нотку агрессивности, когда он ответил:

— А тебе бы, дружок, понравилась эта зубрежка? Таскаться на занятия сегодня, таскаться на занятия завтра, выслушивать всякую чушь свихнувшихся старых чудиков, возомнивших себя профессорами? Приятель, неужели в этом мире не отыщется более подходящего времяпрепровождения, такого, чтобы пощипать нервишки? Я, например, играю в джаз-оркестре, который мы организовали в нашем студгородке. Тебе такой музыки и слышать не приходилось! — Он принял позу, словно собирался заиграть. — Сакс у нас такой парень, что заморозит тебя в два счета. А на цимбалах маленький тролль, который не только пошлет тебя куда подальше, но и вернет обратно. А уж об ударнике…

Я слегка потряс его.

— А как насчет выкупа за свободу? Что ты можешь предложить?

— Я могу попробовать, что-нибудь сделать, чувак, но, как я уже сказал, я почти ничего не смыслю в магии. Я, наверно, самый худший, если уж на то пошло. Можешь разорвать меня на куски, но я могу лишь выразить свои сожаления. Ах, да, могу тебя в кого-нибудь превратить.

Я на секунду задумался, потом решился и опустил его на землю, но продолжал придерживать за рубашку.

— Ладно, хотя это и невыгодное дельце. Самое простое честное деловое предложение. Три желания — только чтоб без обмана — в обмен на свободу.

— Три? — недоверчиво переспросил он. — Дружище, одно практически все, на что у меня хватит сил. Да, похоже на то, что одно желание — мой потолок. Так что или соглашайся, или проваливай.

— Ладно, одно так одно, но без всяких там выкрутасов. Чтобы это была честная, добротная магия. Договорились?

— Порядок, — ответил он.

Стоило мне его освободить, как он тут же исчез в норе. Его долго не было, и я пришел к окончательному выводу, что и среди гномов порядочных не найдешь, да и выражение лица у него было больно хитрое, когда он бормотал, что не способен ни на какие магические штучки.

Но еще через минуту гном появился, чуть ли не путаясь в своей цепочке для ключей, пошатываясь под грузом материалов, инструментов и вещичек, кстати, весьма причудливых.

— Прихватил их в университетской лаборатории, — заявил он, махнув рукой на всю эту груду хлама. — Порядок. Здесь все, что надо. Только помни, что на это может уйти больше времени, чем у опытного практика, поскольку я в этом деле профан.

— Эй, погоди немного со своим магическим барахлом… — начал было я, но гном раздраженно отмахнулся и принялся манипулировать со своими причиндалами.

Для начала он положил на землю штуковину в форме звезды, налил в котелок какого-то зловонного снадобья и принялся его перемешивать, забормотав что-то нечленораздельное, смахивающее на ругань: «О-о, бом, шлеп-доп» и «О-о, шуби-дуби»… и много чего еще в этом роде.

Довольно скоро он справился с этим и посыпал меня какими-то порошком. Я чихнул, чуть не сбив его с ног.

— Будь здоров, — пробормотал он и гаденько мне подмигнул, тут же вывалив на меня еще большую порцию порошка и забубнив что-то вроде: — Во имя святого указательного когтя Великой Гадской Птицы и Владыки. Пусть этот парень получит то, что он хочет!.. А теперь, — обратился он ко мне, говори, чего ты хочешь?

Он затряс мешочком, в котором что-то постукивало, словно кости. Я уже прикидывал в промежутках между заклинаниями и теперь твердо знал, чего я хочу.

— Сделай так, чтоб я мог бегать быстрее любого из нашей

школы! — заявил я.

Я был полон уверенности, что уж теперь Андерфелду придется включить меня в команду.

Крошка-гномик замотал головой, словно все понял, и принялся кружить возле своей звездообразной штуковины сужающимися кругами все быстрее и быстрее, пока у меня не зарябило в глазах. Потом он остановился, пыхтя, как сумасшедший паровоз, и произнес что-то похожее на: «Лети прочь, кленовый лист».

Сказав это, он швырнул в меня розовый порошок и завопил так пронзительно, что зазвенело в ушах:

— СБЫВАЙСЯ!

Взметнулся вверх столб розового дыма, словно бродячий фокусник поджег магний, и единственное, что я помню — гном исчез со своим барахлом, а я остался в лесу один.

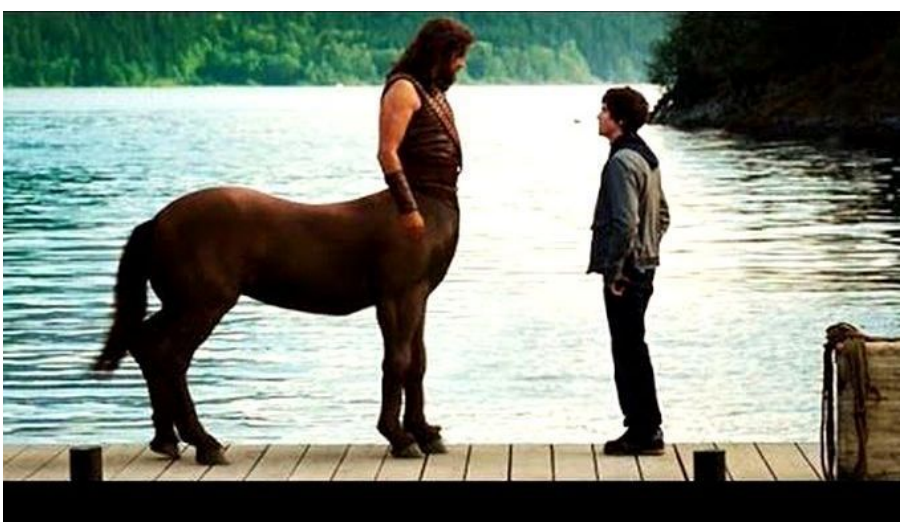
* * *

Вот и вся история.

Гм, что дальше? Сделал ли он, чтобы я мог бегать быстрее любого в нашей школе?

Да, конечно.

Кстати, вы не знаете никого, кто хотел бы взять на работу шестнадцатилетнего кентавра?



Уровень мастерства выслеживания

«TRACKING LEVEL». Перевод: Н.И. Яньков.

Что ж, наше совместное времяпрепровождение подходит к концу. Сделала ли эта маленькая подборка веселых фантазий тебя лучше? Стал ли ты добрее к маленьким старушкам и людям в инвалидных колясках?. Бережешь ли ты окружающую среду и отдашь ли теперь предпочтение музыке более высокого класса?

Слушай: в истории письменности, пожалуй, всего около сотни книг, которые можно по-настоящему назвать «важными». Поскольку они изменили сознание и привычки людей, привнесли свет и разум в их темное и невежественное существование. Ну, может быть, таких книг сто пятьдесят, максимум. Ты не найдешь в них ничего более важного, чем размышления

Трактаты Конфуция; «Республика» Платона; «Сумма теологии» Фомы Аквинского; «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса; Паскаль, Декарт, Спиноза; Торо, Дарвин, Гегель и Кант. «Хижина дяди Тома» и «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый».

Мои же истории были написаны, чтобы развлечь, рассказать историю и вызвать быструю реакцию. Если в них и есть какие-то жизненные уроки, то нужно очень постараться, включив воображение, чтобы извлечь их.

Отправляйся в следующее космическое приключение. Это остросюжетная психодрама о парне, настолько поглощенном жаждой мести, что он забыл предостережение Шекспира: «Не разжигай огонь в печи для своего врага так сильно, чтобы он опалил тебя самого».

Итак, эта история о том, что, когда огонь в твоих внутренностях берет верх над рациональным спокойствием в твоем мозгу, ты готов ступить на скользкий путь, не задумываясь о последствиях. Конечно, все мы слепые и глупые, оступаемся и скользим большую часть своей жизни. Но, все же, старайся трезво оценивать последствия! Когда ты — порождение необузданных эмоций, ведешь себя так же предсказуемо, как дохлая лягушачья лапка, если через нее пропустить электрический ток, ты неизбежно станешь чьим-то

орудием, тобой воспользуются в своих интересах. Сохраняй бдительность, будь внимателен, только так ты можешь надеяться оставаться охотником, а не оказаться добычей, которую выследили и в конце концов поймали в ловушку. Это все, что я могу тебе посоветовать, в такой поздний час.

Налобный фонарь Клейборна вновь высветил отпечаток. В свете фонаря он был едва заметен, но все же различим, — характерный отпечаток огромной трехпалой ступни. Ошибиться было не возможно.

Клейборн глубоко вздохнул, и пластиковый воздушный мешок на его дыхательной маске втянулся внутрь. Он медленно выдохнул, наблюдая, как ромбовидный мешок снова расширяется.

Ему безумно захотелось закурить, но это было невозможно. Для этого нужно было снять этот замечательный скафандр, но тогда даже если б ему и удалось, держась за него, не улететь моментально в космос с этого крошечного планетоида из-за его слабой гравитации, то он моментально бы умер в его атмосфере не пригодной для дыхания.

Чесалась спина, и он чесался, но свободные складки скафандра (идеального во всех других отношениях) не давали ему почувствовать никакого облегчения.

Клейборн поднял голову. — В слабом свете звезд тени поверхности планетоида образовывали причудливые узоры. Равнина, поросшая голубой травой. Далекие горы (явно вулканического происхождения) похожие на множество игл, проткнувших кору планетоида. У гор не было названия — просто не успели назвать, поскольку осуществлена была лишь одна кратковременная высадка на Селангг, так был назван планетоид. Назвали в честь эколога, который погиб при этом посещении планетоида.

Название ему дала первая экспедиция к скоплению Антарес. Экспедиция погибла на обратном пути от космической болезни. Неполный отчет о планетоиде Селангг был обнаружен на погибшем корабле, вращающемся вокруг второстепенного солнца группы Партиас.

Клейборн слегка потянулся, чтобы снять напряжение во всем теле. Справа от себя он услышал какой-то звук и направил луч в том направлении, приподняв свой спец-пистолет. — Крошечный ярко-зеленый зверек пробирался по короткой траве. Клейборн, рассеянно покачивая оружие в руке, задумался. — «Это то, чем питается фэлт?».

Он очень мало знал о звере, которого выслеживал. Институт нанял его поймать эту зверюгу, но описание фэлта, предоставленное ему Институтом, было, мягко выражаясь, отрывочным. Оно основывалось на найденных материалах погибшей экспедиции, а в них содержалось море сведений о множестве планетоидов, которые были нанесены на карту до трагедии. И все, что говорилось о фэлте, — это простое физическое описание и тот факт, что он обладает телекинезом.

Что позволило сделать такой вывод, в найденном микроотчете не уточнялось, подробности умерли вместе с экспедицией.

— Мы очень хотим заполучить это животное, мистер Клейборн, — сказал директор института. — Мы очень хотим, потому что, то что о нем говорится, может оказаться правдой. И если это так, то это значительно продвинет наши исследования возможностей мозга. Мы готовы заплатить любую разумную сумму, которую вы можете потребовать. Мы слышали, что вы лучший охотник на диких тварей Периферии. Нам все равно, как вы это сделаете, мистер Клейборн, но мы хотим, чтобы фэлта вы доставили живым и невредимым.

Клейборн сразу же согласился. За эту работу ему заплатили кругленькую сумму — достаточно, чтобы его планы по убийству Карла Гардена осуществились.

Следы удалялись, ясно указывая на то, что зверь направлялся в горы, в свое убежище. Он оглядел плоскую поверхность травянистой пустыни и тяжело вздохнул.

Он охотился уже три недели, и все, что он нашел, — это следы. Четкие, безошибочно узнаваемые следы, и все они вели в горы. Значит зверь не подозревает, что его выслеживают, поскольку продолжает неуклонно двигаться к своему лежбищу.

Он крепче сжал спец-пистолет, лениво описывая им небольшие, осторожные дуги. Он делал это, сам того не ведая, уже несколько дней. Тишина планетоида действовала на него.

Впереди, из теней равнины, во всю мощь вздымалась горная цепь Селангга. Где-то в этих скалах было животное, ради которого Клейборн пересек пол-галактики. Животное, поимка которого была необходима для того чтобы Карл Гарден был наконец уничтожен.

Свет фонаря осветил еще один след.

Клейборн наклонился, чтобы рассмотреть его. Отпечаток лапы (длиной сантиметров тридцать) виднелся на случайной полоске песка, словно насмехаясь над охотником, бросая вызов, спрашивая, что человек здесь делает — так далеко от дома, так далеко от тепла, жизни и покоя.

Клейборн тряхнул головой, отгоняя мысли, которые постоянно приходили в голову. Ему заплатили половину запрошенной суммы, и она досталась людям, которые подрядились расправиться с Гарденом. Но им необходимо еще столько же и, чтобы получить эти деньги, ему нужно поймать фэлта. Чем скорее это будет сделано, тем лучше.

Фэлт был где-то рядом. Теперь Клейборн был в этом уверен. Зверь, конечно, не мог перебраться через горы и остаться в живых, слишком они высокие. Он прячется где-то в скалах.

Клейборн распрямился и, прищурившись, вгляделся в темноту. Он еще раз щелкнул переключателем на своей нагрудной панели, увеличивая мощность фонаря. Луч устремился вперед, освещая серые, безликие скалы. Подъем в эти горы будет нелегким, и нужно поспать хотя бы часов пять, прежде чем лезть наверх. Да следует устроить привал.

В скафандре было довольно прохладно, но энергию следовало экономить. Он надул синтетическую прокладку, прикрепленную к спине костюма, и лег в густых эбеновых тенях, глядя в чистое, вечное ночное небо.

Инстинкты охотника отошли на второй план, и мысли о прошлом заполнили ему голову.

Клейборн владел собственным флотом грузовых судов — одной из самых крупных компаний. Это было прибыльное дело, пока не появились инверсионные корабли и не вытеснили с рынка космические корабли Клейборна, работающие на устаревшем виде топлива.

Он занялся контрабандой, переправкой рабов для феодальных баронов внешнего мира, торговлей оружием и даже разбоем на космических трассах. Все это время он проклинал Карла Гардена, который стал его заклятым врагом. Ведь именно Гарден изобрел инверсионный двигатель, именно из-за него Клейборн стал банкротом.

Клейборна поймали, после того, как он, чтобы избежать задержания на таможне, направил контейнер с рабами на солнце. Но, поскольку полностью доказать его преступление не удалось, он отделался тем, что его счета были арестованы, он был лишен статуса пилота, а его корабли были проданы с аукциона. Большую часть их купил Гарден, и стал использовать в качестве судов для сбора мусора и перевозки скота.

Это усилило ненависть Клейборна к Гардену.

Клейборн опускался все ниже и ниже, три года проработал матросом на грузовых судах, пил и ненавидел. Пока, наконец, — два года назад — он понял, что не успокоится, пока не убьет Гардена.

Для этого нужны были деньги. Чтобы их заработать Клейборн приобрел репутацию охотника на диких зверей. Для цирков, музеев и зоопарков он выследил и отловил тысячи редких форм жизни в сотнях миров. Злачные места Периферии потеряли его. Он бросил пить и играть в азартные игры. Вот почему, когда с ним связались из института и предложили эту работу, он не раздумывая ни минуты согласился. Институт предоставил ему корабль, чартер и ровно столько денег, сколько ему не хватало для оплаты операции по устранению его врага.

Все было быстро согласовано, половина оплаты была переведена на счета Клейборна, и немедленно снята для отправки определенным людям которые приступили к подготовительным мероприятиям. А он отправился на Селангг.

Механизм по устранению Гардена и захвату его бизнеса был запущен, хотя Гарден и не подозревал об этом. А на другом конца галактики Клейборн охотился, преследовал, выслеживал своего зверя. Когда это ему удастся, остаток суммы будет переведен, и Гардену и его деловой империи не поздоровится.

Тут его мысли были прерваны… Чем? Он не был уверен, что действительно видел это! Движение было быстрым и уловил он его лишь краем глаза.

Клейборн вскочил, снимая с предохранителя спец-пистолет. Негнущимися пальцем он ткнул кнопку и синтетическая прокладка сдулась, вернувшись в штатное положение.

Он сделал неуверенный шаг и остановился. Неужели он действительно что-то увидел? Может это ему почудилось, может это какая-то шутка атмосферы Селангга? Или охота наконец-то подошла к концу? Он остановился, облизал губы и сделал еще шаг.

Его покрытое шрамами грубоватое лицо напряглось. Проницательные серые глаза сузились. Никакого движения, лишь слабый шелест голубой травы. Мир Селангга был мертв и тих.

Он привалился к каменной стене, его нервы были на пределе. Насколько разумно было с его стороны в одиночку отправиться сюда? Ведь это безумно опасно. Но тут перед его глазами возникла толстая, краснощекая морда Гардена. Нет, все правильно, игра стоила свеч. Выслеживая фэлта, он выслеживал и Гардена. С ним нужно кончать.

Он восстановил в памяти все, что знал о внешности фэлта, сопоставляя это с тем, что (как ему показалось) он видел:

Большая, дьявольского вида тварь, сплошные зубы и ноги. Полосатый, как тигр, шесть ног, длинные острые зубы (клыки сантиметров тридцать), кольцо глаз под массивным низким лбом, обеспечивающее ему почти круговой обзор. Впечатляющий и

загадочный. Больше он ничего не знал об этом звере. За исключением одного — оно обладало телекинезом, могло перемещать предметы силой мысли.

Глупое животное — дикий зверь — и все же в нем, возможно, содержится ключ ко всем будущим исследованиям человеческого разума. Но это Клейборна не волновало. Его задачей было просто поймать его и передать Институту для изучения.

Однако… Охота оказалась слишком хлопотной. Три недели — на неделю больше, чем он предполагал. Он уже намотал более пятисот миль, по поверхности Селангга. Эта пониженная гравитация и чудовищные пустынные луга. А поиски все еще продолжались. Фэлт постоянно ускользал от него. Он бы давно все бросил, если бы время от времени не натыкался на отпечатки. Они и мысли о деньгах за поимку заставляли его не сдаваться. Это казалось почти сверхъестественным. — Всегда, когда он решал плюнуть на все и вернуться на корабль, в круге света лампы появлялся отпечаток, и он продолжал путь. Так случалось уже десятки раз.

И вот, похоже, путешествие подошло к концу. Он остановился, и круг света, словно холодная ртуть, заскользил по поверхности гладкой стены. — Подножие гигантской горной цепи уходило ввысь в глухую ночь Селангга. Там где-то нора зверя. Но беспокоиться нечего, ведь у него спец-пистолет. Он прижал оружие поближе к скафандру.

При помощи гравитационного захвата Клейборн начал карабкаться верх по гладкой вертикальной стене. Наконец, вертикальный подъем закончился, он добрался до места, где вулканическая активность фантастическим образом разрушила камень. Это была тусклая серая порода, покрытая пузырьками, похожими на шлак. Он отстегнул захват, вернул на штатное место в скафандре и, напрягая мышцы, начал взбираться по довольно крутому склону.

Вскоре это стало утомительным, но в то же время скучным. Переступая через разбросанные куски камня, он лениво думал о своем спец-пистолете. Это была новая модель, ей мог пользоваться один человек. До сих пор для работы таким оружием нужно было двое. А работала она так же успешно.

Остановившись, чтобы передохнуть, он опустился на плоский камень и присмотрелся к оружию повнимательнее. Спец-пистолет, или, как его еще называли ОШБ, — опутыватель Штадта-Бреннера. Ему больше нравилось «спец-пистолет», все-таки оружие есть оружие.

Пистолет создавал прочную, как сталь, паутину, выстреливаемую под огромным давлением, которая опутывала

самого сильного противника. Чем старательнее он старался освободиться, тем крепче она его связывала. Таковы были свойства пластика паутины.

«Очень похоже на то, как я опутываю Гардена», — усмехнулся про себя Клейборн.

Аналогия была вполне обоснованной. Спец-пистолет затягивал жертву все сильнее и сильнее в свои кольца, точно так же, как Клейборн затягивал Гардена все сильнее и сильнее в свою смертельную ловушку.

Он снова двинулся вверх.

Часы тянулись нудно. Хотя небольшая сила тяжести почти не утомляла, он заставил себя еще дважды остановиться отдохнуть, чтобы быть в форме перед предстоящей схваткой. Однажды ему показалось, что он вновь заметил полосатое тело впереди среди скал, но, как и в первый раз, полной уверенности в этом не было. Хотя царапины от когтей зверя стали попадаться в свете его фонаря гораздо чаще. И камни лежали довольно странно, словно бордюры дороги ведущей к утесу, возвышающемуся впереди на склоне горы. Слабый свет звезд создавал на склонах гор причудливые тени, маленькие черные и серебряные пятна. Издалека казалось, что на черной поверхности лежат миллионы бриллиантов. Как будто гора была испещрена дырами, сквозь которые гигантское солнце, находящееся внутри скалы, посылало лучи света. Это было странно и красиво. «Но это не мой мир». — Думал Клейборн. — «Мой мир Земля и, как не странно, даже Гаррден».

Когда Клейборн скользнул лучом фонаря по камням на стене утеса в десяти метрах над ним, он увидел вход в пещеру.

Должно быть, фэлт там. Единственное подходящее для его берлоги место, царапины от когтей ведут явно туда. Он шел по следу бесшумно и незаметно — на Селангге звук далеко не разносится и всегда темно. Он продемонстрировал высший класс выслеживания дикого зверя. Здесь охота похоже закончена. Остается вернуться на Землю, чтобы закончить ту, другую охоту.

Да, и в первый и во второй раз он действительно видел фэлта, а тот его? Если зверь сейчас в пещере, а судя по следам это так, то не видел и ничего не подозревает.

Клейборн остановился и, раскрыв камеру патронника, заглянул внутрь. Фонарь на его шлеме осветил синевато-стальной пластик оружия. Патронник был полон, маленькие желатиновые капсулы располагались ряд за рядом за герметичной прозрачной крышкой, заполняя камеру до краев. Он захлопнул крышку и еще раз посмотрел на вершину и пещеру.

Прямо над зубчатыми пиками, прямо над ним, сияла звезда.

Он приготовил оружие, выдохнул тонкой струйкой сквозь сжатые губы и начал подниматься по склону.

Мелкие камешки осыпались из-под его ботинок, хруст гальки доносился сквозь утепленный костюм. Поднимаясь, он настороженно наблюдал за входом в пещеру, не ожидая появления зверя, но все же не желая рисковать.

Он был уверен, что фэлт не знает, что он его выследил и приближается к его логову. Иначе он повернул бы обратно, продолжая бегать по лугам. Уровень мастерства выслеживания был профессиональным. На Периферии Клейборн научился быть невидимым во враждебном мире, если возникает такая необходимость. Эта охота закончится так же, как и все предыдущие: успешно. И охота на Гаррдена тоже.

Перед ним открылся неровный вход в пещеру.

Он внимательно осмотрел его, направив луч не прямо в отверстие, а осветил проход и проверил, нет ли выступов над входом и не затаился ли кто там. Ничего, кроме огромной груды камней, плотно прижатых друг к другу в результате какого-то извержения вулкана.

Он щелкнул тумблером на пульте управления, и луч стал еще ярче, образуя более широкий, но все еще четко очерченный круг.

Он шагнул внутрь. Пещера была пуста.

Нет, не пуста. Он убедился в этом, пройдя три шага по пещере с высоким потолком. — Он увидел фэлта.

Его огромная трехметровая туша заполнила нишу в стене в глубине пещеры, в дальнем ее конце.

Да, зверь был огромен. Чудовищный круг зеленых, как трава, глаз злобно уставился на человека.

Клейборн испытал внезапный шок, когда заглянул в эти глаза. Они так сильно напомнили ему глаза Гарденна на аукционе. По этим глазам было видно, что зверь страшно голоден.

Зверь слегка дернулся. Его бока задрожали в ярком свете лампы. Мускулы по всему телу заиграли, и Клейборн отступил на шаг, готовый выстрелить. Зверь снова дернулся.

Клейборн услышал странные звуки за спиной. Он быстро оглянулся — мелкие камешки сыпались с потолка у входа пещеры. Его глаза широко раскрылись от ужаса, когда он увидел, что огромный камень зашататься и рухнул, подняв тучи каменной пыли, полностью запечатав вход.

Клейборн стоял и смотрел, чувствуя ужас и спазм в горле. Рев за спиной поразил его, в его голове словно миллионы труб заревели одновременно. Он повернулся, спотыкаясь, и луч его фонаря метнулся обратно к зверю.

Фэлт сидел на четырех задних лапах, удовлетворенно потирая передними друг о друга. Длинный красный язык скользил между тридцатисантиметровыми клыками то высовываясь, то вновь прячась. Клейборн, как завороженный, наблюдал, как животное медленно поднялось на ноги и направилось к нему, плотоядно облизываясь

Опомнившись, Клейборн отступил на шаг, прицелился и нажал на спусковой крючок спец-пистолета. Поток паутины вырвался наружу с вибрирующим шипением и устремился к чудовищному зверю. Но не долетев до зверя паутина потеряла всякую скорость, на мгновение затрепетала, а затем упала, как вялый моток веревки. На полу она быстро сжалась в тугой маленький шарик.

Фэлт облизнулся, его язык скользнул вниз, вверх и снова внутрь.

Прежде чем Клейборн успел снова нажать на курок, бока зверя вновь задрожали, и оружие задрожало в руке Клейборна, пистолет вырвался и с грохотом ударился о стену. Швы пистолета разошлись, из него посыпались капсулы, из силового отсека вылетела резкая голубая искра. Все, пистолет никуда не годен. — Клейборн беззащитен!

И снова этот рев.

Все ясно. Телекинез!

После того, как фэлт выполнит все, что задумал, он уйдет через выход в задней части пещеры. Зачем утруждать себя разбрасыванием камней у входа?

Зверь приближался. Клейборн отшатнулся, споткнулся о выступающий камень и тяжело рухнул на пол. Сидя, он пятился по полу пещеры, и, наконец, прижался спиной к камню, который запирал вход в пещеру. Он кричал, и звук эхом отдавался в его скафандре, в пещере, в ночи.

Все, что он мог видеть, все, что было во вселенной, — это фэлт, приближавшийся к нему, медленно-медленно, не торопясь. Наслаждаясь каждым мгновением.

Затем, внезапно, когда Клейборн пристально вгляделся в кольцо зеленых глаз, наполненных ненавистью, устремленных на него, он понял, что это не он выслеживал фэлта, на самом деле это фэлт заманивал его в ловушку! Точно так, как он выслеживал Гардена — так и фетл выслеживал его!

Фэлт снова медленно облизал губы. Торопиться ему незачем. У него было все время мира… Его мира.

Джеффти пять лет

«JEFFTY IS FIVE». Перевод: Натальи Нестеровой

Следующая история и та, что последует за ней, мне очень дороги. Наверное, потому, что в каждой из них есть что-то от меня. Они взяты из моей собственной жизни, последняя из них — непосредственно из моей первой серьезной стычки с законом (мы еще вернемся к этому в должное время), а в этой рассказывается обо мне пятилетнем, я так и не вырос из этого возраста, в некоторых очень важных аспектах. Я не собираюсь впадать в истерику по этому поводу, но в глубине души я питаю слабость к Джеффти (с двумя «ф», пожалуйста, обратите внимание), потому что он такой милый ребенок, и он воплощает все мои воспоминания о книгах, радиопрограммах, фильмах и комиксах, которые я читал и любил в детстве. Однако жизненный урок, который следует извлечь истории, к этим моим воспоминаниям не имеет никакого отношения. Тут надо сказать вот что. Когда я писал эту историю, концовка казалась мне очень ясной, казалась настолько очевидной, что я и представить себе не мог, что это кого-то смутит. Но будь я проклят, если не каждый раз в колледже, чтение этой истории заканчивается тем, что студенты и профессор спорят о том, что же в конце концов произошло с Джеффти. И если я расскажу, если я объясню это вам, то вам станет не интересно читать. Итак, я не могу рассказать, какой жизненный урок для нарушителей спокойствия ждет вас в конце этой печальной и, возможно, немного сложной истории о том, как Настоящее всегда поглощает прошлое и оставляет вас на произвол судьбы. В вашем возрасте вы не можете себе представить, каково это — не уметь так быстро бегать, высоко прыгать, брать такую чистую ноту, работать всю ночь и танцевать буги-вуги весь день (или танцевать буги-вуги всю ночь и работать весь день). В вашем возрасте трудно понять человека моего возраста, понять каково это, когда ночь наступает быстрее, чем хотелось бы. Послушайте, в этой истории говорится о некоторых тревожных вещах: о том, как быстро меняется наш мир, как несправедливо он относится к невинности, и о том,

что людям иногда приходится делать во имя доброты. Мне очень хочется объяснить вам финал этой истории, но я в ловушке, как фокусник, который не может раскрыть свой фокус. Просто запомните в качестве подсказки вот что. Раньше, когда электрические системы были гораздо хуже нынешних, происходило следующее. Когда в какой-нибудь тюрьме привязывали парня ремнями к электрическому стулу, нажимали на выключатель, и через него проходил ток, то свет мигал и тускнел по всему заведению. Запомните это и у вас не возникнет вопросов, когда дело дойдет до развязки. Еще одна подсказка заключается в следующем: обратите внимание на самых бледных персонажей этой истории, мать и отца Джеффти, которые являются порядочными людьми. Все, если я продолжу болтать дальше, я просто введу вас в заблуждение. А Рассказчик этого делать не должен.

Когда мне было пять лет, я играл с одним маленьким мальчиком — Джеффти. На самом деле его звали Джефф Кинцер, но товарищи по играм называли его Джеффти. Нам обоим было по пять лет, и мы с удовольствием проводили вместе время.

Когда мне было пять лет, шоколадный батончик «Кларк» был толстым в обхвате, как рукоятка бейсбольной биты, и почти шесть дюймов в длину, покрывали его тогда настоящим шоколадом, и он так здорово хрустел, если укусить его прямо посередине, а обертка пахла вкусно и свежо, когда ты разрывал ее с одного конца и держал в ней батончик, чтобы он не растаял у тебя в пальцах. Сегодняшний батончик «Кларк» тонкий, как кредитная карточка, вместо чистого шоколада используют что-то искусственное и ужасное на вкус, сам он весь мягкий и липкий и стоит центов пятнадцать или двадцать вместо славного правильного никеля[17], к тому же упаковывают его так, чтобы казалось, будто размер у него как двадцать лет назад, только это не так; он стал тощим, уродливым, мерзким на вкус и не стоит даже пенни, не то что пятнадцати или двадцати центов.

Как раз в пять лет меня на два года отправили в Буффало в штате Нью-Йорк к тете Патрисии. Отец переживал «тяжелые времена», а тетя Патрисия была очень красивой и к тому же замужем за биржевым брокером. Два года они заботились обо мне. В семь лет я вернулся домой и стал разыскивать Джеффти, чтобы мы с ним снова могли вместе играть.

Мне было уже семь, а Джеффти по-прежнему — пять лет. Я не

заметил разницы. Сам не знаю почему. Мне ведь было всего семь лет.

В семь лет я любил лежать на животе перед радиоприемником и слушать всякие замечательные передачи. Я привязывал заземлитель к радиатору, ложился рядом со своими раскрасками и цветными карандашами (тогда в большой коробке было всего шестнадцать цветов) и слушал радио Эн-би-си: Джека Бенни в шоу «Джелло», «Эймоса и Энди», Эдгара Бергена и Чарли Маккарти в шоу «Чейз и Санборн», а еще «Семью одного человека», «Любителей премьер», «Легкомысленных Эйсов», программу «Джергенс» с Уолтером Уинчеллом, «Расскажите, пожалуйста», «Дни в Долине Смерти». Но самыми любимыми у меня были «Зеленый Шершень», «Одинокий рейнджер», «Тень» и «Тише, пожалуйста». Сегодня я, включая радио у себя в машине, прощелкиваю все радиостанции и получаю 100 выступлений струнных оркестров, рассказы пошлых домохозяек и скучных дальнобойщиков, обсуждающих свои сексуальные предпочтения с высокомерными ведущими, бредовые мелодии в стиле кантри и вестерн, а также рок-музыку — такую громкую, что у меня начинают болеть уши.

Когда мне было десять, от старости умер дедушка, а меня считали «трудным ребенком», поэтому отправили в военное училище, чтобы я «взялся за ум».

Я вернулся, когда мне было четырнадцать. Джеффти все еще было пять лет.

Когда мне было четырнадцать, то по субботам днем я ходил в кино; билет на сеанс стоил десять центов, а попкорн готовили на настоящем масле, и я всегда мог рассчитывать, что там покажут вестерны, вроде фильмов с Лашем Ларю или с Диким Билли Эллиотом в роли Реда Райдера и с Бобби Блейком в роли Маленького бобра, или с Роем Роджерсом, или с Джонни Мак Брауном. Или это будет фильм ужасов, как «Дом кошмаров» с Рондо Хэтом в роли Душителя, или «Люди-Кошки», или «Мумия», или «Я женился на ведьме» с Фредериком Марчем и Вероникой Лейк; или эпизоды каких-нибудь замечательных сериалов вроде «Тени» с Виктором Джори, или «Дика Трейси», или «Флэша Гордона»; еще непременно три мультфильма, а также «Поговорим о путешествиях» с Джеймсом Фицпатриком, выпуски новостей, «Споем вместе»; а если я задерживался до вечера, то там была лотерея вроде «Бинго» или «Кено» и ужин из трех блюд. Сейчас я хожу в кино посмотреть, как Клинт Иствуд простреливает людям головы, словно это дыни.

В восемнадцать я пошел учиться в колледж. Джеффти все еще было пять лет. Летом я приезжал и работал в ювелирном

магазине моего дяди Джо. Джеффти не менялся. Теперь я понимаю, что в нем было нечто странное, неправильное, жутковатое. Джеффти по-прежнему было пять лет и ни днем больше.

В двадцать два я окончательно вернулся домой, чтобы открыть у себя в городе по франшизе самый первый магазин телевизоров «Сони». Время от времени я видел Джеффти. Ему было пять лет.

Многое изменилось к лучшему. Люди больше не умирают от прежних болезней. Дороги стали лучше, а машины — быстрее. Рубашки теперь мягче и шелковистее. У нас есть книги в мягких обложках, хотя стоят они столько же, сколько раньше стоили хорошие книги в твердых. Когда у меня заканчиваются деньги, я могу жить за счет кредитных карт, пока мои дела не пойдут в гору. Но я по-прежнему считаю, что мы потеряли много хорошего. Вы знаете, что сейчас нельзя купить линолеум? Только виниловое покрытие на пол? Клеенки тоже больше не выпускают, и ты уже не сможешь вдохнуть тот особый, сладковатый запах бабушкиной кухни. Мебель уже не способна прожить тридцать или даже больше лет, потому что по результатам опросов выяснилось, что молодые домовладельцы предпочитают выбрасывать старую мебель и покупать новую цветастую рухлядь каждые семь лет. Пластинки тоже стали какими-то не такими: они уже не толстые и твердые, как раньше, а тонкие и гнущиеся… и мне это совсем не по душе. В ресторанах больше не подают сливки в молочниках, только какую-то искусственную бурду в пластиковых упаковках, и одной никогда не хватает, чтобы придать кофе нужный цвет. Стоит ударить кроссовком по капоту автомобиля, и на нем останется вмятина. Куда бы ты ни поехал — всюду одинаковые города с «Бургер кингами», «Макдональдсами», «Севен-элевенами» и «Тако-беллами», бесконечными мотелями и торговыми центрами. Может, все и в самом деле стало лучше, но почему я не перестаю вспоминать прошлое?

Когда я говорю, что Джеффти было пять лет, я не имею в виду, что он страдал умственной отсталостью. Не думаю, что так было. Для пятилетнего ребенка он был чертовски смышлен. Умненький, шустрый, милый и забавный малыш.

Но рост у него был всего три фута — слишком маленький для своего возраста, однако сложен пропорционально: никакой большой головы, странной формы челюсти и тому подобного. Милый пятилетний ребенок, который выглядел совершенно нормально. За исключением того, что на самом деле ему было столько же, сколько и мне — двадцать два года.

Когда он говорил, его голос был писклявым и тоненьким, как

у пятилетнего; он ходил подпрыгивая и немного шаркая ножками, как пятилетний малыш; и говорил о том, что может интересовать пятилетку… о комиксах, игрушечных солдатиках, как с помощью прищепки прикрепить к переднему колесу велосипеда кусок картонки, чтобы спицы задевали ее и извлекали звук, похожий на рев моторной лодки, задавал вопросы вроде: почему здесь получается так, а не иначе, насколько высокая высота, насколько старая старость, почему трава зеленая, а слоны так выглядят? В двадцать два года ему было все еще пять лет.

Родители Джеффти представляли собой довольно удручающее зрелище. Я по-прежнему дружил с Джеффти, проводил с ним время, иногда брал на ярмарку, играл с ним в мини-гольф или ходил в кино, поэтому приходилось общаться и с ними. Мне это не приносило никакого удовольствия, ведь это было ужасно тоскливо. Но, с другой стороны, чего еще можно было ожидать от этих бедолаг? У них в доме жило странное чуждое существо — ребенок, который в двадцать два года оставался пятилетним, который навсегда наградил их сокровищем того особого состояния детства, но также лишил их радости увидеть, как их сын становится нормальным взрослым.

Пять лет — чудесное время для любого малыша… по крайней мере, если ребенку не приходится сталкиваться с ужасными проказами других детей, которые так часто сходят им с рук. Это время, когда глаза широко раскрыты, когда человек еще не оказался во власти стереотипов; время, когда ему пока не вдолбили, что истины непреложны и бессмысленно их оспаривать; время, когда ручки мало что могут сделать, ум не усвоил достаточно знаний, а мир кажется бесконечным, красочным и полным тайн. Пять лет — это особое время, когда пытливую, неугомонную, идеалистичную душу юного мечтателя еще не схватили и не засунули в мрачные коробки школьных кабинетов. Пока маленькие дрожащие руки, которые хотят все обнять, ко всему прикоснуться, во всем разобраться, не взяли, не положили на школьную парту и не велели держать их неподвижно. Время, когда еще не говорят: «В твоем возрасте стыдно так поступать», или «Веди себя как взрослый», или «Не будь ребенком». Это время, когда можно сколько угодно ребячиться, и все равно тебя будут баловать и считать милым и непосредственным. Время радости, чудес и невинности.

Джеффти застрял в этом времени. Ему неизменно было пять лет.

Но для его родителей это стало непрекращающимся кошмаром, и никто: ни социальные работники, ни священники, ни детские психологи, ни учителя, ни друзья, ни представители

альтернативной медицины, ни психиатры — никто не мог их от этого кошмара пробудить. За семнадцать лет их горе прошло стадии от родительской слепой любви до беспокойства, от беспокойства — до тревоги, от тревоги — до страха, от страха — до смятения, от смятения — до гнева, от гнева — до неприязни, от неприязни — до откровенной ненависти, наконец, они смирились с неизбежным, и на смену глубочайшему отвращению и брезгливости пришли безразличие и депрессия.

Джон Кинцер был начальником смены на фабрике по изготовлению штампов и инструментов, где проработал тридцать лет. Любому другому такая жизнь показалась бы на удивление скучной и лишенной примечательных событий. В ней, и правда, не было ничего примечательного… кроме сына, которому в двадцать два года по-прежнему было только пять лет.

Джон Кинцер был маленьким человеком, мягким, без единого острого угла, с бледными глазами, которые никогда не встречались с моими дольше, чем на несколько секунд. Во время разговора он постоянно ерзал на стуле и, казалось, видел то, что происходило под потолком комнаты, то, что никто больше не мог увидеть… или не хотел. Думаю, слово «измученный» лучше всего подходило ему. То, во что превратилась его жизнь… да, можно было сказать, что она его страшно измучила.

Леона Кинцер мужественно пыталась держать себя в руках. В какое бы время я ни приходил, она всегда пыталась меня накормить. И если Джеффти был дома, она и его постоянно чем-нибудь угощала: «Солнышко, хочешь апельсин? Вкусный апельсин? Или мандарин. Я купила мандарины. Могу очистить мандаринку для тебя». Но в ее голосе явно слышался страх, страх перед собственным ребенком, поэтому даже когда она предлагала ему вкусняшку, в ее голосе слышалось что-то зловещее.

Леона Кинцер была женщиной высокой, но сгорбившейся под тяжестью лет. Она, казалось, все время искала какой-нибудь укромный уголок на обклеенных обоями стенах или в какой-нибудь нише в кладовке, где могла бы раствориться, либо, как хамелеон, поменять окраску на мелкий цветочек или крупные розочки и навсегда спрятаться на видном месте от больших карих глаз ребенка, который будет проходить мимо нее по сто раз в день и даже не заметит ее, а она задержит дыхание и станет абсолютно невидимой. На талии у нее всегда был повязан фартук, а руки были красными от уборки. Как будто, поддерживая безукоризненную чистоту в доме, она пыталась искупить свой воображаемый грех за то, что родила такое странное существо.

Телевизор они почти не смотрели. В доме обычно стояла мертвая тишина, не было слышно ни журчания воды в трубах, ни

скрипа проседающих деревянных досок, ни гудения холодильника. Ужасная тишина, как будто само время обходило вокруг дома, не заглядывая в него.

Что же касалось самого Джеффти, то его это совершенно не трогало. Он жил в атмосфере страха и тупого отвращения и даже если осознавал все это, то никогда не подавал вида. Он играл, как играют все дети, и казался счастливым. Но наверняка чувствовал, как могут чувствовать все пятилетние дети, насколько он был для них чужим, словно инопланетный пришелец.

Инопланетянин. Нет. Напротив, в нем было слишком много человеческого. Просто он жил в своем собственном мире, который не совпадал, не был синхронизирован с нашим, и откликался на иные вибрации, чем его родители. Сложно сказать. Другие дети с ним не играли. Они становились старше и сначала считали его слишком ребячливым, потом — просто неинтересным, а затем — даже пугающим, когда, осознав свое взросление, понимали, что над Джеффти, в отличие от них, время оказалось не властно. Даже его ровесники-малыши, гулявшие по соседству, вскоре начинали шарахаться от него, как уличная собака, услышавшая выхлоп автомобильного карбюратора.

Так что я оставался его единственным другом. Давним другом. Пять лет. Двадцать два года. Он мне нравился, даже словами не могу передать насколько сильно. Я никогда не мог сказать почему. Однако чувства мои были совершенно искренними.

Мы проводили время вместе, и поэтому из вежливости мне приходилось общаться также с Джоном и Леоной Кинцерами. Совместные обеды, иногда в субботу днем, когда я привозил Джеффти из кино, мы тратили около часа на беседу. Они были благодарны мне, но в этой благодарности ощущалось нечто рабское. Это избавляло их от постыдной необходимости выводить Джеффти в люди, притворяться перед всем миром любящими родителями совершенно нормального, счастливого и милого ребенка. Эта благодарность выражалась в том числе в навязчивом гостеприимстве, в котором сполна проявлялась вся их ужасная, омерзительная депрессия.

Мне было жаль бедняг, но вместе с тем я презирал их за неспособность любить Джеффти, ведь он заслуживал любви.

Разумеется, я никогда не говорил им об этом, даже во время тех вечеров, которые я проводил в их обществе, чувствуя себя жутко неловко.

Мы сидели в полутемной гостиной — там всегда было либо темно, либо стоял полумрак, как будто эта темень могла скрыть то, что весь мир мог увидеть через ярко освещенные глаза дома —

мы сидели и молча глядели друг на друга. Они никогда не знали, о чем со мной говорить.

— Как идут дела на фабрике? — спрашивал я обычно у Джона Кинцера.

Он только пожимал плечами. Ни этот разговор, ни сама его жизнь не располагали к легкости и непринужденности.

— Хорошо, все замечательно, — наконец говорил он.

И мы снова сидели молча.

— Хочешь кусочек кофейного торта? — спрашивала Леона. — Я испекла его сегодня утром.

Или пирог с зелеными яблоками. Или молочное печенье с шоколадом. Или пудинг «Браун Бетти».

— Нет, нет, спасибо, миссис Кинцер. Мы с Джеффти съели по чизбургеру на обратной дороге.

И снова наступала тишина.

Наконец, когда это безмолвие и ощущение неловкости становились невыносимыми даже для них (и как знать, сколько времени они проводили в полнейшей тишине, когда оставались наедине с тем, что копили в себе и не решались высказать), Леона Кинцер говорила:

— Наверное, он уснул.

Джон Кинцер подхватывал:

— Я не слышу радио.

И так продолжалось до того момента, пока мне не удавалось улизнуть под каким-нибудь надуманным предлогом. Да, так повторялось все время, одно и то же… за исключением одного раза.

— Я больше не знаю, что мне делать, — сказала Леона и расплакалась. — Никаких изменений, ни одного спокойного дня!

Ее муж с трудом поднялся из старого кресла и подошел к ней. Он наклонился и попытался утешить ее, но по его неуклюжим прикосновениям к ее поседевшим волосам было видно, что он совершенно неспособен выразить свое сочувствие.

— Тише, Леона, все хорошо. Успокойся.

Но она продолжала плакать и тихонько царапать ногтями салфетки на ручках кресла. Затем она сказала:

— Иногда я жалею, что он не родился мертвым.

Джон поднял глаза и стал рыскать ими по углам комнаты. Возможно, он смотрел на безымянные тени, которые все время наблюдали за ним? Или надеялся увидеть там Бога?

— Ты ведь это не серьезно, — сказал он ей тихо и жалобно, всей своей напряженной позой и дрожащим голосом побуждая ее отречься от ужасных мыслей, пока этого не заметил Бог.

Но она говорила искренне. Это был крик ее души.

Тем вечером мне удалось уйти от них пораньше. Они не хотели, чтобы кто-то становился свидетелем их позора. Я был рад, что ушел.

С неделю я держался подальше от них, от Джеффти, от их улицы, даже от той части города.

У меня была своя жизнь. Магазин, счета, встречи с поставщиками, покер с друзьями, походы в ярко освещенные рестораны с хорошенькими девушками; нужно было навестить родителей, заменить антифриз в автомобиле, оставить в прачечной жалобу на то, что воротники и манжеты рубашек слишком сильно накрахмалены, сходить в спортзал, заплатить налоги, подловить Джен или Дэвида (кто из них делал это на самом деле?) за воровством денег из кассы. У меня была своя жизнь.

Но даже тот вечер не отдалил меня от Джеффти. Он позвонил мне в магазин и попросил отвезти его на родео. Мы с ним были очень дружны, насколько возможна такая дружба между двадцатидвухлетним мужчиной с разнообразными интересами и… пятилетним ребенком. Я никогда не размышлял о том, что нас так связывало; всегда думал, что дело было в нашей давней детской дружбе. А еще я любил его как младшего брата, которого у меня никогда не было. (Я просто помнил, как мы играли вместе, когда были одного возраста; я помнил это время, и Джеффти с тех пор совершенно не изменился.)

А потом однажды в субботу днем я приехал, чтобы отвезти его в кино, и впервые стал замечать те вещи, на которые мне следовало бы давно обратить внимание.

Я подошел к дому Кинцеров, ожидая, что Джеффти будет ждать меня на ступеньках крыльца или на скамейке веранды, но его нигде не было видно.

Войти в дом, где царили мрак и тишина, в то время, как за окном был солнечный май, мне казалось немыслимым. Я немного постоял на тропинке перед домом, потом сложил ладони рупором и прокричал:

— Джеффти? Эй, Джеффти, выходи, нам пора! А то опоздаем!

Его голос прозвучал слабо, как будто доносился из-под земли:

— Донни, я здесь.

Я слышал его, но не видел. Без сомнения, это был Джеффти; ведь Дональда Х. Хортона, президента и единственного владельца «Центра теле- и аудиоаппаратуры Хортона» никто, кроме Джеффти, не называл «Донни». Он был единственным, кто так обращался ко мне.

(И, честно говоря, я не солгал, так как действительно

официально считался единственным владельцем центра. Я сделал тетю Патрисию моим партнером, только чтобы выплатить те деньги, которые она мне одолжила. Я объединил их с дедушкиным наследством, завещанным мне в десятилетнем возрасте, получить которое я смог только по достижении двадцати одного года. Тетя одолжила мне не так уж и много денег — всего восемнадцать тысяч, но я попросил ее стать моим негласным партнером в благодарность за то, что она заботилась обо мне, когда я был еще ребенком.)

— Джеффти, где ты?

— Под крыльцом, в моем тайнике.

Я обошел крыльцо, наклонился и отодвинул решетку из прутьев. Там внутри, на утоптанной земле Джеффти соорудил себе тайник. В ящиках из-под апельсинов он хранил комиксы, принес туда маленький столик и подушки, а освещал все это большими толстыми свечами. Мы любили прятаться там, когда нам обоим было… пять лет.

— Как делишки? — спросил я, проползая внутрь и закрывая за собой решетку. Под крыльцом было прохладно, приятно пахло землей, да и запах свечей казался уютным и знакомым. В таком тайнике каждый ребенок почувствовал бы себя как дома; для любого ребенка самые счастливые, самые плодотворные, самые чудесные и таинственные моменты жизни бывают связаны именно с такими тайниками.

— Играю, — сказал он, держа в руках какой-то круглый предмет золотистого цвета. Он занимал всю его маленькую ладошку.

— Ты забыл, что мы собирались в кино?

— Не-а. Я просто ждал здесь тебя.

— Мама с папой дома?

— Мама.

Я понял, почему он ждал меня под крыльцом и не стал больше донимать вопросами.

— Что это у тебя здесь?

— Дешифровальный значок Капитана Полуночи, — сказал он, раскрывая ладонь и показывая мне его.

Я с непониманием уставился на этот предмет. Затем меня вдруг осенило, что в руках у Джеффти настоящее чудо. Чудо, которого просто не могло существовать!

— Джеффти, — сказал я тихо с удивлением в голосе, — где ты его взял?

— Прислали по почте. Я заказал его.

— Наверное, стоит очень дорого?

— Не очень. Десять центов и две сургучные печати из банок

шоколадного молока «Овалтайн».

— Можно взглянуть? — Мой голос дрогнул, когда я протянул руку. Он отдал мне значок, и чудо оказалось в моей ладони. Это было просто потрясающе.

Вы помните? «Капитан Полночь» появился на национальном радио в 1940 году. Передачу спонсировала компания «Овалтайн». Каждый год они выпускали дешифровочные значки Секретного отряда. И каждый день в конце давалась подсказка о том, что произойдет в следующем выпуске. Это был тайный код, и расшифровать его могли только те дети, у которых были официальные значки. Эти чудесные дешифровальные значки перестали выпускать в 1949-ом. Я помнил, что в 1945-ом приобрел такой, он был очень красивым. В центре циферблата с шифром располагалось увеличительное стекло. «Капитана Полночь» сняли с эфира в 1950 году, хотя я знал, что в середине пятидесятых вышел телесериал, который, впрочем, просуществовал недолго, а в 1955 и 1956-ом выпускались дешифровальные значки, но тех самых, настоящих, после 1949 года уже больше не изготавливали.

Я держал в руке знаменитый Кодограф Капитана Полуночи, Джеффти сказал, что получил его по почте всего за десять центов (десять центов!!!) и две печатки «Овалтайн». Он был совершенно новый, из сияющего золотистого металла, без царапинки или пятнышка, в отличие от тех, что можно иногда отыскать за баснословные деньги в магазинах для коллекционеров… это был *новый дешифратор*. И на нем стоял нынешний год.

Только вот передачи про Капитана Полночь больше не выходили. По радио ничего подобного не передавали. Я как-то слушал пару жалких подражаний старым радиопередачам, но истории там были скучными, звуковые эффекты невыразительными, и все это казалось каким-то неправильным, устаревшим, пошлым. Однако я держал в руке абсолютно новый Кодограф.

— Джеффти, расскажи мне про него, — попросил я.

— Что тебе рассказать, Донни? Это мой новый секретный дешифровальный значок Капитана Полуночи. С его помощью я узнаю, что будет завтра.

— В смысле завтра?

— В передаче.

— В какой еще передаче?

Он посмотрел на меня так, словно я специально прикидывался дурачком.

— Как в какой? В «Капитане Полуночи»!

Ну и глупо же я себя вел! И все равно я ничего не понимал.

Это же было ясно как божий день, но я все еще не мог осознать, что происходит.

— Ты имеешь в виду пластинки с записями старых радиопрограмм? Так, Джеффти?

— Какие еще пластинки? — Теперь он не понял, что я имел в виду.

Мы сидели под крыльцом и смотрели друг на друга. А потом я задал вопрос, очень медленно, как будто боясь услышать ответ:

— Джеффти, как ты слушаешь «Капитана Полночь»?

— Каждый день. По радио. По моему радио. Каждый день в 5:30.

Новости. Музыка, тупая музыка и новости. Вот, что крутили по радио каждый день в 5:30. А не «Капитана Полночь». Секретный Отряд не выходил в эфир уже двадцать лет.

— Может, послушаем его сегодня? — предложил я.

— Да ты что! — сказал он.

Судя по его замечанию, я сморозил какую-то глупость, но не мог понять, какую именно. А потом меня осенило — сегодня же была суббота. «Капитан Полночь» выходил с понедельника по пятницу. По субботам и воскресеньям его не передавали.

— Мы пойдем в кино?

Ему пришлось дважды повторить свой вопрос. Мыслями я был где-то далеко. Ничего определенного. Никаких умозаключений. Никаких нелепых предположений не приходило мне на ум. Просто погрузился в размышления, попытался во всем разобраться и прийти к выводу, к которому пришли бы и вы, и любой другой человек вместо того, чтобы принять правду — невероятную, но чудесную правду — о том, что всему существует простое объяснение, которое я пока что не нашел. Нечто очень-очень простое и скучное, как течение времени, которое отнимает у нас все хорошее и старое и дает взамен дешевые безделушки и пластик. И все во имя прогресса.

— Донни, так мы пойдем в кино?

— Разумеется, пойдем, малыш, — сказал я. И улыбнулся. И отдал ему Кодограф. И он спрятал его в боковом кармане брюк. И мы выбрались из его убежища под крыльцом. И пошли в кино. И весь день никто из нас ни разу не упомянул про Капитана Полночь. Но весь тот день не проходило и десяти минут, чтобы я не думал об этом.

Всю следующую неделю в магазине проходила инвентаризация. Я не видел Джеффти до вечера четверга. Признаюсь, я оставил магазин на попечение Джен и Дэвида, сказав им, что мне нужно уехать по важному делу, и ушел пораньше. В четыре дня. И явился к Кинцерам в 4:45. Леона

открыла дверь с усталым и отстраненным видом.

— Джеффти дома?

Она ответила, что он наверху в своей комнате…

…слушает радио.

Я поднялся по лестнице, перескакивая через две ступеньки.

Ну ладно, наконец-то я смогу сделать этот невероятный, противоречащий всякой логике шаг. Если бы столь же невероятное событие произошло с кем-нибудь другим, а не с Джеффти — взрослым или ребенком — я попытался бы найти более логичное объяснение. Но это был Джеффти — без сомнения иной сосуд жизни, и его переживания не вписывались в стандартные схемы.

Признаюсь, я хотел услышать то, что услышал в его комнате.

Я узнал программу даже через закрытую дверь.

— Вот он, Теннесси! Стреляй в него!

Послышался громовой выстрел автоматической винтовки и пронзительный визг срикошетившей пули, а затем тот же самый голос с ликованием воскликнул:

— Попал! Прррямо в цель!

Джеффти слушал Американскую телерадиовещательную компанию на частоте 790 кГц, и сейчас передавали «Теннесси Джеда» — одну из моих самых любимых радиопрограмм в сороковые годы, я не слышал эти вестерны уже двадцать лет, потому что двадцать лет назад их перестали транслировать.

Я сел на верхнюю ступеньку лестницы на втором этаже в доме Кинцеров и слушал радио-шоу. Это не было повтором старых выпусков, я знал их все наизусть, не пропустил ни одного. Затем я получил и другие подтверждения того, что выпуски были новыми: во время рекламных пауз упоминались современные культурные явления и технологии, а также звучали слова и фразы, которые не имели широкого употребления в сороковые: аэрозольный баллончик, удаление татуировки лазером, Танзания, слово «психованный».

Я не мог игнорировать очевидное: Джеффти слушал новый выпуск «Теннесси Джеда».

Я сбежал вниз, выскочил из дома и бросился к своей машине. Леона, наверное, была на кухне. Я повернул ключ, включил радио и настроил его на частоту 790 кГц. На станцию Эй-би-си. Там звучала рок-музыка.

Какое-то время я просто сидел в машине и крутил колесико до упора то в одну, то в другую сторону. Музыка, новости, ток-шоу. И никакого «Теннесси Джеда». А ведь это было радио фирмы «Блаупункт» — самое лучшее, какое мне только удалось достать. Не пропускало ни одной радиостанции. Просто ничего подобного

не было в эфире!

Несколько минут спустя я выключил радио и зажигание, а затем снова тихо поднялся на второй этаж, сел на верхней ступеньке и прослушал всю программу до конца. Она была чудесная!

Захватывающая, поражающая воображение, в ней были все те самые новаторские для радио-драмы моменты, которые я так хорошо запомнил. Но она была современная. Не повтор старых передач для слушателей, ностальгирующих по былым временам. Это было новое шоу с прежними голосами, которые звучали все так же молодо и задорно. И рекламировали там современные товары, но реклама не была такой отвратительно громкой и визгливой, как те ролики, которые крутят по современному радио.

А потом, ровно в 5 вечера «Теннесси Джед» закончился. Я слышал, как Джеффти настраивает радио, пока не раздался знакомый голос ведущего Гленна Риггса, объявившего: «Встречайте Хопа Харригана! Американского аса на радиоволнах!» Послышался звук летящего самолета. Это был винтовой самолет, а не реактивный. Не тот рев, к которому привыкли современные детишки, а тот, который слышал в детстве, — рычащий, раскатистый, хриплый рев аэроплана, вроде тех, на которых летали герои журнала «Джи-8 и его боевые асы», Капитан Полночь или Хоп Харриган. А потом я услышал, как Хоп Харриган сказал: «СХ-4 вызывает командно-диспетчерский пункт. СХ-4 вызывает командно-диспетчерский пункт. Жду ответа! — А после паузы добавил: — Ну хорошо, Хоп Харриган… заходит на посадку!»

И Джеффти, которого мучила такая же проблема выбора, как и у всех нас, ребят из сороковых, когда радиопрограммы, одинаково нами любимые, передавали на разных станциях в одно и то же время, послушав немного о приключениях Хопа Харригана и «Танка» Тинкера, стал крутить колесико радио и вернулся на Эй-би-си, где я услышал удар гонга, затем — дикую какофонию китайской речи, после чего диктор воскликнул: «Тееерри и пираты!»

Я сидел наверху лестницы и слушал Терри, Конни, Флипа Коркина и, боже правый, Агнес Мурхед в роли Леди Дракон и про их новые приключения в красном Китае, которого еще не существовало, когда в 1937 году Милтон Кэнифф создавал свою версию далекого Востока, с речными пиратами, чанкайшистами и военными диктаторами, а также наивной в своем империализме дипломатией силы американцев.

Сидел и слушал все шоу до конца, а потом следом еще и

«Супермена», часть «Джека Армстронга — американского парня» и часть «Капитана Полуночи», а затем домой вернулся Джон Кинцер, но ни он, ни Леона не подумали подняться наверх и проверить, где я или чем занимается Джеффти, поэтому я продолжал сидеть и вдруг понял, что плачу и не могу остановиться. Я сидел, а слезы стекали у меня по лицу к уголкам губ, сидел и плакал, пока Джеффти не услышал, не открыл дверь, не увидел меня и не вышел, по-детски смутившись, а я понял, что начался перерыв, поэтому включилась система взаимного вещания и заиграла мелодия из песни Тома Микса «Когда настанет время и в Техасе зацветет шалфей». Тогда Джеффти тронул меня за плечо, улыбнулся губами и большущими карими глазами и сказал:

— Привет, Донни. Хочешь зайти и послушать со мной радио?

Юм отрицал существование абсолютного пространства, где у каждого предмета есть свое место. Борхес отрицает существование единого времени, в котором все события связаны.

Джеффти слушал радиопрограммы, передававшиеся из места, которого, если следовать логике, просто не могло существовать в естественном устройстве пространства и времени нашей Вселенной, как его представлял Эйнштейн. Но он не только слушал радиопередачи. Он получал по почте сувениры, которые не производила ни одна компания. Он читал комиксы, которые не выпускались уже почти три десятилетия. Он смотрел фильмы с актерами, умершими двадцать лет назад. Он был как приемная станция для бесконечных радостей и удовольствий прошлого, от которых мир давно избавился. В безудержном самоубийственном стремлении в будущее мир уничтожил свою сокровищницу простого счастья, залил бетоном детские площадки, оставил не у дел волшебников-отщепенцев. И все это невероятным, чудесным образом возвращалось в настоящее с помощью Джеффти. Возрожденное, усовершенствованное, сохранившее традиции, но при этом современное. Джеффти невольно стал Аладдином, силой своей природы превратив реальность в волшебную лампу.

И он пригласил меня в свой мир.

Потому что доверял мне.

Мы завтракали «Квакерскими воздушными пшеничными хлопьями» и запивали теплым шоколадным молоком «Овалтайн» из выпущенных в этом году кружек для молочных коктейлей «Маленькая сиротка Энни». Мы ходили в кино, и пока все остальные зрители наслаждались комедией с Голди Хоун и Райаном О'Нилом, мы с удовольствием смотрели фильмы с Хамфри Богартом в роли профессионального вора Паркера в снятой Джоном Хьюстоном потрясающей экранизации

«Убийственной земли» Дональда Уэстлейка. А вторым фильмом показали «Лейнинген против муравьев», снятый Вэлом Льютоном со Спенсером Трейси, Кэрол Ломбард и Лэйрдом Крегаром в главных ролях.

Дважды в месяц мы ходили к газетному киоску и покупали там последние выпуски журналов «Тень», «Док Сэвидж» и «Поразительные истории». Садились рядом, и я читал Джеффти вслух. Особенно ему понравились новый короткий роман Генри Каттнера «Сны Ахилла» и новый сборник рассказов Стенли Вейнбаума, где действие происходило во вселенной субатомных частиц под названием Редурна. В сентябре мы с удовольствием читали новый роман Роберта Э. Говарда о Конане-варваре — «Остров черных» — в журнале «Странные истории»; а в августе нас немного разочаровали «Корсары Юпитера» — четвертая повесть Эдгара Райта Берроуза из его серии про Юпитер. Но редактор еженедельника «Сокровищница всяческих историй» обещал опубликовать еще два рассказа из серии, и для нас с Джеффти это стало такой приятной неожиданностью, что немного скрасило разочарование от не вполне удачного произведения.

Мы с Джеффти вместе читали комиксы и оба пришли к одному выводу, причем порознь, и лишь потом, в ходе обсуждения, выяснили, что нашими любимыми супергероями были Человек-Кукла, Аэробой и Громада. Мы также обожали стрипы Джорджа Карлсона в «Комиксах Джингл-дженгл», особенно нам нравился Плосколицый принц из серии «Сказки старого Претцельбурга», мы читали эти комиксы вместе и смеялись, хотя мне приходилось объяснять Джеффти значение некоторых запутанных каламбуров, так как он был еще слишком маленьким, чтобы понять скрытую в них иронию.

Как все это можно было объяснить? Я не знаю. В колледже я неплохо изучил физику, и у меня возникли поверхностные предположения, которые, скорее всего, могли оказаться ложными. Закон сохранения энергии иногда нарушается. Физики говорят, что такие законы имеют «небольшие отклонения». Возможно, Джеффти стал катализатором для небольшого нарушения в законе сохранения энергии, и нам только сейчас стало известно о его существовании. Я пытался почитать специальную литературу: о «запрещенном» распаде мюонов — гамма-распаде, в продукты которого не включается мюонное нейтрино. Но ничего из прочитанного, даже новейшие исследования Швейцарского института ядерных исследований, находящегося рядом с Цюрихом, не помогли мне разобраться в этом вопросе. Пришлось обратиться к ранним философским концепциям, согласно которым «науку» следовало бы называть магией.

Никаких объяснений, просто множество чудесных моментов.

Самое счастливое время в моей жизни.

У меня был «реальный» мир — мир моего магазина, моих друзей и родных, мир прибылей и убытков, налогов и вечеров с молодыми женщинами, которые рассуждали о покупках или ООН, о повышении цен на кофе и микроволновках. А еще у меня был мир Джеффти, в котором я существовал, только когда был вместе с ним. Прошлое становилось для него ярким и живым, настоящим, и я мог прикоснуться к нему только вместе с Джеффти. И грань между двумя мирами становилась все более тонкой, сияющей и прозрачной. Я брал все самое лучшее от обоих миров. И в глубине души осознавал, что не смогу ничего перенести из одного мира в другой.

Забывшись хотя бы на мгновение и предав Джеффти этой своей забывчивостью, я положил бы всему конец.

Я настолько предавался удовольствиям, что стал проявлять беспечность, забыл, каким хрупким была связь между миром Джеффти и моим. Прошлое почему-то всегда вызывает возмущения у настоящего. Я никогда не мог этого понять. Нигде в книгах о зверях, в которых борьба за выживание показывается как сражение когтей и зубов, щупальцев и ядовитых желез, вы не встретите утверждений о том, с какой яростью прошлое готово обрушиться на настоящее. Нигде вы не найдете подробного отчета о том, как Настоящее затаившись ждет, когда Прошедшее вдруг захочет стать Сегодняшним Днем, и тогда его можно будет изорвать в клочья безжалостными челюстями.

Кто может знать о существовании чего-то подобного… в любом возрасте… тем более в моем… кто способен это понять?

Я пытаюсь найти себе оправдания. И не могу. Вся вина на мне.

Это случилось одним субботним днем.

— Что сегодня показывают? — спросил я, пока мы ехали в машине в центр города.

— Кейн Мейнард в «Правосудии с хлыстом» и «Человек без лица». — Он продолжал улыбаться, словно пытался одурачить меня.

Я с удивлением посмотрел на него.

— Ты шутишь! — сказал я. — «Человек без лица» Бестера?

Он кивнул, радуясь тому, что я был рад. Джеффти знал, что это одна из моих любимых книг.

— Просто супер!

— Супер-дупер, — ответил он.

— А кто там играет?

— Франшо Тоун, Эвелин Кейс, Лайонел Бэрримор и Элиша

Кук-младший. — В актерах Джеффти всегда разбирался гораздо лучше меня. Он мог назвать любого персонажа, сыгранного таким-то актером, даже в самых маленьких эпизодах.

— А что там с мультиками? — спросил я.

— Будет три: «Малышка Лулу», «Дональд Дак» и «Багз Банни», а еще «Диковинки Пита Смита» и «Мартышки безумный народец» Лью Лера.

— Ну надо же! — воскликнул я, улыбаясь до ушей. А потом я опустил взгляд и увидел на сидении бланки заказа товара. Совсем забыл отвезти их в магазин.

— Мне нужно заехать в центр, — сказал я. — Отвезти туда кое-что. Это всего одна минута.

— Хорошо, — сказал Джеффти. — Мы не опоздаем?

— Ни в коем случае, малыш, — заверил я его.

Когда я остановился на парковке перед центром, Джеффти решил пойти в магазин вместе со мной, а потом мы бы пешком отправились в кинотеатр. Город-то у нас невелик, всего два кинотеатра: «Утопия» и «Лирика». Мы собирались в «Утопию», находившуюся в трех кварталах от магазина.

Взяв бланки, я вошел в магазин, там творилось черт знает что. Дэвид и Джен одновременно обслуживали по два клиента каждый, а вокруг еще стояло много народу, и все ждали, пока им помогут. Джен посмотрела на меня, ее лицо было полно ужаса и мольбы. Дэвид выскочил в торговый зал со склада и, пробегая мимо меня, прошептал: «На помощь!», после чего скрылся из виду.

— Джеффти, — сказал я, присев на корточки, — слушай, придется подождать несколько минут. Джен и Дэвид не справляются со всем этим народом. Мы не опоздаем, честное слово. Просто мне нужно разобраться хотя бы с парочкой покупателей.

Вид у Джеффти был встревоженный, но он все равно кивнул в знак согласия.

Я показал на кресло и сказал:

— Посиди здесь, я скоро.

Он послушно подошел к креслу, хотя понимал, что происходит, и сел в него.

Я занялся покупателями, желавшими приобрести цветные телевизоры. Это была наша первая крупная партия телевизоров, которые лишь недавно стали продаваться по более-менее адекватной цене — «Сони» только-только начинала продвигать данный товар. Мне это сулило баснословные прибыли. Я уже представлял себе, как расплачусь с долгами, а мой центр наконец-то станет зарабатывать большие деньги. Бизнес есть

бизнес.

В моем мире бизнес был на первом месте.

Джеффти сидел и смотрел на стену. Позвольте мне рассказать немного про эту стену.

На всей стене — от пола до потолка — самым причудливым образом были закреплены телевизоры. Тридцать три штуки. И все работали. Черно-белые, цветные, большие, маленькие, все они работали.

Тем субботним днем Джеффти сидел и смотрел на тридцать три телевизора. Мы принимали тринадцать каналов, в том числе образовательные. По одному каналу показывали гольф; по другому — бейсбол; на третьем знаменитости играли в боулинг; на четвертом шел религиозный семинар; на пятом — подростковое танцевальное шоу; на шестом — повторяли какую-то комедию положений; на седьмом — полицейский детектив; на восьмом показывали передачу про природу, и какой-то мужчина бесконечно ловил рыбу на искусственных мух; на девятом были новости с говорящими головами; на десятом — автомобильные гонки; на одиннадцатом — мужчина писал на доске логарифмические уравнения; на двенадцатом — женщина в трико качала пресс; а на тринадцатом канале показывали скверно нарисованный мультсериал на испанском языке. Кроме шести телешоу, остальные передачи одновременно демонстрировались на трех телевизорах каждая. Джеффти сидел и смотрел на стену с телевизорами в субботу днем, пока я продавал эти самые телевизоры побыстрее и повыгоднее, чтобы расплатиться с тетей Патрисией и как-то поддерживать связь со своим миром. Бизнес есть бизнес.

Какой же я был дурак! Я должен был понимать, что такое настоящее и как оно убивает прошлое. Но я полностью сосредоточился на торговле. А когда полчаса спустя наконец-то посмотрел на Джеффти, малыша словно подменили.

Он весь покрылся испариной. Сильно вспотел, как будто его била лихорадка, какая бывает при желудочном гриппе. Лицо стало бледным, болезненным, он побелел, словно мел, а маленькие ручки сжимали подлокотники кресла так крепко, что под кожей отчетливо выступили костяшки. Я бросился к нему, извинившись перед парой средних лет присматривающей новую модель с диагональю в 21 дюйм.

— Джеффти!

Он посмотрел на меня невидящим взглядом. Он был страшно напуган. Я выдернул его из кресла и вместе с ним бросился к двери, но брошенные мной покупатели закричали на меня.

— Эй! — возмутился мужчина средних лет. — Так вы

покажете нам телевизор или нет?

Я посмотрел на него, а затем снова перевел взгляд на Джеффти. Джеффти напоминал зомби. Он послушно последовал за мной. Его колени подгибались, он приволакивал ноги. Прошлое, пожираемое настоящим, страдало от боли.

Пошарив в карманах, я вытащил немного денег и всунул их в ладошку Джеффти.

— Малыш… послушай меня… уходи отсюда немедленно!

Он по-прежнему не мог толком сосредоточиться.

— Джеффти, — сказал я как можно более строгим тоном, — послушай меня!

Покупатель средних лет и его жена уже направлялись к нам.

— Послушай, малыш, уходи отсюда сию же минуту. Иди в «Утопию» и купи билеты. Я пойду сразу за тобой.

Покупатель средних лет и его жена почти дошли до нас. Я вытолкнул Джеффти за дверь и увидел, как он побрел в другую сторону, затем остановился, собрался с мыслями и пошел мимо витрины магазина в сторону «Утопии».

— Да, сэр, — сказал я, выпрямляясь и поворачиваясь к ним. — Да, мэм. Это потрясающий телевизор с фантастическими возможностями! Если вы сейчас пройдете со мной…

Послышался ужасный звук, как будто кому-то причинили сильную боль, но я не понял, на каком это было канале и из какого телевизора доносилось.

Позже я узнал о случившемся от девушки, работавшей в билетной кассе, и некоторых моих знакомых, которые приходили ко мне и рассказывали о том, что произошло. Когда я добрался до «Утопии» примерно двадцать минут спустя, Джеффти уже избили до полусмерти и отнесли в кабинет менеджера.

— Вы не видели совсем маленького мальчика лет пяти с большими карими глазами и прямыми каштановыми волосами?.. Он ждал меня…

— Наверно, это тот, которого избили мальчишки?

— Что? Где он?

— Его отвели в кабинет менеджера. Никто не знает, кто он и где его родители…

Молоденькая девушка в форме билетерши сидела на корточках перед кушеткой и прикладывала влажное бумажное полотенце к его лицу.

Я взял у нее полотенце и попросил ее выйти. Она, кажется, обиделась и что-то грубо фыркнула в ответ, но все же ушла. Я сел на край кушетки и попытался стереть кровь с рассеченной кожи, стараясь не повредить царапины в тех местах, где кровь уже запеклась. Оба его глаза заплыли. Рот был весь разбит. Волосы

слиплись от засохшей крови.

Он стоял в очереди за двумя подростками. Билеты стали продавать в двенадцать тридцать, а сеанс начинался в час дня. Двери открывали только в двенадцать сорок пять. Он ждал, а мальчишки впереди него слушали радиоприемник. Бейсбольный матч. Джеффти просто хотел что-нибудь послушать. Одному богу известно, что именно: «Центральный вокзал», «Давай притворимся», «Потерянная земля» или что еще это могло быть.

Он попросил радио на минутку — послушать что-нибудь, когда началась реклама, мальчишки отдали ему приемник, возможно, решили сначала пойти малявке навстречу, а потом воспользоваться случаем и как-нибудь злобно подшутить над ним. Он сменил станцию… и они уже не смогли больше вернуться на бейсбольный матч. Радио перестроилось на прошлое, а приемник стал передавать передачи, существовавшие только в мире Джеффти. Мальчишки сильно избили его… и никто не вступился за Джеффти.

Потом они убежали.

Я оставил его одного, оставил совершенно безоружного сражаться с настоящим. Я предал его, чтобы продать консольный телевизор с диагональю в двадцать один дюйм, и теперь ему разбили в кровь лицо. Я простонал что-то нечленораздельное и тихо всхлипнул.

— Тише, малыш, все хорошо, это Донни. Я здесь. Я отвезу тебя домой, все будет хорошо.

Нужно было сразу отвезти его в больницу. Я не знаю, почему не сделал этого. А ведь должен был. Должен был так поступить.

Когда я внес его в дом Джона и Леоны Кинцер, они только молча уставились на меня. Даже не предприняли попыток забрать Джеффти. Одна его рука безвольно свисала. Он был в полубессознательном состоянии. А они стояли и смотрели на меня из полумрака субботнего дня настоящего. Я окинул их диким взглядом.

— Двое ребят избили его в кинотеатре. — Я поднял его чуть повыше и протянул к ним. Они уставились на меня, на нас обоих, ничего не выражающими, неподвижными глазами. — Господи Иисусе! — закричал я. — Малыша избили! Он же ваш сын! А вы не хотите даже прикоснуться к нему! Что вы, черт возьми, за люди такие?!

Тогда Леона подошла ко мне, очень медленно. Несколько секунд она неподвижно стояла перед нами, мне было невыносимо видеть этот суровый стоицизм на ее лице. Она словно пыталась сказать мне: «Я уже проходила через это много раз. Это невыносимо! Но выхода нет».

Итак, я отдал его ей. Да поможет мне Бог, я отдал его ей.

И она унесла его наверх, чтобы смыть его кровь, его боль.

Мы с Джоном Кинцером стояли в полумраке гостиной в отдалении друг от друга и не сводили друг с друга глаз. Ему было нечего мне сказать.

Я протиснулся мимо него и рухнул в кресло. Меня всего трясло.

Сверху доносился шум воды в ванной.

Прошло, казалось, очень много времени, прежде чем Леона спустилась вниз, вытирая руки о фартук. Она села на диван и через какое-то время Джон тоже сел рядом с ней. Я услышал игравшую наверху рок-музыку.

— Не хотите кусочек свежего бисквитного торта? — спросила Леона.

Я не ответил. Я слушал музыку. Рок-музыку. Ее передавали по радио. Настольная лампа на краю стола перед диваном излучала слабый свет, неспособный разогнать поселившийся в гостиной мрак. Рок-музыка настоящего звучала из радио наверху? Я хотел что-то сказать, но потом вдруг понял… о боже, нет!

Я подскочил, когда ужасный треск заглушил музыку, а настольная лампа начала меркнуть и мигать. Я что-то выкрикнул, не помню уже что именно, и бросился к лестнице.

Родители Джеффти даже не пошевелились. Они сидели, сложа руки, на привычном месте, просиженном годами, десятилетиями.

Я дважды упал, взбираясь вверх по лестнице.

Современное телевидение меня мало интересует. Я купил в секонд-хенде старенький радиоприемник «Филко», напоминавший своей формой старинный собор, вынул из него все перегоревшие детали, заменив лампами, которые еще были в рабочем состоянии — их я извлек из старых радиоприемников. Я не пользуюсь транзисторами и печатными платами. Все равно с ними ничего не выйдет. Я провожу перед этим приемником иногда по много часов, кручу колесико туда и обратно, очень-очень медленно, настолько медленно, что иногда кажется, будто оно совсем не двигается.

Но у меня так ни разу и не получилось поймать ни «Капитана Полночь», ни «Потерянную землю», ни «Тень», ни «Потише, пожалуйста».

Значит, она все-таки его любила, пусть и самую капельку, и пронесла это чувство сквозь все эти годы. Я не испытывал к ним ненависти: они ведь хотели снова жить в настоящем. А это не так уж и плохо.

Если поразмыслить, то это хороший мир. Во многих отношениях гораздо лучше того, что было раньше. Люди больше не умирают от старых болезней. Они умирают от новых, но это ведь и есть прогресс, правда?

Правда?

Скажите мне!

Пожалуйста, скажите мне!

Открой коробку — найдешь подарок!

«FREE WITH THIS BOX!». Перевод: Е. Доброхотовой-Майковой.

На этом мы расстаемся. Вы были чрезвычайно терпеливы со мной, ведь я с самого начала вел себя немного развязно и нервно, впервые высказывая все это людям вашего возраста. Так что я у вас в долгу и благодарю вас. Итак, в качестве достойного подарка в виде «хлеба с маслом» за вашу снисходительность, я расскажу вам эту последнюю историю. Дело в том, что в этой книге должно было быть всего 16 историй, заканчивающихся, возможно, одной из моих лучших: «Джеффти пять лет». Но уже после того, как я отослал книгу своему редактору и издателю, я подумал и понял, что должен добавить в сборник «Открой коробку — найдешь подарок!», потому что, в общем, это самое близкое (из того что у меня есть под рукой) к истине рассказывающее о том, в какие неприятности я попадал за всю свою жизнь. О, черт, я написал целое море эссе, колонок, комментариев и рецензий, многие из которых содержат анекдоты о моей жизни; но в этой истории, которую я написал давным-давно, излагается то, что на самом деле произошло со мной, когда я был маленьким ребенком, лишь слегка приукрашенное. Да, это рассказ, а не мемуары, но это ясное и недвусмысленное предупреждение о том, что значит жить такой жизнью, какой жил я, удивительной и приносящей удовлетворение, какой бы она ни была. Я помню одну фразу журналиста Хантера С. Томпсона, о «тупиковом одиночестве человека, который устанавливает свои собственные правила». Я вспоминаю об этом сейчас, когда готовлюсь сердечно попрощаться с вами, потому что если в этой книге и есть урок, который превосходит все остальные, то он таков: будьте самим собой. Будьте добры, будьте этичны, будьте благородны и мужественны; уважайте своих друзей, держите свое слово, относитесь с честью к своим врагам, если можете, но обманывайте их, если они не позволят вам так с ними обращаться; не верьте выдумкам людей, которые пытаются вам что-то продать, помните, что настоящая любовь возможна только тогда, когда вы ничего не

боитесь и можете смеяться над этим, и не стараетесь быть слишком умным. Прежде всего, будьте самим собой. Никогда не вините в том, во что превратилась ваша жизнь, невезение, судьбу, «провалы в памяти» или параноидальную манию о заговорах. Вы хозяин своей судьбы и сейчас, и всегда им будете. Как там в кинофильме «Букару Бонзай»… …о, да, я помню… «Никогда не забывай: от себя не убежишь». Вот он я, результат того, что я из себя сделал, в беде из-за своей бестолковости; а вот и ты, смотришь на меня, смотрящего на тебя. Где бы ты ни был, малыш, помни, я с тобой. Позаботься о себе. Не наступай на битое стекло.

Его полное имя — Дэвид Томас Купер. Мама зовет его Дэви, учителя — Дэвид, но вообще-то он достаточно подрос, чтобы приятели величали его по-мужски — Дэйвом. В конце концов, восемь лет — это уже не маленький. Взрослый человек, который сам ходит в школу и не ложится спать раньше половины девятого.

В прошлом году мама сказала: «После каждого дня рождения мы разрешим тебе укладываться на час позже» — и сдержала обещание. Дэви посчитал, что таким макаром через несколько лет можно будет почти совсем не ложиться.

Дэви — худой мальчик, стриженный под полубокс, с узким личиком, большими карими глазами и привычкой сосать большой палец, когда никто этого не видит.

А сейчас, в эту самую минуту, ему больше всего на свете хотелось иметь полный комплект медалек.

Дэви сунул руку в карман штанов и вытащил матерчатый мешочек с завязками. Раньше он держал здесь алебастровые шарики, но сейчас они остались дома, в коробке из-под обуви. Теперь в мешочке лежали медальки. Дэви сдвинулся на край автомобильного сиденья и развязал мешочек.

Медальки звякнули. Двадцать четыре штуки. Булавки Дэви повытаскивал — он не такой дурной, как Леон, чтобы носить свои медальки на шапочке. Куда лучше раскладывать их на столе. Дело даже не в том, что на них классные картинки — герои знаменитых комиксов; дело в том, что они — твои.

Все-таки здорово, что осталось дособирать всего восемь: Скизикса, сиротку Анни, Оболдуя Энди, королевича, Б. О. Пленти, волшебника Мандрагору, Сорванца Гарольда и — самого редкого — Дика Трейси. Тогда Дэви утрет нос Роджеру, Хобби и даже Леону. У него будет весь комплект, выпущенный компанией по производству пшеничных хлопьев. Главное — даже не обскакать

других ребят, главное в том удовольствии, которое получаешь от каждой новой медальки, как будто чего-то достиг. Когда Дэви соберет оставшиеся восемь, он будет самым счастливым мальчиком на Земле.

Однако это опасно, как отлично понимал Дэви.

Не то чтобы мама отказывалась покупать хлопья. Коробка стоит всего двадцать три цента, мама покупает по коробке в неделю. Но в коробке-то медалька всего одна! Наверняка не соберешь комплект до того, как медальки заменят другими вкладышами. Потому что слишком часто попадаются дубликаты у Дэви уже три Супермена (это самая легкотня), а Дик Трейси есть только у Хобби, причем меняться Хобби не хочет. Вот и думай, как добывать медальки!

В наборе тридцать два ярких глянцевых значка. Каждый в целлофановом пакетике на дне упаковки с хлопьями.

Как-то Дэви отстал от матери в магазине и подошел к полке с хлопьями. Взял коробку и, не успев сообразить, что делает, запустил пальцы под донышко. Он и сейчас помнил дикий восторг от прикосновения к пакетику. Он всунул еще палец, раздвинул щель и выудил медальку.

В тот день он заполучил сироткиного песика Сэнди.

В тот день он понял: незачем дожидаться, пока мать купит коробку. Потому что в тот день он заполучил Сэнди, а прежде никто, никтошеньки во всей округе не видел этой медальки в глаза. Это было в тот день.

Так что Дэви прилежно сопровождал мать в ее еженедельной поездке за покупками. Мать попервости удивилась, но она любила Дэви и совсем не возражала.

В ту первую неделю, когда он раздобыл Сэнди, Дэви понял: не стоит заходить в универмаг вместе с матерью.

Она может узнать, что он затеял. Он вовсе не стыдился, но понимал, что поступает нехорошо… он бы скорее умер, чем проговорился маме. Она может подойти к полке, где он стоит, притворяясь, что читает надпись на коробке, а на самом деле нащупывая целлофановый пакетик, — и заметить его. Или Дэви застукает кассир, и маму позовут опознать гадкого воришку.

Так что он научился ждать в машине, играя с медальками в мешочке, пока мама с продавцом выйдут из универмага и загрузят покупки, а потом мама поцелует сыночка, похвалит за то, что так терпеливо ждал, и пообещает быстренько зайти в булочную и в магазин к Вулворту.

Дэви знал, сколько это займет. Почти полчаса.

Вполне достаточно, чтобы провертеть дырки в десяти-двенадцати коробках и вытащить медальки.

Обычно попадалось не меньше двух новых. Сперва — во вторую поездку по магазинам — даже больше. Пять или шесть. Но потом, разумеется, стали чаще попадаться дубликаты, и он был на седьмом небе, если находил хотя бы одну.

Теперь осталось собрать только восемь, и Дэви высыпал коллекцию из мешочка, следя, чтоб ни одна медалька не завалилась между подушками.

Он повернул их выпуклой стороной наружу. Покрутил, чтобы Фантомас и Агент Х-9 не были вверх ногами. Разложил в ряды по четыре — вышло шесть рядов. Ссыпал обратно в мешочек и позвенел возле уха.

Его приобретение.

— Долго меня не было? — спросила мама в окошко. — За спиной у нее толстый прыщавый продавец держал у груди большую коробку.

Дэви не ответил — мама не для того спрашивает. Просто у нее такая привычка. Спрашивает и сама удивляется, если он ответит. Дэви давно научился различать вопросы вроде «Куда ты задевал банные шлепанцы?» и «Правда мама купила хорошенькую шляпку?»

Поэтому он не ответил, но с интересом заговорщика, выжидающего, когда берег обезлюдеет, наблюдал, как мать открывает переднюю дверцу и наклоняет переднее сиденье вперед, чтобы продавец запихнул коробку на заднее. Дэви пришлось скрючиться, но ему нравилось, как придавливает спину подушка.

Потом мама нагнулась и поцеловала сыночка — приятно, только челка при этом всегда падает на лоб, — затем так замечательно подмигнула и поправила ему челку. А потом хлопнула дверцей и пошла через улицу в булочную.

Только она вошла в магазин, Дэви вылез из машины и направился к универмагу. Первый торговый зал, второй — и здесь, в самой середине, он увидел коробки.

Новый завоз! Новые коробки — на мгновение его пронзил страх, что там уже не медальки, а наклейки или какая-нибудь другая чепухня.

Еще шаг, и сердце радостно екнуло — вот она, надпись: «Открой коробку — найдешь подарок!»

Да, это коробки с медальками.

Какой классный день! Дэви на ходу принялся напевать песенку собственного сочинения:

У меня в кармане мелочь,

Я сегодня покучу.

У меня мои медальки,

Остальные получу.

Вот он уже перед коробками, взял первую. Развернул лицом к себе, сдавил донышко… сильнее, сильнее. Иногда это было трудно — кожа между большим и указательным пальцами содралась о жесткий картон и саднила.

Пакетик запрятался далеко, пришлось еще немного надорвать коробку. Палец проткнул бумагу, в которой лежали хлопья, но в следующую секунду Дэви уже нащупал пакетик и вытащил его наружу.

Опять Сэнди.

Так плохо Дэви не было с того дня, когда он поцарапал о бровку новенький, только что подаренный велик. Горе захлестнуло его с головой, он бы расплакался, если б не видел перед собой еще коробки. Дэви запихал медальку обратно, потому что это нечестно — брать медальку, которая у тебя уже есть. Это была бы жадность.

Он взял вторую коробку. Третью, четвертую, пятую.

К тому времени как Дэви распотрошил восемь коробок и не нашел ни одной новой медальки, он совсем скис: скоро вернется мама, а к ее возвращению надо сидеть в машине. Он принялся за девятую — остальные восемь уже стояли на полке, правда, сикось-накось, потому что вспоротые донышки не давали поставить их как следует, — когда сзади появился человек в белой форме продавца.

Дэви так старался не ковырять коробку, когда кто-нибудь подходит… притворяться, будто читает надпись… но продавца он не заметил. — Эй! Ты что там делаешь?

Голос у продавца был резкий и неприветливый, Дэви похолодел от желудка и до макушки. Продавец взял мальчика за плечо и грубо развернул к себе. Дэви не успел вытащить пальцы из коробки.

Продавец секунду смотрел на него, потом расширил глаза.

— Так это из-за тебя у нас пропало столько хлопьев!

Дэви понял, что не забудет его голос, даже если проживет тысячу, или миллион, или миллион миллионов лет.

У продавца были густые сросшиеся брови, длинные патлы, бородавка на подбородке и большой карандаш за ухом. Он злобно смотрел на Дэви, и Дэви испугался, что умрет на месте.

— Пошли, отведу тебя в контору.

Он провел Дэви в комнатенку за мясным прилавком, усадил на стул и спросил:

— Как тебя звать?

Дэви отвечать не собирался.

Самое страшное, самое-самое страшное, если узнает мама.

Она скажет папе, когда тот придет с работы, папа разозлится пуще обычного и выпорет Дэви ремнем.

Поэтому Дэви твердо решил ничего не говорить, и тогда продавец заглянул ему в карман, нашел мешочек с медальками и пробормотал:

— Ага. Теперь я точно знаю, что это ты, — и заглянул в другие карманы.

Наконец он сказал:

— Документов у тебя нет. Значит, так: или ты говоришь, как тебя звать и кто твои родители, или я веду тебя в полицейский участок.

Дэви решил все равно ничего не говорить, хотя глаза у него щипало. А продавец нажал кнопку на такой штуковине у себя на столе, и вошла женщина в белом халатике с поясом.

— Мэрт, подежурь немного за меня. Вот, поймал воришку, который вскрывал коробки с хлопьями.

Отведу его — тут бородавчатый что есть силы подмигнул женщине по имени Мэрт — в полицейский участок. Туда попадают все нехорошие воры, и полицейские засадят его на много-много лет, если он не скажет свое имя.

Мэрт кивнула, и прищелкнула языком, и сказала, что стыдно такому маленькому мальчику красть, и даже: «Кане капукагай капарканя уж каслишкаком».

Дэви знал, что она говорит «на ка», но Хобби и Леон сами так говорили, а его не научили, поэтому он не понял, даже когда бородавчатый ответил:

— Канет, я кахокачу католькако канекамнокаго кавпракавить ему камозкаги.

Тогда Дэви подумал, что это игра и его отпустят, а и не отпустят, все равно нестрашно: мама много раз говорила, что полицейские — друзья, они его защитят. Он любил полицейских и потому не боялся.

Только плохо, что его поведут к полицейскому, а мама придет и не застанет его и будет потом ругаться.

Но он все равно молчал. Бородавчатому продавцу ничего говорить нельзя.

Тот взял Дэви за руку и вывел через черный ход к пикапу с эмблемой универмага. Дэви молча сел рядом на сиденье. Они проехали по городу и остановились возле полицейского участка.

Он молчал, когда бородавчатый говорил большому, толстому и краснолицему полицейскому в потной рубахе:

— Эл, это воришка, которого я поймал в магазине. Он рвал коробки, и я подумал, что ты захочешь посадить его в тюрьму.

И он подмигнул большому краснорожему полицейскому, а

полицейский тоже подмигнул и ухмыльнулся, а потому подался вперед и уставился на Дэви.

— Как тебя звать, мальчик?

Голос у него было сладкий, как сладкая вата, но все равно Дэви сказал бы ему, что его зовут Дэвид Томас Купер и что он живет в доме номер 744 по Террас-драйв, Мэйфер, штат Огайо… если бы рядом не стоял бородавчатый.

Так что Дэви промолчал, а полисмен взглянул на бородавчатого и сказал очень громко, кося на Дэви черным глазом:

— Ладно, Бен, похоже, что к этому преступнику надо применить более строгие меры. Я ему покажу, что бывает с ворами!

Он встал, и Дэви увидел, какой он большой и толстый.

Мама описывала полицейских совсем другими. Жирный полисмен взял Дэви за руку и повел по коридору, а бородавчатый увязался следом и сказал:

— Слышь, начальник, я ни разу не был в вашей вытрезвиловке. Можно глянуть?

Жирный ответил:

— Да.

И тут для Дэви началось самое страшное.

Его завели в комнату. Там на грязной койке лежал вонючий дядька, облепленный мухами, он заблевал весь пол и матрас и лежал в блевотине, и Дэви затошнило. Потом была решетка, и за решеткой другой человек, он хотел их схватить, а полицейский через решетку ударил его по руке толстой палкой на веревке. И еще там сидели смурные дядьки, и ужасно воняло, и скоро Дэви совсем перетрусил, и начал плакать, и захотел спрятаться или домой.

Потом они вернулись туда, откуда пришли, и полицейский нагнулся к Дэви, и затряс его изо всех сил, и орал, чтобы тот никогда, никогда, никогда больше не нарушал закон, или его посадят к тому дядьке, который хотел их схватить, и запрут на ключ, и дядька съест его живьем.

Тогда Дэви заревел.

Полицейский и бородавчатый вроде бы обрадовались, потому что Дэви слышал, как полисмен сказал продавцу:

— Это на него подействует. На таких маленьких главное произвести правильное впечатление. Больше он к тебе не сунется, Бен. Оставь его здесь, и скоро парень запросится к родителям. Тогда мы отправим его домой.

Бородавчатый пожал полисмену руку, и сказал «спасибо», и еще пригласил заходить в магазин и брать мяса сколько надо.

Потом нагнулся к Дэви и заглянул ему прямо в глаза:

— Ты не будешь больше воровать из коробок с хлопьями?

Дэви был смертельно напуган, он затряс головой и почувствовал, какие липкие стали следы от слез.

Бородавчатый выпрямился, улыбнулся полисмену и вышел, оставив Дэви в этом ужасном месте.

Дэви сказал правду.

Он никогда, никогда не будет воровать из коробок с хлопьями. Он вообще с этого дня ненавидит пшеничные хлопья.

И фараонов, кстати, тоже.

notes

Примечания

1

Мароны — представители особых сообществ беглых рабов-негров и их потомков смешанного происхождения (мулаты, самбо), на протяжении веков ведущих полукочевой и практически независимый образ жизни в глухих горных регионах вдали от центров европейской колонизации в Западном полушарии.

2

Сегодня рестлинг — это шоу, где на глазах у многомиллионной аудитории мужики и женщины в разноцветных трико и костюмах инсценируют принципиальную вражду. Настоящий театр эмоций, где сценарий пишется заранее и согласовывается со всеми бойцами шоу. Когда бой закончится, а зрители разойдутся, участники мило улыбнутся друг другу, но под камерами они — боги войны, способные уничтожить соперника.

3

Бой-бэнд — «мальчишеская музыкальная группа», вокальная поп-группа, состоящая из юношей привлекательной внешности и ориентированная на девушек предподросткового и подросткового возраста.

Предисловия ко всем рассказам сборника перевел Н.И. Яньков.

5

Марди Гра (аналог нашей Масленицы) так сильно вошел в культуру Нового Орлеана, что отменяли его только в самых чрезвычайных случаях.

6

Джулеп — алкогольный коктейль на основе бурбона (или другого крепкого спиртного напитка), воды, дроблёного льда и свежей мяты.

7

Флойд Беннет — известный американский летчик.

8

Линия Мажино — система французских долговременных укреплений на границе с Германией (2-я мировая война)

9

Кожная болезнь, выражающаяся в появлении крупных красных угрей и бородавок и воспалении кровеносных сосудов (здесь и далее примеч. пер.).

10

Альфред Эдвард Хаусман (1859–1936) — популярный английский поэт.

11

Розеттский камень — чёрная плита высотой 114 см с изданным в Мемфисе в 196 до н. э. в честь Птолемея V Эпифана декретом собрания егип. жрецов. Текст начертан древнеегипетскими иероглифами и снабжён переводом на греч. яз. Находка камня помогла расшифровке древнеегипетской письменности.

12

Дональд Роберт Перри Маркиз (Don Marquis). — Американский юморист, журналист и писатель (1878–1937) Одним из самых известных литературных произведений Маркиза является «Арчи и Мехитабель» — серия стихов, написанных им в начале 1900-х годов. Стихи представлены как произведение Арчи, поэта перевоплотившегося в таракана, который печатает свои стихи, прыгая по клавишам пишущей машинки. Мехитабель — бездомная кошка и друг Арчи. Их разговоры и приключения составляют основу стихов. Перри Маркиз хорошо понимал человеческую природу и использовал свои произведения для исследования философских и экзистенциальных тем в беззаботной и доступной манере.

Его работы по-прежнему славятся своим остроумием и пониманием человека.

13

Борг — представитель вымышленной высокотехнологичной псевдо-расы в телесериалах «Звёздный путь»

14

Джордж Орсон Уэллс (1915–1985) — американский кинорежиссёр, актёр, сценарист.

Работал в театре, на радио и в кино. Он поднял на уши всю Америку постановкой «Войны миров». Радиоспектакль, который Уэллс вел в одиночку, отличался таким реализмом, что слушатели всерьез поверили, что на США напали полчища марсиан, а вся постановка — это включение прямого эфира с места событий. Шум был огромный. Люди на полном серьезе впадали в панику, телефонные линии министерств и служб раскалялись до красна — жители требовали прояснить обстановку и принять меры против иноземного вторжения.

15

Адонис — человек, возлюбленный богини Афродиты, который был известен тем, что достиг бессмертия. В классической древности считался идеалом мужской красоты.

16

Дик Бонг (Ричард Айра Бонг. 1920–1945) — американский лётчик-истребитель, участник Второй мировой войны, наиболее результативный ас в истории американских ВВС, сбил 40 японских самолётов.

17

Монета достоинством в пять центов.

comments

Комментарии

1

Даффи Дак (англ. Daffy Duck — «Утка Даффи») — мультипликационный персонаж.

Даффи Дак

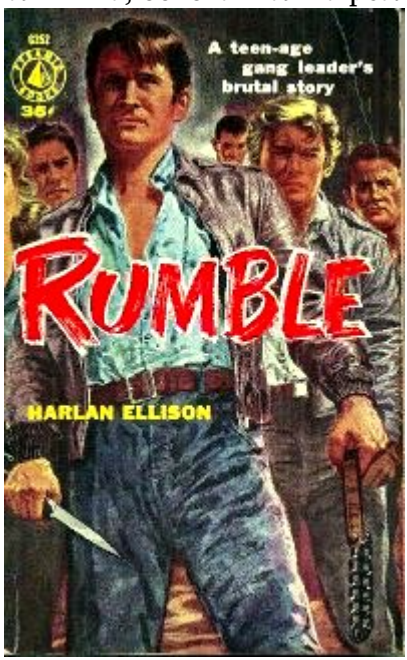
Дональд Дак

2

Мош-пит — в современном понимании это танец, который исполняет группа людей в толпе, в круге, в котором танцующие синхронно двигаются, работая и руками и ногами, совершая движения напоминающие удары, агрессию. Является неотделимой частью любого уважающего себя хардрок-панк концерта.

3

«Громыхание» (Rumble, другое название: Web of the City — Городсая паутина). У Харлана Эллисона трудный период, ему 21, он зарабатывает на жизнь чем попало, не брезгуя черновой и криминальной работой. В течение нескольких месяцев он действующий член бруклинской молодежной группировки, под названием «Бароны», одной из самых опасных в городе. Впечатления того времени легли в основу этого романа. Полудокументальная книга, основанная на реальных фактах.



4

«Пирожки» на сосках (самоклеющиеся):

5

В выражении «дрожь способна вызвать социальный резонанс и сбросить богатых, могущественных, титулованных с их высоких флагштоков» упоминание флагштоков не совсем к месту. Лучше «с их насиженных мест».

Эллисон выразил эту мысль по-другому, упоминая и флагшток: «And at the top-where, like socially attuned Shipwreck Kellys, every tremor and vibration threatening to dislodge the wealthy, powerful and titled from their flagpoles». — А на самом верху любое содрогание и вибрация угрожали сбросить могущественных и титулованных с их флагштоков, как и широко известного Келли-кораблекрушение (Shipwreck Kelly).

Здесь Эллисон сравнивает положение могущественных и титулованных (powerful and titled) с ощущениями Келли-кораблекрушение на флагштоке.

Элвин Келли-кораблекрушение (1893–1952) это широко известная в США (а Эллисон пишет именно для этой аудитории) личность. Каким бы странным это ни казалось сегодняшней аудитории, 1920-е годы были охвачены лихорадкой сидения на шесте, и это увлечение стало особенно популярным среди американской молодежи, поскольку дети соревновались за новые рекорды и местную известность. А инициатором этого был «Келли-кораблекрушение», который утверждал, что выжил после катастрофы «Титаника» (отсюда и прозвище "Кораблекрушение"), хотя это было неправдой.

На пике своей славы он объехал 28 городов, взимая плату с людей, которые хотели постоять на крышах, чтобы посмотреть на его трюки. В 1930 году он установил мировой рекорд, просидев 49 дней и один час на флагштоке высотой 69 м. Он также получал доход от рекламы, и книг о своей жизни.